

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Носкова Наталья Геннадьевна

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КОРЕЙЦЕВ:
ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI вв.)

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Шерстова Людмила Ивановна

Томск – 2016

Оглавление

Введение	3
1 Политическая и социально-экономическая ситуация в Корее в конце XIX в.....	34
1.1 Внутренние причины политического и социально-экономического кризиса в Корее конца XIX в.....	34
1.2 Влияние внешнеполитического фактора на ситуацию в Корее конца XIX в.....	45
1.3 Кризис корейского этнического самосознания и актуализация религиозно-мифологического наследия на рубеже XIX – XX вв.....	52
1.3.1 Этапы формирования корейского самосознания.....	56
1.3.2 Трансформация представлений о Тангуне.....	60
2 Особенности функционирования мифологических идей в период японского протектората и оккупации (1905 – 1945 гг.).....	69
2.1 Социально-политическая ситуация в Корее в период японского протектората и оккупации (1905 – 1945 гг.).....	69
2.2 Переосмысление корейцами своего культурного наследия в период японского протектората и оккупации (1905 – 1945 гг.).....	76
3 Миф о Тангуне в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике (вторая половина XX – начало XXI вв.).....	92
3.1 Разделение этноса: вопрос этнонима и названия страны (1945 – 1948 гг.).....	92
3.2 Функционирование идей о Тангуне в Республике Корея.....	96
3.3 Функционирование идей о Тангуне в Корейской Народно- Демократической Республике.....	118
3.4 Современные корейцы – два государства, две нации.....	130
Заключение.....	133
Список использованных источников и литературы.....	137
Список таблиц.....	153

Введение

Актуальность темы исследования. В современном мире вопросы, связанные с этническим самосознанием, приобретают особую актуальность. Наряду с процессами глобализации, которые ведут к унификации этнических культур, усиливается и противоположная тенденция: стремление этноса к сохранению, поддержанию и подчеркиванию своей этнической культуры. Таким образом, этническое самосознание приобретает новые формы в условиях современного мира и сложившейся исторической ситуации, занимает особое место в сознании современных людей.

Индивид, соотнося себя с несколькими группами и общностями, имеет множественную, точнее многоуровневую идентичность. Каждый ее уровень не является равнозначными для него. В зависимости от сложившихся условий та или иная идентичность может стать более значимой по сравнению с другой, может проявляться более ярко. Представления об общем происхождении, которые играли ключевую роль на этапе становления этноса, продолжают играть значимую роль в сознании современных людей, оставаясь одним из факторов в определении этнического единства и являясь одним из компонентов этнического самосознания. К таким представлениям изменилось отношение: сейчас они могут не восприниматься как реальные, однако плотно закрепившись в сознании, выступают в роли символа, который постоянно воспроизводится.

На Корейском полуострове решение вопроса поддержания этнического самосознания и сохранения этнической культуры осложнено разделением корейского этноса, который на протяжении нескольких столетий был единым. С середины XX в. двум государствам приходится «делить» некогда единую историю и культуру, в том числе и общее историко-мифологическое наследие.

Не раз в мировой истории политический фактор играл главную роль в решении вопроса разделения и объединения государств и народов, а значит и в формировании соответствующего сознания. Но и в случае объединения на политическом уровне, остается вопрос создания/воссоздания общей культурной

основы. В таких условиях естественным является обращение к традиционным представлениям, а изучение их трансформации в условиях современного мира становится особенно важным.

В этой связи особую актуальность приобретает исследование представлений корейцев о своем происхождении, основанное на мифе о Тангуне. Его образ стал важным компонентом самосознания корейцев на рубеже XIX – XX вв., а также и в период японской оккупации. После разделения страны на два отдельных государства он продолжает играть важную роль в сознании северных и южных корейцев.

Степень изученности темы. В диссертационной работе рассматривается этническое самосознание корейцев конца XIX – начала XXI вв. в его историко-мифологическом аспекте. Несмотря на то, что к настоящему моменту в отечественной науке не было представлено работ, посвященных анализу структуры этнического самосознания корейцев в указанный период и роли в нем мифологического пласта, отдельные вопросы, связанные с указанной проблемой, уже поднимались в отечественной и зарубежной науке, именно на них автор опирался в своей работе.

При подготовке диссертации были изучены работы отечественных и зарубежных, в первую очередь, южно- и северокорейских, исследователей, написанные на русском, корейском и английском языках, по нескольким тематическим блокам.

Первый блок исследований, характеризующий внешне- и внутривосточное положение Кореи в указанный период, позволил обозначить исторический контекст, в котором стало возможным обращение к образу Тангуна.

При анализе социально-экономического и политического развития Кореи на разных этапах ее истории автор обращался к работам отечественных и южнокорейских исследователей. Это, прежде всего, 2-х томное издание «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)»¹, «История Кореи (Новое

¹ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. / Под ред. Ю. В. Ванина. М., 1974. 470 с.; История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 2. / Под ред. В. Д. Тихомирова. М., 1974. 480 с.

прочтение)» под редакцией А. В. Торкунова², труды С. О. Курбанова «Курс лекций по истории Кореи»³, В. М. Тихонова и Кан Мангиля «История Кореи» (в 2 т.)⁴, Хан Ёнью «История Кореи: новый взгляд»⁵, а также «Лекции по новой и новейшей истории Кореи» («Канджва хангук кынхёндэса»), составленные Исследовательским институтом истории⁶.

Подробно события истории Кореи во второй половине XIX в. рассмотрены в монографиях Г. Д. Тягай⁷, трансформация межгосударственных отношений между Цинским Китаем и Кореей на рубеже XIX – XX веков – в монографии Л. В. Забровской⁸. Изменения в экономическом и государственном управлении Кореи в годы протектората – в монографии И. И. Василевской «Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904 – 1910 гг.)»⁹. Положение Кореи после японской аннексии представлено в работах Ф. И. Шабшиной¹⁰.

Другой большой блок исследований представляют труды, посвященные этнографии Кореи. Их подробное изучение позволило определить этапы трансформации корейского самосознания, выделить мифологическое представление об общности происхождения в качестве одного из важных компонентов корейского этнического самосознания конца XIX – начала XXI вв., определить значение культа предка и культа основателя-первопредка в мировоззрении корейцев, прояснить особенности их религиозных воззрений.

Начало научного этнографического корееведения в России было положено еще в 40-е гг. XIX в.¹¹. На протяжении длительного периода развития были сформированы несколько направлений, среди которых важное место занимает

² История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. 430 с.

³ Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. СПб., 2002. 626 с.

⁴ Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. М., 2011. 533 с.; Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 2. Двадцатый век. М., 2011. 499 с.

⁵ Хан Ёнью. История Кореи. Новый взгляд. М., 2010. 758 с.

⁶ Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 2003. 479 с.

⁷ Тягай Г. Д. Крестьянское восстание 1893 – 1895 гг. М., 1953. 207 с.; Её же. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. 239 с.

⁸ Забровская Л. В. Политика Цинской империи в Корее 1876 – 1910 гг. М., 1987. 133 с.

⁹ Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904 – 1910 гг.). М., 1975. 118 с.

¹⁰ Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1958. 213 с.; Её же. Очерки новейшей истории Кореи (1918 – 1945 гг.). М., 1959. 276 с.

¹¹ Джарылгасинова Р. Ш. Российское (советское) этнографическое корееведение (40 – 90-е годы XX в.) // Российское корееведение. 1999. Вып. I. С. 46–72.

изучение проблем этногенеза и этнической истории корейцев. Несмотря на то, что эта проблематика особо начинает развиваться в советский период, однако необходимо отметить, что и ранее, она всегда привлекала внимание исследователей и, пожалуй, не одна работа, не обходилось без упоминания о ней.

Р. Ш. Джарылгасинова отмечает огромную ценность комментариев «...Н. Я. Бичурина к переводам, касающихся проблем происхождения корейцев и их древних этногенетических связей с тунгусо-маньчжурскими народами»¹². Так, Н. Я. Бичурин во Вступлении к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» сообщает, что тунгусское племя было разделено на две части, и «владения южных тунгусов ныне носят название королевства Чаосянь»¹³.

Очень важными для последующих исследований были описания этногенетических процессов, проходивших на Корейском полуострове, представленные в «Очерке Кореи» Н. В. Кюнера. Эта работа была составлена на основе японских материалов, при этом сам автор, отмечая все несомненные достоинства японских источников, подчеркивал необходимость критического отношения к ним. В первой части «Очерков ...» в главе IX «Население» говорится о достигнутой «известной однородности» корейского народа, несмотря на сохраняющиеся различия в физическом типе и нравственном облике. Различия между населением северной и южной Кореи объясняется, в том числе, и тем фактом, что «северная и центральная Корея была заселена народом, пришлым с запада и севера из соседних материковых областей Маньчжурии и Восточной Сибири», которые по всей вероятности были тунгусского происхождения. Население же южной Кореи (времени «Трех Хан») «имело отличный племенной состав». Поступательное движение южных племен на север и северных на юг привело к «кровному смешению и культурному слиянию». Особая роль в этих процессах отводится времени Объединенного Силла¹⁴. Интересны рассуждения

¹² Джарылгасинова Р. Ш. Указ. соч.

¹³ Бичурин Н. Я. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Часть II. М.-Л., 1950. С. 7.

¹⁴ Кюнер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосон. Владивосток, 1912. С. 219–220.

автора о соотношении северного и южного компонентов в этногенезе корейцев. Подчеркивается, что можно не признавать целиком южного происхождения населения южной Кореи, однако нельзя отрицать факта «примеси южных племенных элементов среди населения южной Кореи». Подводится некоторый итог, согласно которому предки северных и южных корейцев принадлежат к монголоидной расе, либо удаленным одна от другой ее ветвям, либо к различным группам одной и той же ветви, «выселившимся с материка на большом расстоянии времени одна от другой». «Предки как северных, так и южных корейцев являлись на самом полуострове народом пришлым тунгусского или малайского происхождения»¹⁵.

С 50-ых гг. XX в. намечается постепенное возрастание интереса к вопросам ранней этнической истории корейцев. Этому в немалой степени способствовали переводы корейских источников. Так, в 1959 г. был опубликован перевод «Самгук саги» («Летописи Силла») Ким Бусика, выполненный М. Н. Паком, а в 1995 г. вышел перевод других его глав¹⁶. Переводы мифов и преданий были собраны Л. Р. Концевичем в «Корейских преданиях и легендах из средневековых книг»¹⁷.

Проблемы этногенеза и ранней этнической истории корейского народа не могли оставить в стороне отечественные археологи М. В. Воробьев¹⁸, Ю. М. Бутин¹⁹ и др.

Однако особо необходимо отметить огромный вклад Р. Ш. Джарылгасиновой в изучении проблем этногенеза и этнической истории корейцев. С 1956 г. она начала активно заниматься этой проблематикой. В своих исследованиях она рассматривает вопрос соотношения северного и южного компонента в этногенезе корейцев, анализирует мифы о культурных героях в контексте понимания ранней этнической истории корейцев. Особый интерес

¹⁵ Кюнёр Н. В. Указ. соч. С. 229.

¹⁶ Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла. Изд. текста, пер., вступит. статья и комм. М. Н. Пака. Отв. ред. А. П. Рогачев. М., 2001. 384 с. (Переизд. кн. 1959 г.); Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Изд. текста, пер., вступит. статья и комм. М. Н. Пака. Отв. ред. Л. Р. Концевич. М., 1995. 405 с.

¹⁷ Корейские предания и легенды из средневековых книг / Сост. и коммент. Л. Р. Концевича. М., 1980. 286 с.

¹⁸ Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. СПб., 1997. 432 с.

¹⁹ Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982. 330 с.

Р. Ш. Джарылгасиновой составляет этническая история когурёсцев. В монографии «Древние когурёсцы»²⁰ она реконструирует их историко-этнографический и культурный облик, рассматривает проблему этногенеза, изучает их быт, нравы, искусство и верования. На основе привлечения различных материалов (сопоставления хозяйства, материальной и духовной культуры) Р. Ш. Джарылгасинова пишет о древних родственных связях когурёсцев с тунгусо-маньчжурскими народами, а также отмечает важную роль палеоазиатского пласта в этногенезе когурёсцев.

В монографии «Этногенез и этническая история корейцев» для изучения этнической истории корейцев в качестве источника ею используется надпись на «Стеле Квангэтхо-вана». Особо акцентируется внимание на выявлении южных этногенетических контактов когурёсцев. Так, сопоставительный анализ мифа о Чхумо-ване позволил высказать «предположения о наличии в этногенезе древнекорейских народов двух компонентов: более древнего южного, связанного с протоиндонезийским миром, и более позднего северного, связанного с протоалтайским миром»²¹.

Р. Ш. Джарылгасинова была первым в отечественном корееведении исследователем, кто обратился к теме этнического самосознания корейцев. С защитой её докторской диссертации на тему «Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху» было выдвинуто новое направление в этнографическом корееведении – этническое самосознание корейцев на различных этапах корейской истории и его компоненты. В докторской диссертации Р. Ш. Джарылгасинова выделила и охарактеризовала компоненты этнического самосознания народов *когурё*, *пэкче* и *силла*. Среди компонентов были следующие: представление об общности происхождения, выраженное в мифологической форме, представление о «родной земле», осознание ценности своей культуры и «компонент сопряженности-отстраненности». Кроме того, Р. Ш. Джарылгасинова показала существование самосознания этнических общностей

²⁰ Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). М., 1972. 202 с.

²¹ Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»). М., 1979. С. 114.

различных таксономических уровней, доказала существование самосознание этнолингвистической общности древних корейцев, т.е. этнической общности более высокого таксономического уровня, чем этносы *когурё*, *пэкче* и *силла*. Именно это самосознание сыграло важную роль в этнической интеграции в последующие периоды²².

Рассмотрение этнического самосознания корейцев было бы невозможным без привлечения большого круга исследований по духовной культуре корейского народа, которая играет важную роль в определении его этнической специфики. Изучением этой темы в целом, а также отдельными её аспектам занимались Р. Ш. Джарылгасинова, Ю. В. Ионова, Н. И. Конрад, Л. Р. Концевич, С. О. Курбанов, Т. М. Симбирцева, В. М. Тихонов, И. А. Толстокулаков, А. Ф. Троцевич и др.²³.

Н. И. Конрад дал характеристику социальному устройству корейцев и их духовной культуре на рубеже XIX – XX вв. В «Очерке...»²⁴ дано описание семейных обрядов, а также обычаев и обрядов календарных, приведен обширный материал по народной медицине, приметам и сновидениям. Для данного исследования особый интерес представили пояснения относительно религиозных воззрений корейцев и проведения обрядов в честь предков.

Огромен вклад Ю. В. Ионовой в исследование корейской этнографии. В целом ряде её статей рассмотрены этнографические аспекты религиозных воззрений корейцев²⁵. В монографии «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.)» Ю. В. Ионова дает историко-

²² Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху: Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 1986. 33 с.

²³ Концевич Л. Р. Корееведение. Избранные работы. М., 2001. 639 с.; Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник ЦКЯиК. СПб., 1996. Вып. 1. С. 102–111.; Её же. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник ЦКЯиК. СПб., 1997. Вып. 2. С. 160–173.; Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М., 2012. 646 с.; Тихонов В. М. Культ предков в современной Республике Корея // Проблемы истории, философии, культуры. М.-Магнитогорск, 1995. Вып. 2. С. 396–401.; Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб., 2004. 323 с. и др.

²⁴ Конрад Н. И. Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX – XX веков. // Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 17–107.

²⁵ Ионова Ю. В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев // Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968. С. 154–157.; Её же. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 147–174.; Её же. Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 4–35. и др.

этнографическое описание обрядов и обычаев корейцев, при этом показывает, что в их форме и характере отразились социально-экономические условия Кореи. Важными для понимания проходивших на рубеже XIX – XX вв. этнических процессов и причин устойчивого сохранения древних верований корейцев были замечания Ю. В. Ионовой относительно формирования национальных календарных обрядов и праздников и их интегрирующей функции в рамках корейского этноса²⁶.

Вопросы идеологии и религии, их соотношения в Корее, а также роль религии на различных этапах корейской истории проанализированы в работах И. А. Толстокулакова²⁷, а также в сборнике «Роль религиозного фактора в жизни корейского общества», вышедшего под его редакцией²⁸.

Что касается южнокорейских исследователей, то, безусловно, количество работ, посвященных изучению этнической истории корейцев, отдельным ее этапам, а также этническому самосознанию и его компонентам, огромно. Отдельно хотелось бы отметить работы Син Ёнха, Юн Нэхёна, Ким Гибона, Ким Тхэхи²⁹.

Син Ёнха, подразумевая под понятием «нация» историческую общность людей, объективными признаками которой является общность языка, территории, культуры, экономики и т.д., а основанным на них субъективным признаком – национальное сознание, подчеркивает пятитысячелетнюю историю корейской нации. В ней он выделяет «протонацию» (원민족, *вонминджок*), «нацию, предшествовавшую новому времени» (전근대 민족, *чонгындэ минджок*) и

²⁶ Ионина Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М., 1982. 232 с.

²⁷ Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002. 233 с.; Его же. Положение религии в КНДР: история и современность // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30–31 марта 2010 г.). М., 2010. С. 169–180.

²⁸ Роль религиозного фактора в жизни корейского общества / Под ред. И. А. Толстокулакова. Владивосток, 2004. 468 с.

²⁹ Син Ёнха. Хангук «вонминджок» хёнсон-гва «чонгындэминджок» хёнсон (Становление корейской «протонации» и «нации, предшествовавшей новому времени») // Сахве-ва ёкса. 2010. Вып. 88. С. 151–194.; Юн Нэхён. Тангунхак чоннип-иль вихан мёт каджи чондже (Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения) // Ко Чосон Тангунхак. 2003. Вып. 8. С. 187–213.; Ким Гибон. Ёкса-ый коуль-е пичхво пон хангугин чончхесон (Идентичность корейцев в зеркале истории) // Хангук сахак сахакбо. 2010. Вып. 21. С. 149–170.; Ким Тхэхи. Кындэ иджон сиги 'тонин' ыйсик-ый куджо-ва пёнчхон (Структура «тонин ыйсик» до Нового времени и его изменение) // Минджокхак ёнгу. 2009. Вып. 8. С. 119–143.

«нацию нового и новейшего времени» (근대(현대) 민족, *кындэ(хёндэ) минджок*).

Юн Нэхён, обращаясь к вопросу о времени формирования корейской нации, отмечает, что, несмотря на то, что на сегодняшний день является общепринятой точка зрения, согласно которой основу корейской нации составляли переселенцы из северных районов Китая, Средней Азии или Сибири, нужно принять во внимание новые археологические данные, подтверждающие, что на территории Корейского полуострова и Маньчжурии 700 тыс. лет назад жили люди. А учитывая тот факт, что костные останки, найденные в Корее и соседних регионах, сильно разнятся, Юн Нэхён приходит к выводу о том, что корейская нация с самого начала была самобытной и имела специфические черты. В связи с этим он ставит вопрос о необходимости пересмотра вопроса о времени формирования корейской нации и ареале зарождения корейской культуры. Кроме того, он отмечает, что жители Корейского полуострова и Маньчжурии в период Древнего Чосона обладали коллективным сознанием, т.е. в это время уже сформировалась культурная, национальная общность. Поэтому «национальная история корейцев начинается с периода Древний Чосон, а культура Древнего Чосона является основой национальной культуры корейцев». В качестве ядра корейских национальных идентичности и ценностей Юн Нэхён определяет идею *хонигинган* (홍익인간, 弘益人間, «польза людям и создание счастливого государства»)³⁰.

Ким Гибон указывает на историчность понятия «кореец». На протяжении всей истории Кореи люди записывали историю, в которой по-своему давался ответ на вопрос «кто есть корейцы». Поэтому в качестве основного источника для изучения корейской идентичности Ким Гибон использует именно исторические описания и в соответствии с ними выделяет следующие формы идентичности: идентичность *тони* (東夷), которую определяла официальная королевская история (완조시대 정사, *ванджосидэ чонса*), и корейская национальная идентичность, которую сформировала национальная история Нового времени (근대 국사, *кындэ кукса*).

³⁰ Юн Нэхён. Указ. соч. С. 208–209.

Ким Тхэхи обращался к изучению так называемого сознания *тонин* (동인의식, *тонин ыйсик*). Его формирование он связывал с последним периодом существования государства Корё, а в качестве основных компонентов выделял представления о Тангуне и Киджа.

Сун Вэйго³¹ исследовал изменения в отношении к Тангуну и Киджа, отмечал факторы, которые определяли эти изменения.

Внешним признаком этноса, фиксацией наличия этнического самосознания является этноним. В истории Кореи этнонимы перекладывались на названия корейских государств и их жителей, таким образом, выполняли функции и политонима. В рассмотрении этого вопроса автор опирался на работы Ю. М. Бутина³², Л. Р. Концевича³³, Ким Самуна³⁴, Ли Ванбома³⁵, Ли Джона³⁶, Хо Ёля³⁷, Чон Губока³⁸.

Третий большой тематический блок представлен исследованиями, посвященными изучению мифа о Тангуне.

К сожалению, в отечественной научной литературе таких работ не так много и тематика их достаточно ограничена. Перевод мифа о Тангуне, сделанный Л. Р. Концевичем по «Забытым деяниям Трёх государств» (삼국유사, 三國遺事, «Самгук юса», 1285 г.), включен в «Корейские предания и легенды». В его статье «Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон»³⁹ приведен текстологический комментарий, содержащий дополнения и разночтения по

³¹ Sun Weiguo. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson // Chinese Studies in History, Vol. 44, No. 4, Summer 2011. P. 20–46.

³² Бутин Ю. М. Указ. соч.

³³ Концевич Л. Р. Исторические названия Кореи // Этнонимы. М., 1970. С. 61–77.

³⁴ Ким Самун. Кукхо-ро понын пунёль-гва тхонхап-ый хангукса (Разделение и объединение в истории Кореи сквозь призму названий государств) // Инмульт-гва сасан, 2007. Вып. 115. С. 208–217.

³⁵ Ли Ванбом. Кукхо «Тэхан мингук»-ый мёнмён (Название страны «Тэхан мингук») // Хванхэ мунхва, 2008. Вып. 60. С. 48–75.

³⁶ Ли Джон. Ханбандо ёкса-е тхуэнтвен самхан кэнём-ый пёнхва-е тэхан кочхаль (Об изменении понятия *самхан* в истории Корейского полуострова) // Хангук чиёк чири хакхве хаксуль тэхве, 2012. Вып. 2. С. 56–60.

³⁷ Хо Ёль. Конгук кваджон-есой кукхо нонджён-е тэхан пунсок (Анализ дискуссий, связанных с выбором названия, развернувшихся в период образования государства) // Хангук минджок мунхва, 2004. Вып. 24. С. 349–377.

³⁸ Чон Губок. Ури нара кукхого – ханбандо тхониль иху кукхо чеджон-ыль вихан кичхо ёнгу (Исследование названий государств в Корее – Базовое исследование для определения названия страны после объединения государств Корейского полуострова) // Чансогак, 2013. Вып. 29. С. 308–329.

³⁹ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М., 1984. С. 173–192.

«Рифмованным записям об императорах и государях» (제왕운기, 帝王韻紀, «Чеван унги», 1287 г.), «Географическому описанию» (지리지, 地理志, «Чиридзи», 1432 г.), «Комментариям к стихам [Квон Гына], сочиненным по случаю аудиенции у императора [династии Мин Тай-цзу в 1395 г.]» (응제시주, 應製詩註, «Ынджеси чу», 1460 г.) и «Обозрению достопримечательностей земель Восточного государства [Кореи]» (신증동국여지승람, 新增東國輿地勝覽, «Синджын Тонгук ёджи сыннам», 1530 г.). Текстологический комментарий позволяет проследить, как изменилось содержание мифа к XVI в.

Если Л. Р. Концевич анализирует ономастикон этого мифа, то А. Ф. Троцевич⁴⁰ рассматривает миф о Тангуне как литературный памятник, изучает его сюжетную систему. Ю. М. Бутина⁴¹ интересуют вопросы хронологии и географии Древнего Чосона и та информация, которую можно получить об этом из мифа о Тангуне. Ю. В. ИONOва⁴² исследует культ медведя, пещер и гор, в связи с чем тоже обращается к этому мифу. М. Н. Пострелова⁴³ анализирует особенности восприятия Тангуна в различные исторические периоды. Даже эти немногочисленные исследования показывают, что миф о Тангуне дает простор для исследований археологов, историков, этнографов, фольклористов, литературоведов и т.д. Важно, как отмечал Л. Р. Концевич, то, что «в интерпретации мифа о Тангуне наметилось несколько подходов: историко-культурный, этиологический, социологический, этнографический, структурно-функциональный и др.»⁴⁴.

В южнокорейской исследовательской литературе изучению мифа о Тангуне всегда уделяли особое внимание. О таком внимании на современном этапе, а также особом значении идей Тангуна для национального самосознания, может свидетельствовать создание специализированного общества по его изучению. В газете «Кёнхян синмун» (경향신문) от 10 декабря 1997 г. сообщалось о том, что 45

⁴⁰ Троцевич А. Ф. Указ. соч.

⁴¹ Бутин Ю. М. Указ. соч.

⁴² ИONOва Ю. В. К вопросу о культе... М., 1968.

⁴³ Пострелова М.Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. СПб., 2001. С. 137–158.

⁴⁴ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф ... С. 173–174.

специалистов, работающих в университетах, различных научных группах и занимающихся исследованием мифа о Тангуне, провели общее собрание и официально объявили о создании «Научного общества тангуноведения» (단군학회, «Тангунхакхве»). Несмотря на то, что и до этого существовали религиозные группы (например, *тэджонгё*), а также отдельные исторические общества, проводившие исследования этого мифа, данная организация является первым научным объединением специалистов в этой области. В статье названы инициаторы, среди которых были историки, религиоведы, филологи, этнографы, политологи, что свидетельствует об интересе к мифу о Тангуне специалистов самых разных областей. Также отмечались объективные причины создания этой организации: несмотря на то, что исследования в области Тангуна велись и есть определенные результаты в рамках истории, религиоведения, исследования идеологии, литературоведения, этнографии, большинство из них отрывочны и незначительны, недостаточны для полного понимания этой проблематики.

Кроме того, на образование «Тангунхакхве» не могли не оказать влияние раскопки гробницы Тангуна, проведенные в Северной Корее в 1993 г. и соответствующие северокорейские исследования. Основанное общество «Тангунхакхве» ставит перед собой практические цели: преодоление некоторого «хаоса», существующего в национальной истории, а также формирование национальной идентичности. Для достижения поставленных целей был определен план работы, который включал следующие пункты: проведение конференций, приуроченных к *кэчхонджоль* (название государственного праздника), проведение общих северо- и южнокорейских конференций, посвященных вопросам изучения мифа о Тангуне, совместное исследование Тангуна и корейской национальной идентичности, проведение исследований, связанных с решением национальных задач XXI в.⁴⁵.

17 февраля 2011 г. научное общество «Тангунхакхве» объединилось с

⁴⁵ Чо Унчхан. «Тангунхакхве» чханниптвенда (Организация «Тангунхакхве») [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун. 10.12.1997 г.

[URL: http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&edtNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&edtNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010) (дата обращения: 01.10.2014).

воссозданным в 2008 г. «Научным обществом по изучению Древнего Чосона» (고조선학회, «Ко Чосонхакхве») под названием «Научное общество по изучению Древнего Чосона и Тангуна» (고조선단군학회, «Ко Чосон Тангунхакхве»)⁴⁶.

У «Тангунхакхве» есть свой научный журнал, который выпускается с 1999 г. Сейчас он издается под названием «Изучение Древнего Чосона и Тангуна» (고조선단군학, «Ко Чосон Тангунхак»). В 2015 г. вышел его 33-й номер. Каждый номер включает в себя более десятка статей. Кроме того, статьи, посвященные Тангуну, постоянно печатаются в научных журналах по корейской истории, культуре и т.д. Таким образом, можно понять насколько значимым представляется изучение этого мифа на сегодняшний день.

В исследовании мифа о Тангуне можно выделить четыре основных направления, три из которых теоретические, в четвертом же ярко выражена практическая составляющая⁴⁷.

Первое направление исследований, в основном, развивается в рамках древней истории и археологии. Их цель – восстановление древней истории, поиск ответа на вопросы: существовал ли в действительности Тангун и Чосон Тангуна в истории Кореи, если существовал, то где, когда и в каком виде. Также в рамках этого направления исследуется взаимосвязь Тангуна и Древнего Чосона с развитием корейской нации.

Ко второй группе исследований относятся те, которые проводились философами, этнографами, фольклористами. Они раскрывают идеологическое содержание, скрытое в мифе о Тангуне и других записях, в которых идет о нем речь. Анализируя набор идей, компоненты религии, структуру сознания они пытаются найти истинные, специфические характеристики «корейского».

Третье направление разрабатывается историками, религиоведами, специалистами, занимающимися исследованиями национальных движений. В

⁴⁶ Ким Тхэсик. Тангун Ко Чосонхакхве тхонхап (Объединение научных обществ по изучению Тангуна и Древнего Чосона) [Электронный ресурс] // Ёнхап нюсы. 18 февраля 2011 г.
URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=103&oid=001&aid=0004919055> (дата обращения: 01.10.2014).

⁴⁷ Чон Ёнхун. Тангунхак ёнгу-ый хёнхван-гва квадже (Ситуация в области тангуноведения и задачи) // Ко Чосон Тангунхак. 1999. Вып. 1. С. 1–28.

рамках этого направления особое внимание уделяется историческому и национальному значению Тангуна, «взлетам и падениям» представлений о Тангуне, а также их взаимосвязи с изменениями в национальном самосознании.

Последнее четвертое направление ставит перед собой практические задачи. Примером исследований такого направления могут служить работы, посвященные изучению единства нации и вопросу объединения⁴⁸.

Как можно убедиться, совсем небольшой по размеру миф вызывает интерес у самых разных специалистов. Изучением мифа о Тангуне занимаются не только такие гуманитарные науки, как археология, история, философия, антропология, этнография, религиоведение, фольклористика, литературоведение. Он является предметом исследования в рамках таких социальных наук, как политология, социология, культурология, педагогика. Поэтому можно согласиться с мнением Чон Ёнхуна о том, что «это указывает на то, что «тангуноведение», как научное исследование о Тангуне, имеет характер комплексной науки»⁴⁹.

Авторитетный исследователь Древнего Чосона Юн Нэхён в статье «Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения» (단군학 정립을 위한 몇 가지 전제), подчеркивал особую роль специализированных научных обществ в изучении какой-либо проблематики и выделял две основные задачи, стоящие перед «Тангунхакхве». Первая состоит в постановке вопросов, которые требуют неотложного решения, в создании условий необходимых для их решения. Он также подчеркивал важность единого мнения относительно базовых вопросов. Вторая заключается в создании обстановки, которая бы позволяла делать доклады, вести обсуждения на темы, которые интересны самим исследователям⁵⁰.

Среди важных задач и вопросов, которые необходимо решить в самое ближайшее время, Юн Нэхён выделил следующие: определить значение понятия «Тангун», установить ареал зарождения корейской нации, а также период ее формирования. Выяснить содержание идентичности корейской нации и системы

⁴⁸ Чон Ёнхун. Указ. соч.

⁴⁹ Там же. С. 21.

⁵⁰ Юн Нэхён. Указ. соч.

её ценностей, ответить на вопрос - существовал ли Древний Чосон и если да, то установить время его образования.

В последнее время в южнокорейской научной литературе стали активно рассматривать миф о Тангуне и идеи, с ним связанные, в контексте идеологии и политики, раскрывать особенности бытования мифа в разные исторические периоды, выявлять этапы трансформации образа самого Тангуна, выяснять причины, повлиявшие на новое обращение к нему и корректировку его содержания.

Так, Со Ёндэ⁵¹ рассматривает представления о Тангуне в период государств Корё и Чосон, Ли Икчу⁵² – в поздний период Корё, а Ха Юнсоп⁵³ – в поздний период Чосон.

Среди современных южнокорейских исследований Тангуна особый интерес представляют работы Чон Ёнхуна, который является одним из представителей такого развивающегося сегодня направления в тангуноведении, как изучение идей Тангуна в контексте корейской идентичности. Обращение к его работам позволило определить роль идей, связанных с Тангуном, в XX в., а также особенности их функционирования.

К такому понятию как «*национализм Тангуна*» (단군민족주의, *тангунминджокчуй*) обращалось несколько исследователей, среди которых Син Ёнха и Хан Ёнъю. Под этим понятием они понимали идеологическое течение, получившее распространение в период просветительского движения (*кемон ундон*) и в начале японской колонизации Кореи. Син Ёнха упоминал об этом явлении при анализе истории корейского общества конца периода Чосон. Хан Ёнъю использовал его в контексте истории *тэджонгё*⁵⁴. Однако, именно Чон Ёнхун дал точное определение этому понятию и закрепил его в научном обороте. Под

⁵¹ Со Ёндэ. Чонтхонсидэ-ый тангун инсик (Представление о Тангуне в традиционном обществе) // Тангун-гва Ко Чосонса. Сеул, 2000. С. 159–183.

⁵² Ли Икчу. Корёхуги тангунсинхва кирок-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне в последний период Корё) // Мунмёнёнджи. 2003. Вып. 4. № 2. С. 47–57.

⁵³ Ха Юнсоп. Чосон хуги тангун-е тэхан киок-ый пёнхва-ва кы соин (Изменения памяти о Тангуне в поздний Чосон и их причины) // Ури мунхак ёнгу. 2013. Вып. 38. С. 253–286.

⁵⁴ Чон Ёнхун. Минджок тхониль ундон-гва тангунминджокчуй (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2004. Вып. 11. С. 273.; Его же. Тангунминджокчуй-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2003. Вып. 8. С. 148.

термином «*тангунминджокчуй*» Чон Ёнхун объединил ряд идей (а также соответствующие политические и культурные движения), которые направлены на достижение национального объединения и развития. Согласно этим идеям, Тангун символизирует «отправную точку» в национальной истории, а основываются они на сознании «единой нации» «потомков Тангуна». Национализм Тангуна является составной частью национальной идентичности. Также Чон Ёнхун отмечает, что, несмотря на то, что только с конца XIX в. эти идеи получают массовое распространение, их основа, безусловно, уходит своими корнями глубоко в корейскую историю⁵⁵.

Среди статей Чон Ёнхуна можно выделить «Политические идеи мифа о Тангуне» (단군신화의 정치사상), в которой он подчеркивал необходимость анализа политических идей мифа⁵⁶. В мифе о Тангуне «описывается “отправной пункт” первого государства, в нем отражены представления древних людей о политике и общности. Эти представления оказали значительное влияние на последующую политическую историю и историю идей». В исследовании политических идей Чон Ёнхун акцентирует внимание на представлениях древних людей о желаемой общности, государстве, а также на политической идентичности корейской нации. Он видит в мифе о Тангуне не просто рассказ о рождении и создании государства, но и его связь с последующей корейской историей. В этой статье он также рассматривал, как элементы политических идей мифа о Тангуне были интерпретированы в последующей истории корейских политических идеологий, какое влияние они оказали на ее формирование⁵⁷.

В «Предыстории национализма Тангуна» (단군민족주의의 전사) Чон Ёнхун, подчеркивая, что *тангунминджокчуй* не есть внезапно появившееся в Новое время явление, а основано оно на богатом историческом и культурном наследии корейцев, обращается к вопросам исторического и социального контекста, которые определили существование «национализма Тангуна»; развития

⁵⁵ Чон Ёнхун. Тангунминджокчуй-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2003. Вып. 8. С. 145–148.

⁵⁶ Чон Ёнхун. Тангунсинхва-ый чончхисан (Политические идеи мифа о Тангуне) // Тонъян чончхи сасанса. 2009. Вып. 8. № 2. С. 5–31.

⁵⁷ Там же.

«национализма Тангуна» до Нового времени, его «взлетам и падениям»; важной роли *сонга* (선가, 仙家) в представлениях о «национализме Тангуна»⁵⁸.

Отдельные работы Чон Ёнхуна посвящены роли идей «тангунминджокчуй» в движениях за национальное объединение. Он указывал на то, что эти идеи становились основой для национального сплочения и «действовали в качестве силы, которая направляла корейскую историю к независимости, единству, демократии, справедливости, благосостоянию»⁵⁹. В корейской истории Чон Ёнхун выделяет три этапа национально-объединительного движения, каждый из которых связывает с определенным этапом формирования нации. Первый этап движения за национальное объединение был связан с завершением формирования «нации перед Новым временем» (전근대민족, *чонгындэ минджок*). Для этого периода задачей было создание и поддержание идентичности единого государства (Тонгук-Чосон) и культурной идентичности. Осознание единства между членами такой нации было слабым, однако было сформировано представление о единой истории. Второй этап связан с «нацией Нового времени» (근대적 민족, *кындэджок минджок*). В этот период стояли задачи по преодолению таких факторов разобщенности, как социальное положение, знатность, регионализм и построение национальной идентичности, основанной на равенстве граждан. Задачей движений за объединение, развернувшихся после Первомартовского движения, стало преодоление конфликтов между классами и построение единого национального государства, в котором бы были созданы социально-экономическое равенство и благополучие⁶⁰.

В статье «Первомартовское движение и национализм Тангуна» (삼일운동과 단군민족주의), Чон Ёнхун акцентирует внимание на значении этого движения для национальной истории и анализирует, как в нем проявился национализм

⁵⁸ Чон Ёнхун. Тангунминджокчуй-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2003. Вып. 8. С. 145–185.

⁵⁹ Чон Ёнхун. Минджок тхониль ундон-гва тангунминджокчуй (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2004. Вып. 11. С. 272.

⁶⁰ Там же. С. 295–296.

Тангуна⁶¹.

Интересным, но не исследованным в отечественной литературе, является вопрос о влиянии мифа о Тангуне на корейское общество. И если многими авторами признается это влияние, то в чем конкретно оно выражается, пока остается не совсем ясным⁶². Ряд статей Чон Ёнхуна⁶³ посвящены именно этому вопросу. На примере летоисчисления от основания государства Тангуном – *танги* (단기), государственного праздника *кэчхонджоль* (개천절, 開天節) и идеи *хонигинган* он рассматривал как «национализм Тангуна» институционализировался в Южной Корее. Не остались без внимания Чон Ёнхуна и особенности «понимания Тангуна» и «веры в Тангуна» в Северной и Южной Кореех⁶⁴. Ким Ыйсук⁶⁵, Пак Кванён⁶⁶ также изучали веру в Тангуна на разных этапах корейской истории.

На значение мифа о Тангуне для корейской национальной культуры обращали внимание Мин Ёнхён⁶⁷, Лим Джэхэ⁶⁸. Ли Хану⁶⁹ поставил вопрос воспитания идентичности у этнических корейцев, проживающих на территории Центральной Азии. Он отмечает, что наблюдается недостаток интереса к проблеме идентичности. Для того, чтобы появилась гордость быть корейцем, недостаточно только обучение языку, необходимо приобщение к культуре, которое можно начать именно с мифа о Тангуне, поскольку в нем находят

⁶¹ Чон Ёнхун. Самильундон-гва тангунминджокчуй (Первомартовское движение и национализм Тангуна) // Тонъян чончхи сасанса. 2012. Вып. 11. № 2. С. 63–90.

⁶² Носкова Н. Г. Миф о Тангуне в южнокорейской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 91.

⁶³ Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы 'мандыроджин чонтхон'-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён (*Кэчхонджоль*, основы «созданной традиции», изменения и контекст) // Ко Чосон Тангунхак. 2010. № 23. С. 401–444.; Его же. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хонигинган кёюк инём (Летоисчисление *танги*, государственный праздник *кэчхонджоль*, педагогическая идея *хонигинган*) // Чонсин мунхва ёнгу. 2008. Вып. 31. № 4. С. 163–193.; Его же. Хангугин-ый чончхесон-гва хонигинган инём (Идентичность корейцев и идея *хонигинган*) // Ко Чонсон Тангунхак. 2002. № 6. С. 145–169 и др.

⁶⁴ Чон Ёнхун. Нам-гва пук-ый тангунинсик-ква тангунсунан (Понимание Тангуна и вера в Тангуна на Юге и Севере) // Ко Чосон Тангунхак. 2005. Вып. 12. С. 177–219.

⁶⁵ Ким Ыйсук. Тангунсинан-ый хёнсон-гва чонгэ (Формирование и развитие веры в Тангуна) // Канвонминсокхак. 2007. № 21. С. 493–524.

⁶⁶ Пак Кванён. Тангунсинан-ый одже-ва оныль (Вера в Тангуна: вчера и сегодня) // Хангукса симин канджва. 2000. Вып. 27. С. 59–79.

⁶⁷ Мин Ёнхён. Ханмиджок-ый мунхва вонхён-гва тангун (Корейский национальный культурный архетип и Тангун) // Тангунхак ёнгу, 2007. Вып. 17. С. 221–253.

⁶⁸ Лим Джэхэ. Тангунсинхва-е кальмуригвен мунхваджок вонхён-гва минджок мунхва-ый чончхесон (Культурный архетип, основанный на мифе о Тангуне, и национальная культурная идентичность) // Тангунхак ёнгу. Вып. 16. С. 273–348.

⁶⁹ Ли Хану. Тангунсинхва-рыль тхонхан корёин чончхесон кёюк (Воспитание идентичности этнических корейцев *корёин* через миф о Тангуне) // Хангук сасан-гва мунхва. 2010. Вып. 55. С. 459–482.

отражение корейская история и культура.

Отдельно необходимо отметить работы Ким Донхвана⁷⁰ и Ли Сукхва⁷¹, посвященные *тэджонгё*, а также работы Пак Чунхёна и Хон Сунэ⁷², в которых раскрывается понимание Тангуна для Пак Ынсика и Син Чхэхо.

Вопросы изучения Тангуна находят отражение и в северокорейской науке. Как будет отмечено в соответствующем параграфе третьей главы, особый интерес к этому вопросу проявился после проведенных раскопок гробницы Тангуна. В 1994 г. был опубликован целый сборник статей по этой теме⁷³.

Об отношении к идеям Тангуна в КНДР свидетельствуют работы южнокорейских исследователей Но Тхэдона, Лим Чхэука, Ли Джонсока⁷⁴.

Причина того, что на сегодняшний день в корейской исследовательской литературе большое внимание уделено изучению мифа о Тангуне и идей с ним связанных именно в контексте его роли в национальной культуре, истории и национальном самосознании, объясняется тем, что вопрос национальной идентичности на сегодняшний очень актуален в связи с процессами глобализации и особенно остр в связи с разделением единого этноса и существованием двух государств. Считается, что миф о Тангуне и идеи, которые в нем содержатся, могут быть полезными в решении этого вопроса. В то же время следует отметить, что в отечественной историографии эти проблемы исследованы недостаточно, что и определило тему данной работы.

Объектом исследования является этническое самосознание корейцев конца XIX – начала XXI вв.

⁷⁰ Ким Донхван. Хангук чонгёса сок-есоый тангунминджокчуй (Национализм Тангуна в истории корейской религии) // Синджонгё ёнгу. 2003. Вып. 8. С. 61–83.

⁷¹ Ли Сукхва. Тэджонгё соллип чхоги ильдже-ый тханап-ква тэын янсан (Притеснения со стороны японских империалистов в первые годы после образования *тэджонгё* и реакция на них) // Сондо мунхва. 2014. Вып. 18. С. 141–184.

⁷² Пак Чунхён. Пэгам Пак Ынрик-ый ко чосон инрик – Син Чхэхо-ва пигё-рыль чунсим-ыро (Понимание Древнего Чосона у Пак Ынсика – в сравнении с Син Чхэхо) // Хангук сахакбо, 2014. Вып. 54. С. 7–31.; Хон Сунэ. Кындэ кэмонги тангунсинхва тамнон-ый сосаджок чэхён – Пак Ынрик-ыль чунсим-ыро (Миф о Тангуне в период *кэмон* – на примере работ Пак Ынсика) // Ханминджок мунхва ёнгу. 2009. Вып. 28. С. 197–225.

⁷³ Тангун-гва кочосон-е кванхан ёнгунонмунджип (Сборник статей по изучению Тангуна и Древнего Чосона). Пхеньян, 1994. 147 с.

⁷⁴ Но Тхэдон. Пукхан хакке-ый кочосонса ёнгу тонхян (Тенденции в исследовании истории Древнего Чосона в северокорейской науке) // Тангун-гва Ко Чосонса. Сеул, 2000. С. 240–264.; Лим Чхэук. Пукхан мунхва-ый ихэ (Понимание северокорейской культуры). Инчхон, 2004. 407 с.; Ли Джонсок. Тангунваннын пальгуль-гва пукхан-ый минджокчуй (Раскопки гробницы Тангуна и северокорейский национализм) // Тхониль хангук, 1994. Вып. 4. С. 68–71.

Предметом исследования является историко-мифологический аспект этнического самосознания корейцев конца XIX – начала XXI вв.

Целью данной работы стало выявление особенностей функционирования историко-мифологических идей и их роль в самосознании корейцев с конца XIX по начало XXI вв.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать социально-экономическую и внешнеполитическую ситуацию в Корее в конце XIX – начале XX вв.;
- выявить причины актуализации интереса к мифу о Тангуне к началу XX в.;
- проанализировать роль и особенности функционирования мифологических идей в период японской оккупации;
- выявить особенности функционирования идей, связанных с Тангуном, в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике;
- рассмотреть перспективу влияния мифологических идей на общекорейское самосознание.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с конца XIX в. по начало XXI в. Нижняя хронологическая граница определена именно концом XIX в., так как в это время в Корее происходит кризис и упадок позднефеодального социально-экономического и политического строя, кардинально меняется внешнеполитическое положение Кореи, что не могло не отразиться на корейском этносе в целом, его самосознании, в частности, в эволюции которого намечается новый этап, связанный с развитием национального самосознания. При краткой характеристике истории функционирования идей о Тангуне автор диссертационного исследования обращался к более ранним периодам корейской истории. Верхняя граница соответствует началу XXI в. и определяется доступностью северо- и южнокорейских материалов, свидетельствующих об отношении к идеям о Тангуне.

Территориальные рамки определены Корейским полуостровом, на котором до 1905 г. существовало единое корейское государство (до 1897 г. оно

называлось *Чосон*, в 1897 г. было переименовано в *Тэхан джегук*). С 1905 по 1910 гг. оно попало под протекторат Японии, а затем наступил период японской оккупации, продлившийся до 1945 г. В 1948 г. на территории Корейского полуострова образовалось два корейских государства – Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея) – *Чосон минджуджуый инмин конхвагук* (조선민주주의인민공화국) и Республика Корея (Южная Корея) – *Тэхан мингук* (대한민국).

В основе **теоретико-методологической основы исследования** лежит принцип историзма. Он позволил проанализировать трансформацию идей, связанных с Тангуном, в контексте конкретных исторических условий.

При исследовании эволюции корейского этноса и корейского этнического самосознания использовался синтез примордиализма и конструктивизма⁷⁵. Вопросы, связанные с содержанием таких понятий как «этнос», «этничность», «этническое самосознание» постоянно находятся в центре внимания ученых, а в последнее время и не только их, так как эта проблематика стала особенно активно обсуждаться и в СМИ, однако единого их определения, единого подхода к их анализу не выработано, и вряд ли это будет когда-либо возможно. Для получения научных результатов представляется важным использование синтеза двух подходов, примордиалистского и конструктивистского. Они не взаимоисключают друг друга, а дополняют, дают возможность более глубокого понимания происходящих процессов и объяснения их сущности.

Таким образом, автор придерживался той точки зрения, что, с одной стороны, в трансформации этнического самосознания можно проследить как естественно-исторические причины, влияние этнических процессов, проходящих в рамках реально существующих групп людей, с другой стороны, не отрицается факт влияния отдельных политических лидеров, интеллектуальной элиты, сознательно создающих идеальные феномены, а также ситуативность социальных условий в целом, что соответствует взглядам конструктивистов.

⁷⁵ Подход примордиалистов был рассмотрен на основе анализа работ С. М. Широкогорова, Ю. В. Бромлея, конструктивистов – работ Ф. Барта, Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума.

В той или иной степени в работах отечественных этнографов в качестве одного из признаков этноса выделяется этническое самосознание. Еще С. М. Широкогоров в определении этноса подчеркивал важность и признание отличия одних групп людей от других, что, по сути, является содержанием этнического самосознания. Согласно определению С. М. Широкогорова, «этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»⁷⁶. Однако первым в отечественной этнографии, кто поставил вопрос об этническом (национальном) самосознании как важном признаке этнической общности был П. И. Кушнер. Он также отмечал, что «национальное самосознание не является прирожденным свойством человека. Оно развивается из более примитивных форм сознания этнической общности»⁷⁷. Таким образом, П. И. Кушнер говорил о такой его важной характеристике как историчность. Наиболее подробно «теория этнического самосознания» проработана в «Очерках теории этноса» Ю. В. Бромлея. Согласно его взглядам, этническое самосознание является неотъемлемым компонентом этноса, под которым понимается осознание членами этноса своей специфической общности⁷⁸. Такое понимание этнического самосознания Ю. В. Бромлеем, можно соотнести с понятием «этничность» конструктивистов.

В определении представления об общности происхождения (которое на корейском этнографическом материале выражено в идеи Тангуна как первопредка всех корейцев) в качестве одного из компонентов этнического самосознания автор опирался на теоретические выводы, сделанные Ю. В. Бромлеем и М. В. Крюковым, в отношении структуры этнического самосознания. Ю. В. Бромлей в этническом самосознании выделял структурно-пространственные характеристики этноса и генетически-временной параметр, под

⁷⁶ Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов этнических и этнографических явлений. М., 2011. С. 13.

⁷⁷ Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 42.

⁷⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.

которым имел в виду представление об общности происхождения⁷⁹. М. В. Крюков отмечал идею вычленения в этническом самосознании отдельных компонентов как плодотворную. Компоненты самосознания отражают на субъективном уровне объективно существующие признаки этноса. Однако компонентом этнического самосознания могут являться и представления, существующие на субъективном уровне и не являющиеся отражением объективных признаков этноса. Примером такого компонента этнического самосознания может выступать представление об общности происхождения⁸⁰.

Большое значение для уточнения значения «общности происхождения» имели труды Г. В. Шелепова⁸¹ и Ю. В. Бромлей. Они по-разному подходят к его определению. Г. В. Шелепов рассматривал «общность происхождения» как формообразующий фактор этнической общности, он понимал ее как происхождение людей, этнических коллективов от общих предков, от определенных этнических единиц, т.е. фактически указывал на наличие кровного родства. В самом понятии «этническое самосознание» Г. В. Шелепов отводил значительную роль общности происхождения. «Этническое самосознание – отражение этнического бытия, значительную часть содержания которого составляют отношения людей, основанные на общности их происхождения»⁸².

Другой подход в отношении общности происхождения показал Ю. В. Бромлей. Он подчеркивал, что под общностью происхождения не всегда имеется в виду кровное родство. Оно не может выступать в качестве специфической черты этноса. Однако возможна трактовка «общности происхождения» как «определенной общности исторического прошлого членов этноса на протяжении многих поколений»⁸³. Вот в таком значении оно может выступать в качестве признака этнической общности.

Поскольку именно представление об общности происхождения

⁷⁹ Бромлей Ю. В. С. 186.

⁸⁰ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы, 6. М., 1976. С. 58–59.

⁸¹ Шелепов Г. В. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография, 4. М., 1968. С. 65–74.

⁸² Там же. С. 72.

⁸³ Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 189.

способствует осознанию единства, что отмечено Ю. М. Бромлеем, можно сделать вывод о том, что выход его в качестве важнейшего компонента этнического самосознания на рубеже XIX – XX вв. в корейском обществе был определен сложившейся исторической ситуацией.

На важность стадийного анализа этнического самосознания указывал В. И. Козлов⁸⁴, он же отмечал возрастающую роль этнического самосознания именно в период формирования нации, т.е. нового этапа этнических общностей, а установление национального самосознания, в свою очередь, считал невозможным без усиления представлений об общности происхождения.

Что касается факторов, которые влияют на формировании национального самосознания, то В. И. Козлов отводил важную роль интеллигенции, под воздействием которой и формируется национальное самосознание. Для этого периода характерно возникновение стремления отодвинуть происхождение своего народа как можно дальше в глубь истории, найти для него «именитых» этнических предков⁸⁵. Что в полной мере нашло отражение в корейском обществе конца XIX – XX вв.

Таким образом, обращение к представлению о Тангуне на рубеже XIX – XX вв. может быть проанализировано в рамках конструктивистского подхода. Его можно соотнести с представленной Э. Хобсбаумом «изобретенной традицией», под которой понимается сконструированная и формально институционализированная традиция. ««Изобретенная традиция» – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение»⁸⁶. «Внедрение определенных ценностей и норм поведения» по сути является установлением социальных связей, символизацией членства в группах, разного рода общностях. Одним из условий достижения этой

⁸⁴ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография, 2. М., 1974. С. 79–92.

⁸⁵ Там же. С. 90.

⁸⁶ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 48.

цели является ее связь с историей, хотя она может носить и фиктивный характер. Э. Хобсбаум подчеркивал, что обращение к прошлому и древности облегчает задачу признания идеи. «Интересным представляется использование старинных материалов для того, чтобы сконструировать изобретенную традицию нового типа, служащую новым целям»⁸⁷. Можно сделать вывод о том, что подобная историчность выполняет функцию легитимации.

Однако объяснение процесса «изобретения традиции» не является достаточным при анализе причин, которые определили возможность выхода на первый план именно представления о Тангуне как прародителе корейцев, а не какого-то другого героя. Применение исключительно контруктивистского подхода, не дает ответа на вопрос, почему эти идеи были восприняты большинством. В рамках теории конструктивизма отрицается роль самих, реальных, этнических процессов. Однако причины становятся понятными, если обратиться к взглядам примордиалистов. Такой подход к анализу проблемы происхождения и возрождения традиционных культур был предложен Л. И. Шерстовой. Этнос, оказавшись в условиях кризиса, вызывает появление личностей, предлагающих выходы из него. Выбор в пользу того или иного варианта в большей степени основывается на мнении большинства. Л. И. Шерстова так описывает этот процесс: «Стремление этноса в силу каких-то причин сохранить и даже восстановить традицию делает запрос на появление соответствующих лиц, которые трансформируют ощущения, настроения, ожидания групп людей в конкретные идеологии и практики. В результате этносу может предлагаться множество вариантов «традиционной» культуры, но закрепится тот, который в наибольшей степени соотносится с представлениями данного коллектива о себе, т.е. он будет соответствовать элементам традиции, сохранившейся даже в слабом виде, но присущей большинству»⁸⁸. В таком случае становится возможным возрождение определенных идей, а значит представляется правильным их считать не изобретенными, а актуализированными. В связи с

⁸⁷ Хобсбаум Э. Указ. соч.

⁸⁸ Шерстова Л. И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур / Вестник Томского государственного университета, 2016. № 402. С. 177.

рассмотрением трансформации взглядов на Тангуна в конце XIX – XXI вв., всплеска интереса к этому герою, активному использованию в идеологических целях и закреплению в самосознании корейцев идей с ним связанных автор приходит к выводу, что, не умоляя роли отдельных личностей, которые способствовали всплеску интереса именно к этим идеям, а также продуманной политики идеологов XX в., необходимо отметить, что эти идеи не могли бы закрепиться в обществе, не имея под собой прочной «традиции».

Для понимания роли политического фактора в динамике этнического самосознания для автора было важным обращение к трактовке этноса в узком и широком смысле Ю. М. Бромлеем и выделения, так называемого, ЭСО (этносоциального организма), который обладает не только этнической, но также и территориальной, экономической, социальной и политической общностью, а также к работе В. И. Козлова, где он указывал на многочисленные факторы, влияющие на формирование этнического самосознания, а также подчеркивал, что оно, достигнув определенной стадии развития, может быть достаточно самостоятельным, однако оно не существует изолированно, а связано с другими видами группового сознания⁸⁹.

Автор в работе обращался к понятию «национальное самосознание», в этом случае имея в виду самосознание применительно к национальной общности. Соответственно этническое самосознание является более широким понятием, является общим для всех типов этнических общностей. Понятие этнической идентичности используется в работе в качестве синонима этнического самосознания и означает осознание индивида своей принадлежности к этносу.

Среди общенаучных методов, применяемых в работе, были использованы анализ и синтез. В исследовании применялись и специальные этнологические методы: сравнительно-этнографический, метод типологического анализа, системный подход. Первый использовался при выявлении особенностей корейского этнического самосознания на различных этапах корейской истории, второй – при определении представления о происхождении как одного из

⁸⁹ Козлов В. И. Указ. соч.

компонентов этнического самосознания. Системный подход позволил рассмотреть корейское этническое самосознание как целостную систему с ее общими и особенными характеристиками. При работе над темой данной диссертационного исследования не проводились самостоятельные социологические опросы, однако анализировались данные уже проведенных опросов.

Также в диссертации использовался метод наблюдения. Во время пребывания в Республике Корея (август 2009 – февраль 2013 гг.) автором проводилось наблюдение элементов традиционной культуры и их функционирования в современном южнокорейском обществе.

Источниковую базу исследования составляют различные виды письменных источников, среди которых можно выделить исторические и литературные произведения, в которых упоминается о Тангуне («Самгук юса», «Чеван унги», «Тэдон кодэсарон», «Токса силлон» и др.). В силу отсутствия прямого доступа к указанным источникам для знакомства с их содержанием автор обращался к работам, в которых они анализировались, и приводился их частичный перевод⁹⁰.

Кроме того, в диссертации анализировались законодательные акты, в которых фиксировалось закрепление идей о Тангуне на государственном уровне (Закон о летоисчислении, Закон об образовании, Закон о национальных праздниках и т.д.). Законодательные акты Республики Корея размещены на сайте «Информационного центра по корейскому законодательству»⁹¹.

Для анализа отношения к Тангуну на современном этапе привлекались материалы проведенных социологических опросов. Результаты опросов 1985 г. и

⁹⁰ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М., 1984. С. 173–192; Пак Квангён. Тангунсинан-ый одже-ва оныль (Вера в Тангуна вчера и сегодня) // Хангукса симин канджва 27. 2000. № 8. С. 59–79.; Пак Чунхён. Пэгам Пак Ынсиг-ый ко чосон инсик – Син Чхэхо-ва пигё-рыль чунсим-ыро (Понимание Древнего Чосона у Пак Ынсика – в сравнении с Син Чхэхо) // Хангук сахакбо, 2014. Вып. 54. С. 7–31.; Со Дэсок. Хангук-ый синхва (Корейские мифы). Пхаджу, 2004. 345 с.; Хон Сунэ. Кындэ кемонги тангунсинхва тамнон-ый сосаджок чэхён – Пак Ынсик-ыль чунсим-ыро (Миф о Тангуне в период кэмон – на примере работ Пак Ынсика) // Ханминджок мунхва ёнгу. 2009. Вып. 28. С. 197–225; Хангук минджун-ый мунхак (Корейский фольклор). Сеул, 1999. 298 с. и др.

⁹¹ Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.go.kr/main.html> (дата обращения: 10.08.2015).

1997 г. были опубликованы в периодических изданиях (газете «Кёнхян синмун»⁹² и ежемесячном журнале «Конгандан»⁹³). В 2005, 2010 и 2015 гг. Институт Азиатских проблем при университете Корё, ежедневная газета «Чунан ильбо» (중앙일보) и Институт восточноазиатских исследований совместно провели опрос общественного мнения южных корейцев под общим названием «Идентичность корейцев». Результаты опросов 2005, 2010 гг. находятся в свободном доступе на сайте Института азиатских проблем при университете Корё⁹⁴. Для анализа идентичности южных корейцев были взяты данные именно из этих материалов, в случае с 2015 г., автор ссылался на опубликованные по результатам опроса статьи в периодической печати.

Материалы печатных изданий явились важным источником для изучения современного отношения к идеям Тангуна как в Республике Корея, так и в Корейской Народно-Демократической Республике. В исследовании привлекались материалы из «Чунан ильбо», «Кёнхян синмун», «Ёнхан нюсы» и т.д. Кроме того, автор ссылался на материалы, размещенные на сайтах религиозных организаций⁹⁵.

Круг источников и исследовательской литературы, которые бы свидетельствовали об отношении к образу Тангуна в Северной Корее, достаточно ограничен. При написании диссертационной работы использовались материалы, представленные в отечественной и южнокорейской научной литературе, а также данные южнокорейских СМИ, материалы, размещенные на северокорейском сайте «Нэнара», и заявления официальных лиц.

⁹² Хангугин 54% Тангун-ын сильджон инмунъ («54% корейцев считают, что "Тангун был реально существовавшей личностью"») [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 07.08.1985 г. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&editNo=2&printCount=1&publishDate=1985-08-07&officeId=00032&pageNo=7&printNo=12265&publishType=00020> (дата обращения: 05.03.2016).

⁹³ «Тангиёнхо саён» чольбан номке хыйман (Более половины опрошенных хотят 'использовать летоисчисление танги') [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 02.10.1997. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997100200329101014&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-10-> (дата обращения: 05.03.2016).

⁹⁴ Хангугин-ый чончхесон часа (Исследование идентичности корейцев) [Электронный ресурс] // Корё тэхагкё асеа мундже ёнгусо (Институт азиатских проблем при университете Корё). URL: http://www.asiaticresearch.org/front/content/view.do?content_seq=29 (дата обращения: 05.03.2016).

⁹⁵ Тэджонгё (Тэджонгё) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daejonggyo.or.kr/> (дата обращения: 01.05.2016).

Научная новизна исследования определяется тем, что была предпринята попытка анализа влияния идей, связанных с Тангуном, на формирование этнического самосознания корейцев, прослежена их трансформация на протяжении XX в. и выявлены особенности их функционирования на современном этапе в двух корейских государствах – КНДР и РК. Также выявлена роль политического фактора в трансформациях этнического самосознания. До настоящего времени отечественными корееведами отмечалась значимость представлений о Тангуне в самосознании корейцев, однако эта проблема не становилась предметом отдельного исследования.

При проведении исследования было изучено большое количество научных работ на корейском языке, основные идеи и положения которых были переведены на русский язык, представлены и проанализированы в работе. Таким образом, в научный оборот были введены исследования таких южнокорейских авторов, как Ким Гибон, Ким Самун, Ким Тхэхи, Ким Ыйсук, Ли Вамбон, Ли Джон, Ли Икчу, Ли Хану, Син Ёнха, Со Ёндэ, Ха Юнсоп, Чон Губок, Чон Ёнхун, Юн Гёнсу, Юн Нэхён и др., что тоже является немаловажным фактором при определении значения диссертационной работы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в выявлении механизмов актуализации историко-мифологического наследия, как одного из важнейших факторов формирования этнического самосознания, как в традиционных, так и современных обществах. В исследовании на корейском этнографическом материале показано как значение историко-мифологической традиции в оформлении этнического самосознания, так и влияние на этот процесс современных мифологических конструктов.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке учебных пособий и курсов «Этнография Кореи», «История Кореи», при разработке тематических лекций, спецкурсов, методических пособий, а также может выступить в качестве материала для прогнозирования последующего функционирования анализируемых в работе идей в самосознании корейцев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. проблемы в социально-экономической и политической жизни Кореи в конце XIX в, а также потеря государственного суверенитета вследствие установления японского протектората, а затем оккупация в первой половине XX в. стали важным фактором, с одной стороны, вызвавшим кризис традиционного этнического самосознания, с другой стороны, важным импульсом, способствовавшим консолидации народа и выходу этнического самосознания на первый план по сравнению с региональной и клановой идентичностями;

2. идея об общем прародителе Тангуне выступает как способ актуализации этнического самосознания корейцев в кризисные периоды их истории. Так происходило в период монгольского вторжения (XIII в.), Имджинской войны (1592 – 1598 гг.), маньчжурского вторжения (первая половина XVII в.), в период японского протектората и оккупации (первая половина XX в.). Это же явление наблюдается на рубеже XX – XXI вв. Образ Тангуна, как символа корейского народа, актуализирован в научной литературе и общественно-политическом сознании населения, как Корейской Народно-Демократической Республики, так и Республики Корея;

3. несмотря на значимость деятельности отдельных личностей в актуализации историко-мифологических идей, возрождение их и широкое распространение не было бы возможным без длительной истории их функционирования в сознании людей на протяжении всей корейской истории. Миф о Тангуне является проявлением традиционного для корейцев культа предков, который сохраняется на протяжении всего существования корейского этноса, став одним из факторов поддержания этнического сознания корейцев и критерием принятия культурных новаций или отказа от них;

4. идеи, связанные с Тангуном, в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике проявляются по-разному. В РК они выражены косвенно через празднование *кэчхонджоль*, применение в образовании идеи *хонигинган*, а ранее и в использовании летоисчисления *танги*. В КНДР раскопки гробницы Тангуна символизировали собой новый всплеск интереса к идеям о

Тангуне, повлекли за собой введение праздника *кэчхонджоль* и активное использование этих идей в идеологических целях. Таким образом, идеи о Тангуне продолжают воспроизводиться в обоих государствах, как в Южной, так и Северной Корее, и оба государства проводят политику по поддержанию этих идей. Политика эта выражена в использовании этих идей в образовании, проведении мероприятий, в том числе и научного плана;

5. тот факт, что в двух странах сохраняется и даже возрождается общее как для Севера, так и для Юга, а также важное при определении этноса, представление об общности происхождения, дает компонент «культурной» основы для возможного формирования общекорейского самосознания.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов определяется всесторонним анализом научно-исследовательской литературы по теме исследования, а также репрезентативностью источниковой базы исследования, которая включает в себя различные типы письменных источников.

Публикации по теме диссертации и апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в трех научных публикациях, которые вышли в журналах, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях автора на трех международных конференциях (г. Томск, сентябрь 2014 г. и октябрь 2014 г., г. Санкт-Петербург, апрель 2015 г.), а также XI Конгрессе антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, июль 2015 г.) и 20-й ежегодной конференции корееведов России и стран СНГ (г. Москва, март 2016 г.).

Структура диссертации определяется целью, задачами и концепцией исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 Политическая и социально-экономическая ситуация в Корее в конце XIX в.

1.1 Внутренние причины политического и социально-экономического кризиса в Корее конца XIX в.

Кризисная ситуация в социально-экономическом развитии Кореи, а потом и во внешнеполитическом ее положении постепенно нарастала на протяжении всего XIX в. Попытки, которые предпринимались для того, чтобы погасить кризис, не только не разрешали назревших проблем, но и усугубляли их, и в итоге привели к тому, что Корея оказалась неспособной отстаивать свою независимость: 17 ноября 1905 г. корейское правительство вынуждено было подписать «Договор о покровительстве». Такие события не могли не отразиться и на самосознании корейцев. С одной стороны, это был, безусловно, пик кризиса самосознания, главной причиной которого стала сложившаяся историческая ситуация, с другой стороны, это стало стимулом для формирования, а точнее трансформации в самосознание нового типа, в котором немаловажную роль сыграли именно мифологические представления.

К середине XIX в. государственная власть в Корее не смогла подстроиться под новые реалии товарно-денежной экономики, не могла также и урегулировать земельные отношения. То время связывают с «развалом трех основ управления» - поземельного налога, сборов вместо военной повинности и системы «ссудного зерна»⁹⁶.

Во второй половине XIX в. продолжилось ухудшение социально-экономического положения страны. С одной стороны, увеличивалось количество земель, освобожденных от налогов, с другой - многочисленные налоги становились огромным бременем для населения. Недовольство действиями правительства и особенно произволом местных чиновников усиливалось, результатом которого стали крестьянские восстания 1862 г. Наиболее

⁹⁶ Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи. СПб., 2002. С. 292–293.

ожесточенными были выступления в провинциях Чхунчхон, Чолла, Кёнсан. Волна восстаний 1862 г. свидетельствовала о дальнейшем усилении внутренних противоречий и нарастании кризиса феодального общества⁹⁷. Несмотря на то, что правительством была признана вина правителей уездов, и оно предпринимало меры по ослаблению бремени крестьян, тем не менее, причины, которые вызвали волнения народных масс, не были устранены.

Попыткой предотвратить все усугублявшийся кризис и укрепить централизацию власти были реформы *тэвонгуна* (1863 – 1873). Ли Хаын (1820 – 1898), будучи отцом Ли Мёнбока, который был возведен на престол в 1864 г., стал его регентом и ему был пожалован титул *Хынсон тэвонгун*. Реформы *тэвонгуна* были направлены на устранение отрицательных сторон правления «временщиков» и возрождения страны. На протяжении шести десятилетий власть в государстве была практически монополизирована представителями рода андонских Кимов. *Тэвонгун*, придя к власти, направил усилия на прекращение их всевластия, представители рода Кимов и их ставленники смещались с высших постов. Большим шагом на пути к централизации и борьбой с сепаратизмом крупных феодалов стал указ о закрытии большинства *совонов*, храмов культа предков знатных феодалов и центров богатых феодальных поместий.

В 1864 г. был издан указ о подчинении провинциальных учреждений только распоряжениям центральных ведомств. В борьбе с крупными феодалами *тэвонгун* опирался на янбанов из северных и южных провинций, которые раньше не допускались к власти. Ряд мер, проводимых *тэвонгуном*, были направлены на укрепление армии, возвеличивание королевской власти. В то время начались работы по восстановлению дворцового комплекса Кёнбоккун, который был разрушен в период Имджинской войны (1592 – 1598 гг.). Чтобы покрыть расходы на восстановление дворца и усиление армии, начался сбор денег по системе *воннапчон* («добровольный взнос»), а также стал собираться налог *симбопхорянми* («рис на содержание береговой артиллерии») ⁹⁸. Восстановленный

⁹⁷ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 319.

⁹⁸ Хан Ёнъу История Кореи. Новый взгляд. М., 2010. С. 400.

дворец должен был быть символом величия и силы государства, символизировать восстановление сильной королевской власти, однако таковым он не стал в глазах простых людей. «Восстановленный к 1867 г. дворец, вместо того, чтобы укрепить престиж государевой власти, символизировал для масс янбанскую эксплуатацию и произвол»⁹⁹.

Особенно тяжело отразилась на положении неимущих слоев проведенная денежная реформа. В 1866 г. было объявлено о замене медных монет *чон* на *танбэкчон* по курсу 1:100, хотя реально новые монеты стоили всего в 4-5 раз дороже старых¹⁰⁰. Кроме этого, были закуплены китайские монеты, которые использовали как равноценные корейским *ёпчон*, хотя их стоимость была в половину меньше. Таким образом, можно отметить, что проводимые реформы вызвали только ухудшение экономического положения народа, усугубили социальный кризис. По мнению южнокорейских исследователей, *тэвонгун* вызывал недовольство не только янбанов, но также и простых людей. Его реформы не отвечали требованиям народа и не были направлены на решение социальных противоречий, они были направлены на прекращение дальнейшего усугубления социальных противоречий, а также укрепление феодальной системы. Проводимые действия опирались на сильную королевскую власть¹⁰¹.

Недовольные такой политикой народные массы объединялись под знаменем *тонхак*, что побудило *тэвонгуна* расправиться с основателем этого движения. В 1864 г. Чхве Джеу был казнен. Однако казнь его имела обратный эффект. В последние годы правления *тэвонгуна* наблюдался рост народного движения, что свидетельствовало о неэффективности проведенных реформ. А репрессии в отношении всех форм протеста, которые проводил *тэвонгун*, ожесточили общее настроение в стране, подорвали надежду на формирование общенационального единства в борьбе с угрожавшей Корее империалистической агрессией¹⁰².

⁹⁹ Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи Т. 1. М., 2011. С. 373.

¹⁰⁰ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 321.

¹⁰¹ Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 2003. С. 30–31.

¹⁰² Тихонов В. М., Кан Мангиль. Указ. соч. С. 379.

После того как в 1873 г. формально власть была передана в руки короля Коджона, на самом деле она оказалась в руках его жены, королевы Мин, и ее родственников. Взгляды нового правительства расходились с взглядами *тэвонгуна* в вопросах внутренней и внешней политики. Они предполагали возможным возродить Корею как централизованное государство с помощью более сильных, чем Китай, держав¹⁰³.

В 70 – 80-ые гг. XIX в. значимыми событиями в истории Кореи становятся подписания неравноправных договоров. И если в предыдущие десятилетия основное недовольство народных масс вызывали действия местных чиновников, многочисленные налоги, то в это время «врагом» становятся иностранцы.

Торговля с иностранными государствами имела колониальные черты, а значит, из Кореи вывозились сырье, продукты сельского хозяйства и золото, а ввозились фабричные изделия, что, конечно же, имело отрицательные последствия. Вывоз сельскохозяйственной продукции вел к разорению крестьян, ввоз товаров широкого потребления имел негативные последствия для корейского производства.

Недовольство вызвало рост антииностранных настроений, которое выразилось в борьбе против колонизаторов. В июле 1882 г. в Сеуле вспыхнуло восстание солдат столичного региона, которое имело антияпонский характер: часть солдат направилась в офицерскую школу нового образца, где был казнен японский офицер Хоримото Рёдзо, другая часть – к королеве Мин и ее родственникам, с которыми ассоциировалось «открытие Кореи». Повстанцы также напали на японскую миссию. Можно говорить, что к этому времени начинает постепенно усиливаться и отчетливее проявляться противопоставление «мы – они», и причиной такого явления, в первую очередь, стало именно проникновение иностранцев в Корею.

К солдатам присоединились городская беднота и крестьяне окрестных деревень. В таких условиях Коджон был вынужден передать власть *тэвонгуну*, однако в то же время королева Мин обратилась к Китаю за военной помощью, что

¹⁰³ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 334.

стало поводом к отправке в Корею войск. Таким образом, посредством вмешательства внешних сил королеве Мин удалось восстановить власть при дворе. Япония же использовала вмешательство Китая в своих целях и навязала подписание в Инчхоне Чемульпхоского договора.

С этого времени прослеживается зависимость корейского правительства от иностранной поддержки, оно больше не могло самостоятельно решать внутривополитические вопросы. Обращение за помощью к иностранным державам позволяло на какое-то время погасить разразившийся бунт, однако не позволяло решить проблем и еще больше вызывало недовольство в обществе, а также позволяло странам, которые вмешивались в решение корейских внутривополитических вопросов, укрепить свои позиции, заставить подписать все новые выгодные для них договора.

После восстания 1882 г. правительство Мин в большей степени стало ориентироваться на Китай. Близкие ко двору конфуцианские деятели призывали превратить Корею в «маленький Китай», а те, кто поддерживал идеи *виджон чхокса* («защитим истину, отвергнем ересь»), выступали за сохранение неограниченной монархии и конфуцианских законов, против любых посягательств на устоявшиеся в стране обычаи и порядки¹⁰⁴.

Такое положение дел подтолкнуло к активным действиям реформаторов, деятелей движения *кэхва ундон*. Зарождение этого движения относится еще к 60 – 70-ым гг. XIX в., оно сложилось на основе идей *сирхак*. *Кэхва ундон* было национальным явлением на этапе перехода Кореи от феодализма к капитализму. Оно выражало синтез зарождавшегося корейского национализма, а также идей и опыта западноевропейской цивилизации¹⁰⁵. В планах реформаторов было развитие корейской экономики, для которого, по их мнению, необходимы были разработка недр и применение в сельском хозяйстве и промышленности машин; расширение культурных и торговых связей с иностранными государствами; борьба с преклонением перед Китаем. Для популяризации своих идей они

¹⁰⁴ История Кореи (С древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974. С. 342.

¹⁰⁵ История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 226.

выпускали «Хансон сунбо» («Сеульский ежедекадник»), в котором предпринималась попытка пробудить национальное самосознание.

Реформаторами была предпринята попытка захватить власть 4 декабря 1884 г. В программе, которую обнародовало новое правительство, особо подчеркивалась ликвидация вассальной зависимости от Китая¹⁰⁶. Попытка захватить власть окончилась неудачно. Снова внешний фактор определил исход ситуации: в подавлении переворота 4 декабря сыграли роль китайские войска под командованием Юань Шикая. Важно отметить, что реформаторы не смогли правильно оценить роль народа в проведении реформ и искали поддержку у Японии¹⁰⁷.

Реформаторам не удалось провести в жизнь свои планы, однако их выступление имело большое значение и свидетельствовало о значительном росте в Корее буржуазных тенденций. Движение *кэхва ундон* рассматривают как первое проявление в Корее буржуазного национализма. Поскольку их призывы покончить с вассальной зависимостью от Цинского Китая, сделать Корею сильным суверенным государством с развитой экономкой и культурой отражали требования формировавшейся корейской нации¹⁰⁸.

Все ухудшающееся положение вызывало у крестьян недовольство действующим правительством и способствовало распространению идей о скорой гибели династии Ли и приходе нового «справедливого» правительства. Недовольство выливалось в антифеодалные выступления, в которых важную роль играло учение *тонхак*. Также усиливается в это время и идея борьбы с иностранным вторжением, которую поддерживали не только крестьяне, ремесленники, городская беднота, но и купцы Сеула и других крупных городов.

Условно начало восстания *тонхак* датируется 19 декабря 1892 г. Тогда глава *тонхак* Чхве Сихён созвал несколько десятков тысяч последователей в Чонджу, где им было прочитано обращение к губернаторам провинции Чолла и Чхунчхон. В начале 1893 г. центр крестьянского движения переносится в уезд

¹⁰⁶ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 343.

¹⁰⁷ Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 2003. С. 48.

¹⁰⁸ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 343.

Поын, из которого сорок делегатов направились с петицией к Коджону. Важно отметить, что наряду с религиозными требованиями, участники движения все отчетливее призывали к борьбе с феодальной эксплуатацией и продолжающимся колониальным вторжением. Среди руководителей *тонхак* не было единства: группа во главе с Со Бёнхаком, которая требовала радикальных мер, попытались осуществить дворцовый переворот, однако он был разоблачен. Несмотря на декрет вана с требованием покинуть тонхаковцам Сеул, отказаться от учения, а также последовавшие аресты, тем не менее, эти меры не привели к снижению напряженности. Антиколониальные настроения были сильны в крупных городах и уездах вблизи открытых портов, по всей стране проходили антифеодальные восстания¹⁰⁹. К концу мая 1893 г. закончилось продовольствие, не хватало оружия, и народное движение на некоторое время затихло.

Новая волна восстания начинается в январе 1894 г. в уезде Кобу провинции Чолла. Выступление крестьян возглавил Чон Бонджун, руководитель «южной группировки» *тонхак* (юго-западные уезды провинции Чолла и южные уезды Чхунчхон). Повстанцам 31 мая удалось штурмом взять Чонджу. Туда были направлены правительственные силы, они окружили город, повстанцы согласились на переговоры, их требования имели антифеодальный и антиколониальный характер, перекликались с идеями, которые ранее выдвигали деятели *сирхак* и *кэхва ундон*. Правительство согласилось подписать перемирие на условиях, выдвинутых повстанцами. Крестьянская армия вышла из Чонджу, однако антифеодальные крестьянские волнения продолжались. Корейское правительство вновь обратилось за помощью к Китаю. Цинское правительство отправило войска. Япония, расценивая действия Китая как нарушение Тяньцзинского договора 1885 г., также направила свои войска в Корею и приступила к решительным действиям: был создан новый кабинет во главе с *тэвонгуном*. В конце июля 1894 г. началась японо-китайская война, которая закончилась отказом Китая от своего влияния в Корее. В Корее с новой силой прокатились антияпонские выступления. Чтобы успокоить народ, была

¹⁰⁹ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 352.

разработана программа реформ («реформы года кабо»), но они не были восприняты, еще и потому что исходили, фактически, от японцев.

Таким образом, можно проследить, как менялся характер крестьянских восстаний: если сначала на первый план выдвигались именно религиозные лозунги, то постепенно они оттеснялись на второй план и главными становились антифеодальные, с усилением же в Корее роли Японии, все отчетливее проявлялись антияпонские настроения.

В октябре 1894 г. начался заключительный этап восстания, который был подавлен. Огромную роль сыграло в этом вмешательство японских войск. Япония продолжала оказывать значительное влияние на внутрикорейские политические дела, что вызывало сопротивление не только простого народа, но и королевского двора. В это время активизировалась группировка королевы Мин, которая пробовала искать поддержки у России. Такое положение дел, безусловно, не устраивало Японию, и японцы пошли на убийство королевы Мин 8 октября 1895 г. Восстановив прежнее влияние, японцы через своих сторонников в корейском правительстве провели «реформы года *ильми*», которые, в том числе, запрещали мужчинам носить традиционные прически. Указ о стрижке волос разрушал традиционную систему церемоний и ритуалов¹¹⁰, что воспринималось корейцами, как унижение.

11 февраля 1896 г. ван Коджон укрылся в русской миссии, на следующий день был издан указ о роспуске прояпонского правительства и создании нового.

Во время пребывания вана в русской миссии, 2 июля 1896 г. было создано Общество независимости, члены которого выступали за проведение реформ и освобождение Кореи от иностранного влияния. В деятельности этого общества выделяют четыре этапа: 1) июль 1896 г. – август 1897 г. – в это время высокопоставленные правительственные чиновники руководили деятельностью Общества; 2) август 1897 г. – февраль 1898 г. – к движению присоединились народные массы; 3) февраль – август 1898 г. – Общество руководило народными массами; 4) август – декабрь 1898 г. – время народного сопротивления

¹¹⁰ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 336.

иностранным державам и абсолютной монархии¹¹¹ (о деятельности *Тоннип хёпхве* подробнее см. Тягай, 1983).

Спустя несколько месяцев после возвращения вана из русской миссии было принято решение о смене названия страны: в 1897 г. Корея была провозглашена империей *Тэхан джегук* (Корейская Империя), т.е. *чосон* было изменено на *хан*.

Нужно отметить, несмотря на то, что ранее *хан* не выступало в качестве названия страны, это не означало, что это слово не имело широкого употребления. Однако значение его наполнялось разными смыслами в разные исторические периоды. Еще в X в. оно могло трактоваться как, общее название для *Махан*, *Чинхан* и *Пёнхан*, могло пониматься и как *Самгук*, объединявшее государства *Когурё*, *Пэкче* и *Силла*, а могло восприниматься и как «наша страна», «наш народ». В период династии Ли слово *самхан* использовалось достаточно широко в значении «наша страна». Такой вывод делает Ли Джон на основе анализа употребления этого слова в «Истинных записях династии Чосон» («*Чосон ванджо силлок*»)¹¹². Также необходимо отметить, что в XVIII в. Ли Ик и Ан Джонбок выдвинули идею *самхан джонтхоннон*, согласно которой Киджун, последний ван Чосон Киджа, пришел на земли *Махан* и стал ваном. И таким образом, *Самхан* воспринималась как наследница Древнего Чосона¹¹³ и возникала «историческая преемственность» между севером и югом полуострова.

Выбор именно *Тэхан джегук* в 1897 г. в качестве нового официального названия государства связывают в том числе и с активными исследованиями *самхан* в поздний период династии Ли.

С. О. Курбанов так комментирует выбор Коджона в качестве названия страны «Великая Хан»: словом *хан* назывались три протогосударственных образования, сформировавшихся к югу от реки Ханган в III – II вв. до н.э. Это были самые древние корейские государства, не связанные с китайской культурой,

¹¹¹Курбанов С. О. Указ. соч. С. 339.

¹¹²Ли Джон. Ханбандо ёкса-е тхуёнтен самхан кэнём-ый пёнхва-е тэхан кочхаль (Об изменении понятия *самхан* в истории Корейского полуострова) // Хангук чиёк чири хакхве хаксуль тэхве, 2012. Вып. 2. С. 59.

¹¹³Чон Губок. Ури нара кукхого – ханбандо тхониль иху кукхо чеджон-ыль вихан кичхо ёнгу (Исследование названий государств в Корее – Базовое исследование для определения названия страны после объединения государств Корейского полуострова) // Чансогак, 2013. Вып. 29. С. 323.

соответственно этот выбор должен был указывать на древность и самобытность Кореи. «Великая» же было добавлено, вероятно, для «уравнения» Кореи с Японией, которая в то время именовала себя «Империя Великая Япония»¹¹⁴.

Ли Ванбом приводит разговор Коджона с Сим Сунтхэком и Чо Бёнсэ, в котором они полностью соглашались с необходимостью изменить название государства, и изменить его именно на *Тэхан*. Особо подчеркивалось, что *Чосон* связан с Киджа, а значит, с Китаем, поэтому это название с самого начала не было подходящим¹¹⁵. 13 октября 1987 г. был обнародован закон, в котором говорилось об изменении названия государства. Теперь Корею стали называть *Тэхан* («Великая Хан»), такое название использовалось вплоть до августа 1910 г.

Трактовать значение изменения названия можно по-разному. Оно, безусловно, связано с изменением внешнеполитического положения Кореи, т.к. отношения, которые долгое время связывали Китай и Корею, исчерпали себя. *Тэхан* воспринималось как независимое от воли Китая название корейского государства. Однако Ли Ванбом отмечает, что возможно и другое толкование: произошло освобождение не от зависимости от Цинского Китая, а от представления, согласно которому *Чосон* воспринимался как «маленький Китай», и в то же сохранилось наследование традиции Мин¹¹⁶. Таким образом, из государственной политики ликвидировались дипломатические отношения, характеризовавшиеся преклонением перед великой державой, и, переняв традицию Мин, страна становилась империей. Но поскольку отказались также и от названия *Чосон*, которое когда-то было одобрено Мин в форме *Чосон Киджа*, то изменение названия может трактоваться и как показатель независимости от Китая в целом¹¹⁷.

Таким образом, факт провозглашения Кореи Империей и изменение *чосон* на *хан* можно рассматривать как попытку выхода из кризиса. Хотя, с другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что провозглашение короля

¹¹⁴ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 324–343.

¹¹⁵ Ли Ванбом. Кукхо «Тэхан мингук»-ый мёнмён. (Название страны «Тэхан мингук») // Хванхэ мунхва, 2008. Вып. 60. С. 51–53.

¹¹⁶ Там же. С. 53.

¹¹⁷ Там же. С. 54.

императором проходило с подачи правительства микадо, с целью расположить к себе Коджона¹¹⁸. Кроме того, Н. В. Кюннер отмечает, что в Японии по отношению к Корее чаще использовалось не *Дайкан* (т.е. японское чтение иероглифов 大韓), а *канкоку*, т.е. государство Хан (韓國)¹¹⁹.

Теперь уже император Коджон приступил к проведению реформ, направленных на укрепление монархической власти, реформировании армии и модернизацию страны. Однако влияние японской стороны не ослабевало.

Выражением кризиса во всех областях корейской государственности во второй половине XIX в. становятся крестьянские восстания, постоянный рост народного движения, антиправительственные выступления, обращение к чуждому корейцам христианству, а также начавшиеся массовые миграции корейцев. В 60-е гг. XIX в. начинается миграция неимущего населения Кореи в северо-восточные районы Китая и на русский Дальний Восток, в 80-е гг. начинается новая волна эмиграции. Так, например уже к 1880 г. на территории Приморья численность корейского населения достигала 6700 человек, а к 1901 г. - 30000 человек¹²⁰. В Маньчжурии к 1904 г. — 78000 человек¹²¹.

Рассмотрев внутреннее положение Кореи, можно отметить, что с середины XIX в. население было недовольно действиями правительства и местными чиновниками. Ситуация еще сильнее обострилась к концу XIX в., усугубившись недовольством населения в связи с иностранным вторжением. К решению проблем, которое требовалось еще в середине XIX в., реально удалось подступить только к концу века. Однако к этому времени Япония уже имела слишком сильные позиции на Корейском полуострове и влияние ее только усиливалось.

¹¹⁸ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) ... 1974. Т. 1. С. 366.

¹¹⁹ Кюннер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосон. Владивосток, 1912. С. 1.

¹²⁰ Ворожищева О. М. Корейская диаспора в странах Дальнего Востока: этно-историческая характеристика (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. С. 36.

¹²¹ Там же. С. 47.

1.2 Влияние внешнеполитического фактора на ситуацию в Корее конца XIX в.

Вторая половина XIX в. явилась важным этапом в формировании нового внешнеполитического положения Кореи. Именно в это время завершается период самоизоляции, Корею «заставляют», и она сама начинает вступать в контакты с иностранными державами. Не останавливаясь подробно на рассмотрении вопроса этапов проникновения иностранцев в Корею, поскольку они хорошо освещены в отечественном корееведении, остановимся только на ключевых моментах, подписании договоров, закрепивших изменившееся положение Кореи на международной арене. При этом обратим внимание на то, как во второй половине XIX в. происходила замена китайского влияния на японское, а также на реакцию корейского общества.

С древности Корея испытывала сильное влияние китайской цивилизации, между странами поддерживались тесные отношения. После того, как в 1392 г. воцарилась новая корейская династия Ли, между новым государством и минским двором установились связи в рамках даннической системы¹²². Аналогичные отношения сложились у Кореи и с Цинским Китаем. Корея относилась к категории вассалов *шу*, т.е. внешних данников. Характер отношений между Цинским Китаем и Кореей был определен мирным договором, заключенным после неудачной для Кореи войны с маньчжурами (1636 – 1637 гг.). Согласно этому договору Корея должна была отправлять в Пекин даннические посольства, использовать китайский календарь и испрашивать инвеституру каждому новому корейскому вану. Корея могла обратиться к Китаю за продовольствием в случае неурожая, за военной помощью, а также сообщала Китаю о действиях иностранных судов у берегов Кореи¹²³. Именно такие отношения сохранялись между Цинским Китаем и Кореей до 70-х гг. XIX в.

¹²² Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 50.

¹²³ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 14–15.

Следует заметить, что Корея на протяжении всей своей длительной истории, несмотря на огромное влияние со стороны Китая, всегда удавалось избежать поглощения и ассимиляции, удавалось сохранять свое этническое своеобразие, а заимствованное находило в Корее новое рождение. Заимствования, которые происходили, были обусловлены практическими потребностями и национальными условиями, проходили путь трансформации, впитывали местный колорит, традицию, и только потом становились частью корейской культуры¹²⁴. Однако к середине XIX в. продвижение корейского этноса в будущее, его потенциал обновления и сопротивления начинают медленно гаснуть и тускнеть. Среди причин этого были модернизация общества и собирание национальных сил вокруг идеи спасения отечества, которые в Корее имели деструктивный характер¹²⁵.

Что касается других иностранных государств, то еще в первой половине XIX в. они начинают проявлять интерес к Корее, направляя свои суда к ее берегам под предлогом топографических, гидрографических измерений. Основной же целью было установление торговых отношений.

Внешняя политика, которую проводил *тэвонгун*, была направлена на изоляцию страны от внешнего мира: Корея не должна иметь отношений с «западными варварами», а любые попытки с их стороны следовало отвергать¹²⁶. Таковую политику особенно поддерживали представители движения *виджон чхокса*.

Первое крупное столкновение, которое удалось отразить корейским сухопутным подразделениям, произошло с французами в 1866 г. Поводом для французского вторжения стала политика корейского правительства против распространения в Корее католицизма. В том же году немецкая торгово-купеческая миссия, американский корабль «Генерал Шерман» пытались установить торговые отношения.

¹²⁴ Толстокулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток, 2004. С. 7.

¹²⁵ История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А. В. Торкунова. С. 206–208.

¹²⁶ Там же. С. 205.

С начала 70-х гг. XIX вв. усиливается давление капиталистических держав на Корею. Наиболее активную позицию заняла в это время Япония. Интересы США были сосредоточены вокруг Китая, своим главным соперником в этом регионе они считали Англию. Россия была заинтересована в сохранении статуса-кво в Корее, поэтому планы Японии ее беспокоили. Цинское правительство было занято своими внутренними и внешними делами, им было не до Кореи¹²⁷.

В сентябре 1875 г. в бухту Канхва вошел японский военный корабль, японцы высадили десант, и им удалось захватить форт. В январе 1876 г. была послана японская экспедиция, под руководством генерала Курода Киётака, который, прибыв в Канхваскую бухту, предъявил корейским властям ультиматум: установление торговых и дипломатических отношений или начало военных действий. Корейское правительство обратилось за помощью к Цинскому Китаю, что говорит о влиянии устоявшихся традиционных внешнеполитических отношений между этими двумя странами. Однако политика Китая в отношении своих вассалов изменилась. Находясь в сложном внутри- и внешнеполитическом положении, Цины решили санкционировать установление Кореей контактов с капиталистическими державами, чтобы избежать покушений последних против собственной территории¹²⁸. В записке одного из руководителей китайской внешней политики Ли Хунчджана корейским сановникам рекомендовалось корейскому правительству заключить договор с Японией.

Канхваский договор был подписан 14 февраля 1876 г. а в августе 1876 г. – дополнительные статьи к нему. Перед Японией стояла цель добиться ослабления влияния Китая в Корее. Для этого в договоре признавалась независимость Кореи. Нужно отметить, что относительно трактовки статей Канхваского договора ведутся споры, однако, в любом случае, он означал окончание изоляции Кореи и начало последующего соперничества государств за господство в ней. Кроме того, этот договор можно рассматривать и как первый шаг к «переходу» Кореи от Китая к Японии. Будучи важным этапом в корейской внешней политике, он также

¹²⁷ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 333–334.

¹²⁸ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 18.

оказал влияние и на внутреннюю политику. Корейское правительство, подписывая этот договор, планировало использовать помощь Японии при решении своих внутривластных вопросов. Прежде всего, в борьбе с феодальными группировками, поддерживавшими *тэвонгуна*¹²⁹. Действительно, в это время были как ортодоксально настроенные конфуцианцы, которые отрицательно восприняли подписание этого договора, но с другой стороны, были прогрессивно настроенные деятели, которые рассматривали этот договор положительно. Реально подписание договора повлекло за собой активное проникновение и укрепление позиции японцев на Корейском полуострове, т.е. было шагом корейского правительства к потере своей независимости.

Вслед за Японией неравноправные договоры стали навязывать страны Европы и США. Китай пытался сохранить свои традиционные отношения с Кореей, поэтому настаивал на заключении Кореей договоров с европейскими странами. Европейские страны не позволили бы японцам захватить Корею, и позиции Китая остались бы прежними. Таким образом, под давлением Цинского Китая 22 мая 1882 г. в Инчхоне был подписан корейско-американский договор, которому предшествовали обсуждения проекта договора в Тяньцзине, где корейской стороне отводилась роль скорее наблюдателя¹³⁰.

В 1883 г. были подписаны договоры с Англией и Германией, в 1884 г. – с Италией и Россией, в 1886 г. – с Францией.

Подписание договора с Японией, с одной стороны, повлекло за собой формирование в корейском обществе прояпонского течения, одним из представителей которого был Ким Оккюн. С другой стороны, возрастало недовольство все усиливавшимся влиянием японцев.

Американцы в Корее проводили антикитайскую, прояпонскую политику. Со страниц американских журналов они призывали бороться с вассальной зависимостью Кореи от Китая¹³¹. США для развития своей экспансии избрали путь поддержки японской агрессии в Корее. Англия также не собиралась

¹²⁹ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 334–335.

¹³⁰ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 27.

¹³¹ Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. С. 104.

препятствовать японской колонизации Кореи, считая ее противовесом усилению России на Дальнем Востоке¹³².

Укрепление позиции Японии стало беспокоить Цинский Китай в 1880-е гг. Тогда он включается в борьбу за господство в Корее, активно принимает участие в решении внутренних корейских проблем. Так было в 1882 г. при подавлении восстания, ими же был арестован и похищен *тэвонгун*, и в 1884 г. при подавлении попытки захвата корейскими реформаторами власти. Примечательно, что программа реформаторов, совершивших переворот 1884 г. включала в себя пункт по ликвидации старых вассально-сюзеренных отношений с Китаем¹³³.

Однако вмешательство Китая во внутренние корейские дела позволило Японии еще больше укрепить свои позиции на Корейском полуострове.

Возмещение Японии ущерба, который она понесла во время восстания, были оговорены японо-корейским Инчхонским договором 1882 г. Этот договор расширил права Японии в Корее.

Всеми силами Китай пытался сохранить вассалитет Кореи. На это были направлена политика, которую проводил Юань Шикай, назначенный в 1884 г. Генеральным резидентом и управляющим дипломатическими и торговыми делами Кореи.

Влияние Китая в Корее возрастало, что не могло не беспокоить японскую сторону. В январе 1885 г. был подписан японо-корейский Сеульский договор, предусматривавший компенсацию убытков, понесенных корейской стороне во время восстания в декабре 1884 г.

Через год был подписан Тяньцзинский договор между Японией и Китаем, что явилось важной победой для Японии, поскольку признавало за ней равные с Китаем права на ввод войск в Корею¹³⁴. Таким образом, с начала 1880-х активизируется политика Китая в отношении Кореи. Однако китайская вооруженная интервенция в итоге привела к потере «одного из главных

¹³² Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. С. 105.

¹³³ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 315.

¹³⁴ История Кореи (С древнейших времен до наших дней) Т. 1. М., 1974. С. 345.

сюзеренных прерогатив – монопольного права вводить свои войска на корейскую территорию в случае внутривостановического кризиса»¹³⁵.

Свидетельством того, что традиционные отношения между Китаем и Кореей оставались в силе, было то, что в 1890 г. Коджон выполнил церемониальный поклон *коутоу* перед носилками с императорским посланием, которое доставили цинские послы в Корею¹³⁶. Тем самым ван подтверждал вассальный статус Кореи перед Китаем.

К китайской помощи корейское правительство обращалось и во время Крестьянского востановия 1893-1894 гг. 8 июня 1894 г. китайские войска высадились в районе Асана, чтобы принять участие в подавлении крестьянского востановия. Реакция Японии на это была незамедлительной. 25 июля 1894 г. японские корабли атаквали китайские, что фактически означало начало японо-китайской войны за контроль над Корейским полуостровом, которая официально была объявлена 1 августа.

Договор о вечном союзе между Кореей и Японией, который был подписан 20 августа 1894 г., предоставлял японцам возможность вмешиваться во внутренние дела Кореи. 26 августа 1894 г. был подписан Договор о военном союзе.

16 сентября китайские войска, понеся поражение, вынуждены были отступить с полуострова. По окончании войны был подписан Симоносекский мирный договор, в котором Китай признавал Корею суверенным государством и отказывался от сюзеренных прав на неё.

Таким образом, в самом конце XIX в. у Японии оставался еще один соперник, который мог воспрепятствовать ее укреплению на Корейском полуострове - Россия.

Период нахождения короля Коджона в российской дипломатической миссии усилил влияние России в Корее. Хотя, как отмечают исследователи, Россия не претендовала на завоевание доминирующих позиций в Корее¹³⁷. В это

¹³⁵ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 41.

¹³⁶ Там же. С. 47–48.

¹³⁷ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 337.

время Япония и Россия подписали несколько договоров, регулировавших их отношения на Корейском полуострове. 14 мая 1896 г. был подписан российско-японский меморандум, который ограничивал влияние Японии на Корейском полуострове. Согласно этому соглашению, Япония должна была вывести большую часть своих войск. Таким образом, военно-оккупационный режим закончился, а 9 июня 1896 г. был подписан Московский протокол, который устанавливал юридическое равенство Японии и России в Корее¹³⁸. Однако уже в 1898 г. Японии снова удалось укрепить свое положение в Корее: 13 апреля 1898 г. был подписан Токийский протокол Ниси-Розена, по которому Россия отказалась от экономических привилегий в Корее и обещала не препятствовать развитию торговых и промышленных отношений Японии с Кореей¹³⁹.

Таким образом, на протяжении всей второй половины XIX в. Япония активно проводила политику проникновения и укрепления своих позиций на Корейском полуострове. При этом корейское правительство, обращаясь за помощью к сторонним силам для решения внутривластных вопросов, само спровоцировало фактически такую ситуацию, при которой корейский вопрос решался заинтересованными странами, а не Кореей.

Увеличившееся иностранное влияние привело к усилению патриотических настроений. Первой крупной национальной корейской организацией было «Общество независимости» (*Тоннип хёпхве*), созданное 2 июля 1896 г. Лозунг «Корея для корейцев!» стал знаменем патриотического движения. Кроме того, корейская интеллигенция вела борьбу за развитие национальной культуры и просвещения. К концу XIX в. относятся попытки реформы корейской письменности и введения национального корейского алфавита¹⁴⁰.

Вторая половина XIX в. стала временем, когда предпринимались попытки, как со стороны власти, так и со стороны ее оппозиции, и простого народа предотвратить кризис, который назревал все сильнее и сильнее, показать свой путь его решения, однако реформы, проводимые правительством, скорее были

¹³⁸ Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. С. 141.

¹³⁹ Там же. С. 148.

¹⁴⁰ Там же. С. 170.

направлены на сохранение своей собственной власти. Они были одномоментным ответом на взрыв недовольства, а не последовательно проводимой в жизнь программой. Оппозиция не была сильной, убедительной, не представила реальной альтернативы. Народ, что естественно, был озабочен решением своего сложившего и все время ухудшавшегося тяжелого положения, поэтому восстания, поднимаемые им, и выдвигаемые лозунги также были направлены на облегчение своего положения. В обществе отсутствовало единство. Только после того, как начинает все заметнее усиливаться влияние иностранных государств в Корее, происходит консолидация народа вокруг идеи противостояния иностранному засилью.

Изменившееся внешнеполитическое положение Кореи, безусловно, отразилось и на самосознании корейцев. Во-первых, активное вмешательство иностранцев в корейскую внутреннюю политику, а также проникновение в корейскую экономику вызвали недовольство корейцев. Во-вторых, именно знакомство с «другим» можно рассматривать как важный импульс к осознанию «себя». Нельзя найти «идентичность» собственной культуры, до тех пор пока не познакомишься с другой культурой, «вплоть до того что реакция на это знакомство обновит все твое существо»¹⁴¹. Именно так и произошло с Кореей. К концу XIX в. четко осознается необходимость борьбы за независимость, начинается формирование нового типа самосознания.

1.3 Кризис корейского этнического самосознания и актуализация религиозно-мифологического наследия на рубеже XIX – XX вв.

Социально-политический кризис в корейском обществе, изменившееся внешнеполитическое положение Кореи, когда в страну стали активно проникать иностранные государства, навязывая неравноправные договоры, захватывая корейский рынок и т.д., все это вызвало кризис традиционного этнического

¹⁴¹ Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 43.

самосознания, стало стимулом к трансформации его в новую форму. Именно с концом XIX – началом XX вв. связывают «пробуждение» национального самосознания в корейском обществе.

Реакцией на кризис в политической и социально-экономических сферах, которые определили ухудшение положения подавляющей части населения, стали многочисленные народные антифеодальные, а потом и антииностранные выступления, а в конце века и Крестьянское восстание (1893 – 1894 гг.), в котором немаловажную, консолидирующую роль, сыграл религиозный фактор. Всплеск интереса к новым религиозным системам прослеживался на протяжении всего XIX в., что являлось свидетельством также и идеологического кризиса. С XIX в. связывают проникновение и распространение христианства, а также возникновение учения *тонхак*.

Необходимо отметить, что Корея XIX – начала XX вв. не является единственным примером, когда религия в истории Кореи выполняла этноконсолидирующую функцию.

На определенных этапах корейской истории (VI – VII вв., XI – начало X вв.), даже, несмотря на то, что буддизм проник в Корею из Китая, он способствовал укреплению центральной власти и объединению страны. Причины этого И. А. Толстокулаков объясняет тем, что еще в период Трех государств, когда только начинается проникновение буддизма, китайские проповедники не противопоставляли буддийский канон корейскому культу предков, не отрицали местные верования в духов. Наоборот, они развивали идею о тесной связи буддизма и местных религий¹⁴². В период Корё буддизм достигает своего расцвета, в это время он являлся государственной религией.

После монгольского нашествия буддийская церковь теряет свою консолидирующую, централизаторскую функцию. Постепенно место буддизма занимает конфуцианство. Оно отвечало требованиям того времени и также способствовало централизации власти. Важно, что конфуцианство также не противоречило традиционному корейскому культу предков. Наоборот,

¹⁴² Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002. С. 38.

поклонение душам предков в конфуцианском культе занимало важное место, фактически оно канонизировалось конфуцианством. Основной задачей поклонения предкам было стремление умиловить предков и возблагодарить их за продолжение рода¹⁴³. Ю. В. Ионов, характеризуя обряды и обычаи в Корее середины XIX – начала XX вв., отмечала, что конфуцианцы не выступали против народных обрядов, они, «придав им конфуцианскую окраску, использовали в своих политических целях»¹⁴⁴. В этом мы видим ответ на вопрос, каким образом народные верования могли сохраниться на протяжении многих веков, при существовании различных на разных этапах корейской истории официальных религий.

На важную роль культа предков для корейцев указывали многие авторы. Так, В. М. Тихонов определяет его как «доминанту корейского сознания», подчеркивая, что конфуцианские представления при этом наложились на автохтонную традицию¹⁴⁵. Нам представляется, что именно непротиворечие культу предков проникавших религиозных учений являлось важным фактором в восприятии корейцами той или иной религии. Именно культ предков является той важной основой, которая сохраняется на протяжении всего существования корейского этноса, и является одним из факторов его поддержания.

XIX век стал для Кореи временем проникновения европейской культуры, а вместе с ней и христианства. Распространение христианства и увеличение числа верующих среди корейцев к концу века объясняется тем, что это было своего рода протестом против японского засилья. В Корее христианство стало частью патриотического движения, объединившего население в стремлении защитить независимость родины¹⁴⁶. В Корее большее распространение получает

¹⁴³ Толстокулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток, 2004. С. 39.

¹⁴⁴ Ионов Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М., 1982. С. 54.

¹⁴⁵ Тихонов В. М. Культ предков в современной Республике Корея // Проблемы истории, философии, культуры. М.-Магнитогорск, 1995. Вып. 2. С. 396.

¹⁴⁶ Толстокулаков И.А. Указ. соч. С. 50–51.

протестантизм. Среди причин этого было то, что он лучше приживался на национальной почве, гибко подстраиваясь под местные обычаи¹⁴⁷.

Кроме того, во второй половине XIX в. возникает местное учение *тонхак*, в основе которого совместились положения, как католицизма, так и конфуцианства, и даосизма. К началу XX в. *тонхак* трансформировалось в общенациональное религиозное течение *Чхондогё* («Учение о небесном пути»).

«Распространение *тонхак-чхондогё* и христианской религии сыграло важную роль в восприятии нацией идей равенства и социальной справедливости, стимулировало движение сопротивления усиливавшемуся влиянию Японии»¹⁴⁸, а значит, влияло и на формирование нового типа самосознания корейцев.

На этапе формирования нации нечеткие границы между религиозными и национальными движениями являются вполне закономерными. Для этого времени характерно постепенное приспособление религии к процессу формирования национального самосознания, и часто религия подчиняется ему¹⁴⁹.

Н. И. Конрад так характеризовал религиозную ситуацию, сложившуюся на рубеже XIX – XX веков в Корее. Он обозначил семь религий: конфуцианство, буддизм (который находился в полном упадке), корейский даосизм (*сонгё*), христианство, религия «Небесного пути» (*чхондогё*), *синчхонгё*, которая является, по сути, *чхондогё*, и *тангунгё* (*тэджонгё*)¹⁵⁰. *Чхондогё* и *тангунгё* явились новыми религиозными системами. Они сложились накануне колониального вторжения и оказали огромное влияние на формирование национально-освободительного движения. Важно отметить, что *Тэджонгё* была основана на легендарной традиции происхождения корейского народа от Тангуна.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кризис в социально-политическом и экономическом положении Кореи и ее изменившееся внешнеполитическое положение оказались важным фактором, активизировавшим мифолого-религиозное наследие корейцев и обусловившим формирование нового

¹⁴⁷ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 320.

¹⁴⁸ Толстокулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток, 2004. С. 52.

¹⁴⁹ Козлов В. И. Указ. соч. С. 90–91.

¹⁵⁰ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 64.

типа самосознания, в котором это наследие заняло ключевую роль. При укреплении национального самосознания закономерным является усиление представления об общности происхождения. Кроме того, в Корее в это время на основе земледельческой общинной обрядности шло формирование единой модели национальных обрядов. В рамках корейского этноса эти обряды ярко продемонстрировали свою интегрирующую функцию¹⁵¹. Важной частью многих праздников и обрядов оставалось совершение жертвоприношения предкам. В конце XIX в. был установлен национальный праздник – «День национального основания Кореи» («Период открытого Неба»), связанный с основанием Тангуном первого корейского государства¹⁵². Установление праздников, посвященных чествованию памяти воинов, павших на поле брани при защите отечества, также по нашему мнению, могут свидетельствовать о росте национального самосознания.

1.3.1 Этапы формирования корейского самосознания

Агрессивная политика отдельных стран по отношению к Корее, реальная угроза ассимиляции Кореи Японией стали мощным толчком в развитии этнического самосознания в конце XIX – начале XX вв. «Корейский национализм» формируется в результате сопротивления внешней агрессии в период становления государства Нового времени¹⁵³. Однако, нельзя сказать, что единое национальное самосознание внезапно складывается в этот период. Логичным представляется тезис о том, что его формирование шло длительное время и охватывало историю существования государственности на Корейском полуострове, а корейский этнос и этническое самосознание в своем развитии проходили несколько этапов.

¹⁵¹ Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М., 1982. С. 96.

¹⁵² Там же. С. 118.

¹⁵³ Ким Тхэхи. Кындэ иджон сиги 'тонин' ыйсик-ый куджо-ва пёнчхон (Структура «тонин ыйсик» до Нового времени и его изменение) // Минджокхак ёнгу. 2009. Вып. 8. С. 120.

В работах южнокорейских авторов рассмотрению этих вопросов отведено особое место. При рассмотрении концепций, представленных корейскими исследователями, возникает вопрос о понимании ими содержания категории «нация». В некоторых случаях «нация» может соответствовать термину «этническая общность», в других – «нация-государство».

Так, на основе анализа понятия «нация» («народ»), представленного в работе Син Ёнха, можно сделать вывод, что под ним понимается «этническая общность». Формирование «корейской нации» Син Ёнха рассматривает как длительный процесс, в котором выделяет три этапа.

Обозначим кратко время и основания, которые отмечает исследователь при характеристике этих этапов. Складывание протокорейской нации (*вонминджок*) он связывает с объединением племен *хан*, *мэк* и *е* в период с 3–2,4 тыс. лет до н.э. по II в. до н.э. Для этого объединения были характерны политическая общность в рамках государства Древний Чосон, языковая общность, общая культура (одежда, пища, жилище) и общая вера.

Формирование нации, предшествовавшей новому времени (*чонгындэ минджок*), прошло несколько этапов. Так в период Махан, Чинхан, Пёнхан, Когурё, Пэкче, Силла, Кара, Тхамна и др. (II–I вв. до н.э.) наследуются традиции «протокорейской нации» Древнего Чосона и закладываются основы новой формы нации. Следующий этап – это 669 г., когда происходит объединение земель Когурё и Пэкче под властью Силла, а окончательное завершение этого процесса приходится на 918 г. уже под властью Корё¹⁵⁴. Для этой формы нации также были характерны своего рода общность политическая, языковая, общность культуры и веры и т.д. Однако необходимо отметить, что содержание этих общностей по сравнению с предыдущим периодом изменилось.

В конце же XIX в. произошел переход к «нации Нового времени» (*кындэ минджок*).

¹⁵⁴ Син Ёнха. Хангук «вонминджок» хёнсон-гва «чонгындэминджок» хёнсон (Становление корейской «протонации» и «нации, предшествовавшей Новому времени») // Сахве-ва ёкса. 2010. Вып. 88. С. 180.

Ким Тхэхи же обоснованно пишет о невозможности использовать понятия «нация» применительно к периоду, предшествовавшему Новому времени. Хотя отрицать наличие существовавшего в сознании населения Корейского полуострова представления «свой – чужой», по его мнению, все же нельзя. Для обозначения «предыстории корейского национализма», т.е. периода охватывающего последние годы существования государства Корё и период существования государства Чосон, он использует термин «тонин ыйсик» (동인의식, 東人意識). Выбор этого термина для обозначения корейского сознания того периода Ким Тхэхи объясняет тем, что для того времени характерно использование слова «тонин» в значении современных терминов: «ханминдэжок» – корейская нация (한민족), «хангугин» – кореец (한국인).

В отличие от Син Ёнха Ким Тхэхи отрицает существование более ранней формы единого «корейского самосознания», которое предшествовало бы «тонин ыйсик», указывая на то, что последнее занимает свое место после монгольских завоевательных походов и исчезновения представления о «разделенной исторической преемственности «Трех государств»¹⁵⁵.

Одной из форм выражения самосознания может быть летописание. Именно его Ким Гибон определяет в качестве основания для выделения различных этапов корейской идентичности. Он указывает на непосредственную связь между «корейской идентичностью» и корейской историей. При этом первая выступает как составная часть второй.

С точки зрения Ким Гибона, ошибочно утверждать, что корейцы как «народ» существовали с периода «Трех государств». Представление о единых корнях Когурё, Пэкче и Силла формируется, по его мнению, только после их объединения под властью Силла. В это время появляется представление о *ильтхон самхан* – «единстве трех хан» (일통삼한), что стало «отправным пунктом» в формировании корейской истории во главе с Силла. Кроме того, он отмечает, что

¹⁵⁵ Ким Тхэхи. Указ.соч. С. 124.

такая категория как «период Трех государств» (삼국시대 *самгук сидэ*) также была создана с целью закрепления исторической идентичности Корё¹⁵⁶.

Чон Ёнхун выделяет этапы в развитии корейской нации основываясь на этапах развития национально-объединительного движения¹⁵⁷.

Рассмотрев точки зрения южнокорейских исследователей относительно формирования корейского этноса и этнического самосознания, можно убедиться в том, что несмотря на различные основания для выделения этапов этого процесса, многие указывают на такие важные периоды в корейской истории как формирование Объединенного Силла, становление династии Корё и Ли, что еще раз подтверждает тезис о параллельности и взаимовлиянии процессов этногенеза и политогенеза. Исследователи сходятся во мнении, что для конца XIX в. характерен переход к особой форме этнической общности и характерного для него самосознания. При этом не опровергается и утверждение о том, что до этого времени, по крайней мере, с конца периода Корё и начала Чосон (XIV в.) (а в работах некоторых исследователей и намного раньше), население Корейского полуострова представляло собой единую этническую общность с соответствующим ей самосознанием.

В отечественном корееведении также утвердилась точка зрения, согласно которой завершение процесса формирования корейского этноса соотносится с XII – XIV вв. Ему предшествовали этносы раннефеодальной эпохи с соответствующим им этническим самосознанием. Не отрицается факт наличия для более раннего периода существования корейского этноса самосознания более высокого таксономического уровня, который и предопределил последующее объединение¹⁵⁸. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что особенности феодальной эпохи непременно сказывались и на этническом самосознании,

¹⁵⁶ Ким Гибон. Ёкса-ый коуль-е пичхво пон хангугин чончхесон (Идентичность корейцев в зеркале истории) // Хангук сахак сахакбо. 2010. Вып. 21. С. 154–155.

¹⁵⁷ Чон Ёнхун. Минджок тхониль ундон-гва тангунминджокчуй (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2004. Вып. 11. С. 271–301.

¹⁵⁸ Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху: автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 1986. 33 с.

которое зачастую оттеснялось на периферию, т.к. для того времени более важными были отношения родовые, региональные и т.д.

В связи с рассмотрением этапов формирования корейского самосознания, возникает вопрос о роли в нем представления об общем происхождении, которое коррелируется с культом предка, и частным его выражением - представлением о Тангуне как прародителе корейского народа.

1.3.2 Трансформация представлений о Тангуне

В понимании мифа о Тангуне и отношении к нему выделяют несколько этапов. Так, С. О. Курбанов, характеризуя восприятие Древнего Чосона, соотносит его с основными этапами корейской истории. Правители «Трех государств» не считали себе преемниками Тангуна, в период Объединенного Силла (VII – X вв.) кардинальных изменений в восприятии Чосона не произошло, во времена династии Корё (X–XIV вв.) также не устанавливается связь Древнего Чосона и дальнейшей истории Кореи. Однако осознание этнического единства, которое начало формироваться еще в период Объединенного Силла, укореняется. Кардинальные изменения в отношении к Тангуну С. О. Курбанов относит к XIII в. (период монгольского нашествия и установления в Китае монгольской династии Юань). Еще один всплеск интереса к Тангуну он связывает с XVII в., временем установления маньчжурской династии Цин¹⁵⁹.

М. Н. Пострелова отдельно рассматривает представления о Тангуне в XIII – XIX вв. (отмечая всплески интереса к нему в XV, XVII, XIX вв.), в период японской оккупации, в Северной Кореи. В восприятии Тангуна в Южной Кореи выделяет периоды: годы Первой республики (1948 – 1960), 1980-е годы и современность¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 33–34.

¹⁶⁰ Пострелова М. Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. СПб., 2001. С. 137–158.

Южнокорейский исследователь Со Ёндэ рассматривал только времена правления династий Корё и Ли, в них он указывал на несколько периодов и некоторые особенности восприятия Тангуна. В рамках первого (до XIII в.) Тангун рассматривался как объект веры в народной религии. В XIII в., столкнувшись с монгольскими завоеваниями, к Тангуну обратились как к исторической основе, которая могла бы выступить в качестве силы для консолидации общества и государства Корё. В начале династии Ли представление о Тангуне претерпевает ряд изменений. Для того, чтобы рассказ о Тангуне каким-либо образом рационализировать, актуализируется сюжет, в котором Тангун самостоятельно спускается с небес и основывает Древний Чосон. После XVI в. можно наблюдать, что более важную роль в становлении корейской государственности стал занимать Киджа. Это связано с установлением политики *садэджуый* («преклонением перед Китаем»). Но, несмотря на это, Тангун остается в сознании большинства людей, о чем свидетельствует возведение статуи Тангуна корейскими гончарами, оказавшимися в Японии (конец XVI в.). Со второй половины XVII в. интерес к Тангуну снова возрастает, и связано это как с внутренними причинами, так и внешними (после Имджинской войны и маньчжурских военных походов в Корею). Отмечается, что в тот период Тангун стал не только «отправной точкой» истории, но и основой корейской культуры. В последний период династии Чосон прослеживается движение по поиску основ шаманства в вере в Тангуна, и он воспринимается как объект поклонения в народной религии¹⁶¹.

Однако, безусловно, выделение этих этапов не так однозначно, так же как и определение роли Тангуна в каждом из них.

Считается, что миф о Тангуне имеет длительную устную традицию. Син Ёнха, выделяя в истории формирования корейской нации этап «протокорейской нации», отмечает, что в то время была «общность веры». Племя *хан* поклонялось солнцу, в племенах *мэк* и *е* тотемами были соответственно медведь и тигр. После образования Древнего Чосона эти верования сохранились, а также появилось

¹⁶¹ Со Ёндэ. Чонтхонсидэ-ый тангун инсик (Представление о Тангуне в традиционном обществе) // Тангун-гва Ко Чосонса. Сеул, 2000. С. 181–182.

общее «поклонение Тангуну». Син Ёнха ссылается на Пак Ынсика, который в качестве религии Древнего Чосона выделяет *самсингё* (삼신교, 三神敎), т.е. веру в Хванина, Хвануна и Тангуна, и *сингё* (신교 神敎), т.е. веру в Тангуна. Таким образом, общим для этого этапа является поклонение Тангуну, который в разных диалектах назывался как *Тангун* (단군), *Тангуль* (단굴), *Тангу* (단구)¹⁶². Кроме того, на основе представлений о Тангуне сформировалось представление *чхонсон* (천손 天孫), т.е. представление корейцев о себе как «потомках Неба».

На следующем этапе развития «корейского самосознание» происходят заметные изменения в «общности верований». К этому времени проникает буддизм и конфуцианство, а вера в Тангуна, характерная для «корейской протонации», сохраняется преимущественно в народе. И если в «протокорейской нации» господствовавшей были вера *самсингё* и вера в Тангуна, то в «нации, предшествовавшей Новому времени» наметился, по словам Син Ёнха, «религиозный плюрализм», выражением которого был синтез буддизма, конфуцианства, веры в Тангуна¹⁶³.

Предание о Тангуне дошло до нас в записи 1285 г. в «*Самгук юса*» («Дела, опущенные в “Исторических записях трех государств”»), произведении, составленном буддийским наставником Ирёном. В 1287 г. Ли Сынхю составил «*Чеван унги*» («Рифмованные записи об императорах и государях»), в этом письменном памятнике также содержится упоминание о Тангуне. Несмотря на то, что записи мифа о Тангуне в «*Самгук юса*» и в «*Чеван унги*» были созданы почти одновременно, в них имеется ряд отличий. Части мифа, в которых рассказывается о том, как Хванун спустился с небес на землю и о том, как Тангун стал горным духом, совпадают. Однако части, в которых действия разворачиваются на земле, разнятся. В «*Чеван унги*» нет упоминаний о медведе, который потом стал женщиной. Здесь матерью основателя выступает внучка Тануна, а отцом – дух дерева Тан. Таким образом, иначе представляется связь Тангуна с Небесным божеством: если в «*Самгук юса*» она проходила по линии отца, то в «*Чеван унги*»

¹⁶² Син Ёнха. Указ. соч. С. 159.

¹⁶³ Там же. С. 186.

– по линии матери.

Именно в XIII в. «существовавшее в качестве народной веры представление о Тангуне приобретает политический смысл, теперь официально признается в качестве государственно предка»¹⁶⁴. По мнению некоторых ученых, среди которых и Ким Тхэхи, формирование корейского этнического самосознания перед Новым временем и «воспоминание» мифа о Тангуне связано именно с военными походами монголов и воцарением в Китае монгольской династии Юань.

С такой точкой зрения соглашается А. Ф. Троцевич. Она считает, что и Ирён, и Ли Сынхю при написании своих произведений придерживались политической идеи: посредством предания о Тангуне показать древние корни корейской цивилизации, а значит внушить народу чувство собственной значимости в условиях иностранного порабощения. В обоих произведениях была особо отмечена оппозиция «цивилизация-варварство»¹⁶⁵.

Однако, Ли Икчу, анализируя историческую ситуацию того времени, когда был записан миф, приходит к выводу, что к тому моменту не сложилось отрицательного отношения к монгольской династии, а следовательно, оно не могло стать той причиной, которая бы побудила записать миф о Тангуне. Ситуацию, в которой происходит запись мифа, он описывает следующим образом: «Корё в результате длительных войн вышла из опасности оказаться быть включенной в монгольские земли, и, сохраняя королевскую династию, ей удалось установить отношения «преклонение перед великой державой» с монгольской династией. В это же время, после 100 лет военной диктатуры была восстановлена королевская власть. Дальнейшей целью было сохранить существование королевской династии в условиях отношений «сюзерен-вассал», уменьшить вмешательство династии Юань. И одним из способов было подчеркивание отличной от Китая «точки отсчета» истории»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Ким Тхэхи. Указ. соч. С. 126.

¹⁶⁵ Троцевич А. Ф. Несколько слов о «Самгук юса» - историческом труде буддийского наставника Ирёна // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып.5-6. СПб., 2003. С. 159–160.

¹⁶⁶ Ли Икчу. Корёхуги тангунсинхва киро-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, в которой был записан мифа о Тангуне в последней период династии Корё) // Мунмёнёнджи. Вып. 4. № 2. 2003. С. 57.

В любом случае, в то время представление о Тангуне прекращает свое существование в качестве простого местного верования и начинает приобретать свой политический смысл, а фактически становится одной из основ самосознания населения Корейского полуострова того периода¹⁶⁷.

С другой стороны, нельзя забывать еще об одном герое, о Киджа, который в период династии Ли (XIV – XX вв.) занимал важное место. И в «*Самгук юса*», и в «*Чеван унги*» есть упоминания о Киджа. В «*Самгук юса*» сказано, что после того как чжоуский Ху-ван пожаловал Киджа земли в стране Чосон, Тангун переселился в Чандангён. В «*Чеван унги*» же говорится, что после того как Тангун уединился в Асадаль и стал горным духом, и до тех пор пока не пришел Киджа, в течение 164 лет не было отношений «государя и подданных».

Кроме вышеуказанных произведений повествование о Киджа вошло и в «*Самгук саги*» («Исторические записи трех государств», 1145 г.), где не упоминается о Тангуне. В отечественной литературе при характеристике самосознания корейцев представления о Киджа не рассматривались. На его важную роль в самосознании корейцев указывают китайский автор Сун Вэйго и корейский исследователь Ким Тхэхи. Сун Вэйго пишет, что почитание Киджа существовало еще в период «Трех государств». В Когурё Киджа почитали как божество. В период династии Корё его рассматривали как историческую личность¹⁶⁸.

В 1392 г. правителем новой династии был провозглашен Ли Сонге. В 1393 г. Корея получила новое название Чосон. Достаточно сложным представляется вопрос о том, какая из ассоциаций была более важна в ранний период династии Ли: связь Чосона с Тангуном или с Киджа.

Единого мнения о том, как проходил выбор названия страны, по каким причинам был определен именно вариант Чосон, среди исследователей нет. Так, С. О. Курбанов, с одной стороны, отмечает, что такое же название имело самое

¹⁶⁷ Носкова Н. Г. Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 125.

¹⁶⁸ Sun Weiguo. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson // Chinese Studies in History, Vol. 44, No. 4, Summer 2011. P. 20–46.

древнее государство, основанное Тангуном, а также то, что такое название приближало по длительности историю Кореи к истории Китая. С другой стороны, говоря о самом процессе выбора, он подчеркивает, что сохранялись традиционные вассальные отношения с Китаем, поэтому Ли Сонге должен был утвердить такое название страны, которое при дворе китайского императора не вызывало возражений. Китайский император Тай-цзу предложил на выбор два возможных названия страны, Ли Сонге выбрал *Чосон*¹⁶⁹.

Несколько иную трактовку этих событий можно найти в работе Сун Вэйго. Он пишет, что после того, как Ли Сонге пришел к власти, к минскому двору был отправлен специальный посланник с просьбой пожаловать название страны: *Хванён* (место происхождения семьи Ли Сонге) или *Чосон* (название первого корейского государственного образования). На что Тай-цзу заметил: «среди всех династий Восточных варваров только династия *Чосон* может быть достойной похвалы. Кроме того, он (Киджа) пришел издалека, государство может быть основано под его именем». Это был единственный пример в истории Корейского полуострова, когда к китайскому императору обратились с просьбой даровать название страны¹⁷⁰. Такой же точки зрения придерживаются и южнокорейские исследователи Ким Самун и Ли Ванбом. Ким Самун пишет, что Ли Сонге отправил к минскому императору два названия страны и попросил выбрать. В итоге, учитывая легенду о том, что Киджа – выходец из государства Шан-Инь, стал ваном *Чосона*, для нового государства также был выбран *Чосон*. Таким образом, *Чосон* династии Ли официально как бы находился в подчиненном положении по отношению к династии Мин, но при этом прямого политического вмешательства с ее стороны не предполагал¹⁷¹.

Чон Доджон описал в «*Чосон кёнгукчон*» (조선경국전 «Законы для управления государством Чосон», 1394 г.) причины, почему должно использоваться именно *Чосон* в качестве названия страны: Силла, Пэкче, Когурё

¹⁶⁹ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 197.

¹⁷⁰ Sun Weiguo. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson // Chinese Studies in History, Vol. 44, No. 4, Summer 2011. P. 22.

¹⁷¹ Ким Самун. Кукхо-ро понын пунёль-гва тхонхап-е хангукса (Разделение и объединение в истории Кореи сквозь призму названий государств) // Инмуль-гва сасан, 2007. Вып. 115. С. 210–211.

были сильными только в своем ограниченном регионе государствами, а также они были независимыми, т.е. находились вне установившихся отношений с Китаем. Поэтому, учитывая, что именно *Чосон* имел глубокие исторические корни (отсылка к Чосону Тангуна, Киджа и Вимана), а также тот факт, что было получено разрешение от минского Китая, это название являлось самым подходящим¹⁷².

Однако, как отмечает Ли Ванбом, *Чосон* в том значении, в котором он был отправлен корейцами в качестве возможного варианта, отличался от того *Чосона*, который был принят китайской стороной. Так, в документах, отправленных к минскому двору, было записано, что тем самым *Чосон* будет наследовать «*Чосон Тангуна*» и «*Чосон Киджа*». В Китае, в отличие от Кореи, не признавался «*Чосон Тангуна*», там акцентировали внимание именно на «*Чосон Киджа*» и поэтому выбрали просто *Чосон*. Тем самым в названии отражалось зависимое от династии Мин положение нового корейского государства. Однако, с точки зрения Кореи, это могло рассматриваться и в качестве определенного успешного дипломатического хода¹⁷³.

С другой стороны, в период династии Ли вера в Киджа достигает своего пика. Чосон Киджа стал важным «знаменем» для правительства династии Ли, а почитание Киджа было важной частью правительственных дел и ритуалов государства Чосон. Причина этого в том, что люди государства Чосон видели в Киджа Чосон важное звено в отношениях между Чосон и династии Мин. Это было гарантом в достижении статуса «маленького Китая» в сфере китайского влияния»¹⁷⁴. В пользу версии о том, что представление о Тангуне было второстепенным по значимости, свидетельствует и тот факт, что в Пхеньяне до начала XV в. не было отдельного храма, посвященного Тангуну. Был храм Киджа, в котором отводилось место для таблички Тангуна. Специальные ритуалы для Киджа проходили дважды в месяц, а для Тангуна только дважды в год. И даже

¹⁷² Ли Ванбом. Кукхо «Тэхан мингук»-ый мёнмён (Название страны «Тэхан мингук») // Хванхэ мунхва, 2008. Вып. 60. С. 50.

¹⁷³ Ли Ванбом. Указ. соч. С. 51.

¹⁷⁴ Sun Weiguo. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson // Chinese Studies in History, Vol. 44, No. 4, Summer 2011. P. 22–37.

когда храм Тангуна был построен, в нем отводилось место и Тонмёну, основателю Когурё. Кроме того, Сун Вэйго приводит еще целый ряд доказательств, среди которых многочисленные исторические памятники, связанные с именем Киджа. В них Тангун, в отличие от Киджа, не называли предком Чосона. Отмечая критическое отношение к существованию Тангуна, высказываемое конфуцианскими учеными и т.д., Сун Вэйго приходит к выводу о том, что люди периода Чосон поклонялись Киджа, и в этом выражалась связь Чосона с китайской культурой. По его мнению, вплоть до XIX в. люди верили, что миф о Тангуне абсурден.

Можно констатировать, что с XIV в. по XIX в. существуют противоположные точки зрения относительно представлений о Тангуне и Киджа. Трактовка событий не однозначна и требует более подробного рассмотрения этой проблемы в контексте отношений «сюзерен-вассал» между Китаем и Кореей. Это еще раз указывает на сложный характер формирования единого этнического самосознания корейцев, наличия различных компонентов в нем. Можно согласиться с мнением Сун Вэйго о том, что на протяжении всей истории Кореи эти два представления об истоках своего прошлого «сталкивались» в корейской традиции не один раз.

Рассматривать изменения представлений о Тангуне и Киджа в контексте отношений между Китаем и Кореей представляется очень плодотворным. Такая позиция дает ответ на вопрос, почему в конце XIX – начале XX вв. все-таки представления о Тангуне заняли ключевое место в самосознании корейцев. В конце XIX в. в системе международных отношений в дальневосточном регионе, где политическим центром всегда выступал Китай, произошли изменения: традиционные отношения «сюзерен – вассал» между Китаем и Кореей были упразднены в результате японо-китайской войны¹⁷⁵. Можно предположить, что именно с этим были связаны изменения в представлениях о Тангуне и Киджа. С одной стороны, «отход» от отношений с Китаем в рамках «сюзерен – вассал» позволил отказаться от представления о Киджа, с другой стороны, на это

¹⁷⁵ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 3–4.

оказывало влияние политика, проводимая японцами. В результате «всплыл» образ его «антогониста» Тангуна.

2 Особенности функционирования мифологических идей в период японского протектората и оккупации (1905 – 1945 гг.)

2.1 Социально-политическая ситуация в Корее в период японского протектората и оккупации (1905 – 1945 гг.)

Исход русско-японской войны (1904 – 1905 гг.) разрешил противостояние России и Японии на Дальнем Востоке. Согласно договору, заключенному 5 сентября 1905 г. в Портсмуте, Россия признавала за Японией преобладание в Корее, а также должна была вывести войска из Маньчжурии и передать южную часть острова Сахалин¹⁷⁶.

Формальное укрепление позиций Японии на Корейском полуострове проходило постепенно, оно началось еще во второй половине XIX в., что позволило в феврале 1904 г. подписать соглашение, которое значительно ограничивало суверенитет Кореи. В этом соглашении также присутствовала статья, согласно которой Япония обязывалась защищать императорский дом Кореи в случае «опасности нападения со стороны третьей державы или опасности гражданской войны». Т.е. фактически закреплялось «право Японии подавлять национально-освободительное движение»¹⁷⁷. Следующим шагом на пути к ограничению суверенитета Кореи стала подписанная «Конвенция о советниках».

После окончания русско-японской войны, когда вопрос относительно Кореи с Россией был решен, еще одной страной, которая могла бы помешать реализации планов Японии на Корейском полуострове, были США. Однако еще в июле 1905 г. японский премьер Кацура и секретарь по военным делам при администрации президента США Вильям Тафт заключили тайное соглашение, в котором США признавали японские интересы в Корее, а Япония – американский контроль над Филиппинами¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Курбанов С.О. Указ. соч. С. 348.

¹⁷⁷ История Кореи. Т. 1. М., 1974. С. 386.

¹⁷⁸ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 349.

Таким образом, стало возможным подписание 17 ноября 1905 г. корейско-японского договора («Договор о покровительстве»), который юридически оформил над Кореей японский протекторат. Заключенный 24 июля 1907 г. «Корейско-японский новый договор о сотрудничестве» («Договор из семи статей») еще больше расширил права японского генерального резидента. В июле 1909 г. было подписано соглашение о передачи функций корейских судов японским, в июне 1910 г. – вместо полицейского департамента и провинциальных управлений было создан японский полицейский аппарат. Шла активная подготовка к подписанию договора, окончательно фиксировавшего бы зависимое положение Кореи. Подготовка включала, в том числе, и создание соответствующего благоприятного общественного мнения – представления о том, что корейский народ сам стремится к слиянию с Японией. 22 августа 1910 г. был подписан «Корейско-японский договор о соединении», согласно которому вся власть над территорией Кореи передавалась японскому генерал-губернатору.

Во всех влиятельных японских газетах и журналах вышли статьи, оправдывавшие аннексию Кореи. Для этого выдвигалось несколько тезисов. Первый, аннексия – это возвращение к прежним отношениям между Японией и Кореей. Второй – это является естественным следствием того, что Япония и Корея имеют одни корни. Третий – аннексия положительно скажется на будущем Кореи и корейцев. Четвертый – аннексия была неизбежна, так как корейское правительство является некомпетентным и коррупционным, и оно неспособно сохранить Корею как независимое государство¹⁷⁹.

Еще в период протектората Япония начала проводить пропаганду идей «единства корней» японского и корейского народов. Корейский язык и культура были объявлены «ветвью» японского языка и культуры¹⁸⁰. Однако сама эта теория появилась еще в 90-ые гг. XIX в. Первыми, кто ее сформулировали, были Хосино Хисаси (1839-1917) и Кумэ Кунитакэ (1839-1931). В колониальный период эту идею в своих работах развивал Кита Садакичи (1871-1939).

¹⁷⁹ Kang Etsuko H. Kita Sadakichi (1871-1939) on Korea: a Japanese Ethno-Historian and the Annexation of Korea in 1910 // Asian Studies Review, 21:1. P. 50–51.

¹⁸⁰ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 353.

Вскоре после подписания договора 1910 г. Корея была вновь переименована в *Чосон*. В «Очерке о Корее», составленном Н. В. Кюнером, о причинах такого изменения сказано, что с *Чосон* «не могло связываться никакого представления о величии или независимости страны, так как под именем *Чосон* Корея с XIV по XIX стол. являлась преданным вассалом Китая и легкой жертвою честолюбивых стремлений Японии»¹⁸¹.

Из всех печатных изданий было изъято слово *тэхан*, что можно трактовать как часть работы по уничтожению духа и самосознания корейской народа. С. О. Курбанов также отмечает, что возвращение к названию *Чосон* в период японской аннексии было связано с тем, что именно этим названием связывалось подчиненное положение Кореи по отношению к внешнему миру¹⁸². С другой стороны, важно понять, каким образом это возвращение к прошлому названию было воспринято корейцами. Однако, нет и свидетельств об их отрицательном отношении к *Чосон*.

Несмотря на то, что японским генерал-губернатором было объявлено о смене названия государства, на самом деле речь шла только о названии колонии. Запрет на использовании японцами *хан* повлек за собой то, что это слово стало символизировать антияпонский дух. Как отмечал в своем исследовании Ли Ванбом, часто можно было наблюдать такую ситуацию, когда в названиях различных организаций, появившихся на территории Кореи, использовалось *Чосон*, но за ее пределами - *Тэхан*¹⁸³. Кроме того, чуть позднее начинает прослеживаться еще одна тенденция в использовании *чосон* и *хан*: так, правые силы в корейском обществе предпочитали называть Корею *Тэхан*, левые – *Чосон*.

Не останавливаясь подробно на политике, проводимой японской стороной в Корее, т.к. это рассмотрено как в отечественной, так и зарубежной литературе, и не является целью данного исследования, кратко лишь отметим, что суть ее сводилась к усилению экономической и политической экспансии, ассимиляции корейцев, их насильственной японизации. Но именно такие условия определили

¹⁸¹ Кюнер Н. В. Указ. соч. С. 10.

¹⁸² Курбанов С. О. Указ. соч. С. 354.

¹⁸³ Ли Ванбом. Указ. соч. С. 61.

ответную реакцию части корейского общества, направленную на удержание собственной непохожести через обращение к идеям, связанным с таким героем как Тангун.

Политика, проводимая Японией в первое десятилетие после аннексии, именовалась как *мудан тхончхи* («политика, ограниченная военными мерами»). Слова первого генерал-губернатора Тэраути Масатакэ ярко свидетельствуют о том положении, в котором оказался корейский народ: «Корейцы должны выбрать, или они подчиняются нашим законам, или готовятся к смерти»¹⁸⁴. Политика была направлена на уничтожение корейской идентичности, что нашло свое выражение, например, в обнародованном в 1911 г. Указе об образовании. В нем целью образования было обозначено воспитание корейцев, как верноподданных японскому императору, выработка у них «японских качеств», распространение «родного» японского языка, разрешалось развитие образование, но с акцентом на практическую составляющую. В новых образовательных программах такие дисциплины, как «история Кореи» и «география Кореи» были заменены соответственно на историю и географию Японии, 3/5 часов занятий отводилось на преподавание японского языка¹⁸⁵.

Несмотря на то, то политика, проводимая Японией в Корее, на разных этапах облекалась в разные формы, в действительности, ее идеологическая направленность оставалась неизменной. Она сводилась к подавлению национальной культуры корейского народа, искоренению его самобытности, попыткам заставить его забыть свой язык, историю, потерять культурную идентичность¹⁸⁶. Такая политика Японии, безусловно, может быть оценена как отрицательная. Однако, с другой стороны, она стала тем импульсом, который позволил корейцам осознать важность своей национальной самобытности и культуры, она привела к осознанию важности борьбы за свою независимость и сформировала новый тип самосознания - общенациональное самосознание.

¹⁸⁴ Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 2003. С. 111.

¹⁸⁵ Там же. С. 111–112.

¹⁸⁶ Толстокулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток, 2004. С. 53.

Безусловно, политика, проводимая японцами, постоянно встречала сопротивление со стороны корейского народа. На разных этапах корейское национально-освободительное движение выражалось по-разному – в зависимости от конкретных исторических условий та или иная его составляющая могла выходить на первый план. В этой связи выделяются два основных направления сопротивления: это вооруженная борьба и просветительская деятельность, которая реализовывалась через деятельность политических организаций и культурно-просветительских обществ.

Г. Д. Тягай, исследуя формирование идеологии национально-освободительного движения, подчеркивала длительность этого процесса. Его основа была заложена еще представителями идейного течения *сирхак* в XVII – XIX вв. Во второй половине XIX в. на его развитие оказало влияние активное проникновение иностранных держав в Корею, в контексте которого проходило и знакомство корейцев с различными учениями просветителей других стран. Этапами в формировании идеологии национально-освободительного движения стали *кэхва ундон*, *Тоннип хёнхве*, *кемон ундон*, которые характеризовали переход от «феодалного национализма» к «буржуазному». Кроме того, с середины XIX в. возникает и постепенно набирает силу вооруженная борьба с иностранными захватчиками¹⁸⁷.

В первом десятилетии XX в. отряды «Ыйбён» («Армия справедливости») заняли важное место в вооруженной антияпонской борьбе корейского народа. В это же время расширяется просветительское движение. На 1910 – 1917 гг. приходится некоторый спад сопротивления корейского народа японской агрессии. Многие партизанские отряды отошли в Маньчжурию и в пограничные районы русского Приморья и Приамурского края. Однако уже в 1918 г. с новой силой усиливается партизанское движение, проходили забастовки рабочих в Корее, а за ее пределами активно действовала корейская эмиграция. Массовое движение нарастало, и буржуазно-националистические деятели Кореи попытались взять

¹⁸⁷ Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983. С. 227–228.

инициативу в свои руки. Текст «Декларации независимости» составил Чхве Намсон. Начались многотысячные демонстрации, в которых участвовали широкие слои населения. Как отмечают исследователи, несмотря на то, что движение развивалось на основе петиционных принципов «буржуазных националистов», ход восстания определяли широкие народные массы¹⁸⁸. Хотя движение было подавлено, его историческое значение велико. За счет участия широких масс населения, база национально-освободительного движения была расширена. Народ показал свое желание независимости и перемен¹⁸⁹.

После поражения Первомартовского движения 20 августа 1919 г. был издан Указ об изменении системы административного управления, и провозглашалось окончание военного управления Кореей и утверждалось начало проведения так называемого «культурного управления» (*мунхва чончхи*) колонией. Среди произошедших изменений можно отметить тот факт, что частично была разрешена свобода печати и собраний, что, в свою очередь, позволило публиковать такие корейские газеты как «Тона ильбо» и «Чосон ильбо», организовывать общественные организации. Однако Син Чхэхо, подчеркивая, что возможность их функционирования была только при условии разрешения японскими колониальными властями, говорил, что «такое культурное развитие скорее является корейским несчастьем»¹⁹⁰.

Уже в 1930-ые гг. политика была ужесточена: «наряду с политикой превращения Кореи в военный плацдарм Япония проводила политику уничтожения национальной самобытности»¹⁹¹. В государственных учреждениях запрещалось использование корейского языка. С 1939 г. проводилась кампания по замене корейских фамилий японскими, несмотря на то, что часть корейцев противилась этому, т.к. в этом случае возникала проблема невозможности совершать ежегодные церемонии жертвоприношений духам предков¹⁹². Обострение этого вопроса в корейском обществе еще раз свидетельствует о

¹⁸⁸ История Кореи. Т. 2. М., 1974. С. 44.

¹⁸⁹ Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 2003. С. 136.

¹⁹⁰ Там же. С. 142.

¹⁹¹ Хан Ёнъю. Указ. соч. С. 495.

¹⁹² Курбанов С. О. Указ. соч. С. 407.

сохранявшейся роли культа предков в корейской культуре. В это же время началось активное внедрение синто японцами.

Важно отметить, что в ходе Первомартовского движения в Шанхае было сформировано Временное правительство, а в его Конституции Корея именовалась как *Тэхан мингук* (Республика Корея).

Ли Ванбом в своем исследовании достаточно подробно останавливается на процессе выбора именно этого названия. Он писал, что первым, кто предложил название *Тэхан мингук*, был Син Согу. Однако против выступил Ё Унхён. Свое несогласие он аргументировал тем, что название *Тэхан* использовалось недолго в конце династии Ли, и поскольку та страна пала, то нет необходимости ее возрождать. Тогда Син Согу сказал: «Погибла как *Тэхан*, значит и расцветет как *Тэхан*»¹⁹³.

С 1920-х гг. движение за независимость Кореи, в основном, разворачивалось за границей и связано с деятельностью Временного правительства в Шанхае и действиями партизанских отрядов в Маньчжурии. Внутри страны движение за независимость реализовывалось через печать ежедневных корейских газет, попытки возрождения национального образования, деятельность религиозных организаций, подпольных патриотических организаций и выступления студентов и школьников. В последующие годы движение также продолжало развиваться за пределами Кореи. В самой Корее, с одной стороны, из-за давления со стороны японских властей антияпонское движение несколько ослабело, однако с другой, усилилась тенденция защиты национальной культуры.

В связи с этим возникает вопрос о том, какое место занимали представления о Тангуне в корейском обществе того времени, и в частности в борьбе корейского народа за свою независимость в первой половине XX в.

¹⁹³ Ли Ванбом. Указ. соч. С. 63.

2.2 Переосмысление корейцами своего культурного наследия в период японского протектората и оккупации (1905 – 1945 гг.)

Кризис в социально-политическом и экономическом положении Кореи, ее изменившееся внешнеполитическое положение оказались важными факторами, активизировавшими мифолого-религиозное наследие корейцев и обусловившими формирование нового типа самосознания, в котором это наследие заняло ключевое место. Однако актуализация мифолого-религиозного наследия не была бы возможной, с одной стороны, в случае если бы эти идеи не поддерживались на протяжении всей предыдущей корейской истории в народной среде, с другой стороны, если бы не усилия интеллектуальной элиты, которая способствовала «вспоминанию» и «выдвижению на первый план» идей о Тангуне. Со Ёндэ указывает на две взаимонаправленные тенденции «оживления» этого образа: каждый раз новое толкование представления о Тангуне было возможным под влиянием формирования национальных течений среди простого народа и активности «неконфуцианских» деятелей. Сформировавшееся же представление снова оказывало влияние на широкие массы и, таким образом, еще более укреплялось¹⁹⁴.

Основы того отношения к Тангуну, которое сложилось в первой половине XX в., были заложены в поздний период Чосон (XVII – XIX вв.) учеными-сирхакистами. Важно отметить, что сирхакские мыслители выступали не только за заимствования достижений европейской культуры, но также придавали большое значение изучению собственного национального наследия¹⁹⁵. Многие из них обращались к истории Кореи, к национальной культуре корейцев. В их сочинениях наблюдается постепенный отход от влияния Китая, а в «Пукхагый» Пак Чега (1750-1805) (представитель группы *пукхак* в сирхакском идейном течении) отчетливо звучит осуждение преклонения перед Китаем и уничтожения

¹⁹⁴ Со Ёндэ. Указ. соч. С. 182.

¹⁹⁵ Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983. С. 24–25.

национального достоинства¹⁹⁶, что очень перекликается с идеями, которые будут выдвинуты в конце XIX – начала XX вв.

Особо необходимо отметить таких мыслителей, как: Хо Мок (1595 – 1682), Хон Манджон (1643 – 1725), Ли Ик (1681 – 1763), Ан Джонбок (1721 – 1791), Ли Джонхви (1731 – 1797). В своих работах они пересматривали историю Кореи и не раз обращались к фигуре Тангуна, подчеркивая его историчность, при этом нереалистичные и мифологические моменты из описания извлекались, а Тангун представлялся как человек и правитель. Кроме того, они отошли от представления о Киджа как о культурном источнике корейской истории. В их работах именно Тангун становится символом корейской культуры¹⁹⁷.

Так, в «Тонса» («동사», «События Кореи»), написанной Хо Моком в 1667 г., показана новая точка зрения на историю Кореи. Хо Мок пишет о том, что история Корея столь же длительная, что и история Китая, а также то, что культура Кореи имеет такую же ценность, что и культура Китая¹⁹⁸. В «Событиях Кореи» есть отдельный раздел, посвященный периоду Чосон Тангуна («Тангун сега»). Хванун, отец Тангуна, назван *чхон ваном* («Небесный ван»), рода Синси. С правления этого рода началось правление, позволившее простому народу жить хорошо, т.е. с приходом Тангуна возможным стало появление крупного государственного образования. Кроме того, современным ученым Пак Кванъёном указывается на то, что в восприятии Тангуна Хо Моком очень сильна такая составляющая, как акцентирование укрепления национальной гордости корейцев. Такое восприятие Тангуна нашло отражение как во взглядах последующих ученых течения *сирхак*, так и у историков начала XX в., например, в работах Син Чхэхо¹⁹⁹.

Хон Манджон написал в 1705 г. «Тонгук ёктэ чхонмок» («동국역대총목», «Общий обзор истории Восточного государства»), в котором он определил Тангуна как основателя легитимного государства на Корейском полуострове,

¹⁹⁶ Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983. С. 34–35.

¹⁹⁷ Квон Сона. Хангук кёюкса сок-есоый тангунминчджокчуи (Национализм Тангуна в истории корейского образования) // Кочосон Тангунхак, 28. 2013. С. 6–7.

¹⁹⁸ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 250.

¹⁹⁹ Пак Кванъён. Тангунсинан-ый одже-ва оныль (Вера в Тангуна вчера и сегодня) // Хангукса симин канджва 27. 2000. № 8. С. 66.

преемниками которого были Чосон Киджа, Махан и Объединенное Силла. Период же «Трех государств» рассмотрен им как эпоха нелегитимных государств²⁰⁰. В сочинении Хон Манджона много фактов, которые не встречались в более ранних исторических источниках. Так, период до Тангуна характеризуется им как «варварские времена», когда люди жили как животные в гнездах и пещерах, одежду носили, которую делали из травы, а ели корни и плоды. Со времени же Тангуна «научились заплетать волосы и покрывать голову». Что касается культуры, то к этому времени, по его мнению, относится разделение отношений между правителем и подданными, мужчинами и женщинами, формирование стилей одежды и видов жилья. В этом произведении Тангун выступает в большей степени не как герой-основатель государства, а как культурный герой. Именно такое его восприятие оказало большое влияние на актуализацию веры в Тангуна в период японской оккупации²⁰¹, когда возникла угроза всему корейскому.

В XVIII в. взгляды Хо Мока и Хон Манджона развивали и систематизировали Ли Ик и Ан Джонбок. Ли Ик активно выступал за введение в программу обучения истории и географии Кореи.

Ан Джонбок, ученик Ли Ика, в «Тонса ганмок» («동사강목», «Основные моменты и пояснения к истории Кореи», 1778 г.) продолжал развивать взгляды сирхакистов на историю Кореи. Как отмечал С. О. Курбанов, он «окончательно установил линию преемственности истории Кореи от Древнего Чосона до династии Ли и описал историю Кореи как самостоятельного, полноправного и независимого от Китая государства»²⁰². Тангун же наделялся качествами героического предка, стоявшего у истоков самобытной корейской культуры. Содержание первых учебников по истории, изданных в конце XIX в., в основном соответствовало концепции «Тонса ганмок» Ан Джонбока.

Ли Джонхви признавал преемственность (легитимность) Тангуна и определял его как отправную точку в корейской национальной истории. Кроме

²⁰⁰ Хан Ёнъю. Указ. соч. С. 363.

²⁰¹ Пак Кванъён. Указ. соч. С. 68.

²⁰² Курбанов С. О. Указ. соч. С. 276.

того, он писал о традиционной религиозной культуре, признавал *сингё* («учение божества») в период Тангуна²⁰³.

Таким образом, в поздний период Чосон (XVII – XIX вв.) Тангуна уже воспринимали как культурного героя, стоявшего у истоков корейской культуры. В это время продолжались поиски подтверждения такой точки зрения. Тогда же был сформулирован принцип «легитимности Тангуна» (*тангун джонгхоннон, 단군정통론*) и была признана религия Тангуна (*тангун сингё, 단군 신교*).

В 80-х гг. XIX в. в Корее увеличилось количество миссионеров из разных стран. Среди миссионеров были люди, которые сыграли важную роль в модернизации Кореи. Они не только читали проповеди и переводили христианскую литературу на корейский язык, но и способствовали распространению образования. Для своих переводов они пользовались корейской национальной письменностью *хангылем*, открывали школы, в которых особая роль отводилась изучению истории. Таким образом, они закладывали основы европейского образования. Пробуждая своей деятельностью интерес корейцев к своей культуре, они актуализировали национальное самосознание корейцев и их осознание принадлежности к единой общности. Их деятельность невольно способствовала распространению среди корейцев идей борьбы за национальную независимость, а впоследствии созданию патриотических движений основанных на идеях Тангуна²⁰⁴. Кроме того, их деятельность способствовала формированию политического самосознания, что также не могло не оказать влияния на национальное самосознание. Просветительская деятельность миссионеров, с одной стороны, располагала к себе корейский народ, с другой стороны, обращение к христианству в противовес насаждаемому синто было своего рода протестом японскому засилью. Поэтому, как отмечает И. А. Толстокулаков, христианство в Корее стало составляющей патриотического движения²⁰⁵.

²⁰³ Пак Кванъён. Указ. соч. С. 69.

²⁰⁴ Квон Сона. Указ. соч. С. 10.

²⁰⁵ Толстокулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток, 2004. С. 50–51.

В первые годы после японской аннексии Кореи католические и протестантские миссионеры продолжали свою деятельность. Однако, в конце 1920 – начале 30-х гг. деятельность христианских миссий начинает сворачиваться. Но просветительская деятельность, распространение образования на протяжении всего колониального периода оставались важным фактором в развитии антияпонского движения корейцев.

Начиная с реформы образования в 1894 г. и до аннексии Кореи Японией, в стране распространялось образование (появлялись школы, университеты), а следовательно, был налажен выпуск учебников; среди предметов, которые преподавались, были история, география Кореи. Связь между расширением образования и антияпонским движением была очевидна, поэтому Япония не раз обращалась к политике, направленной против национальных школ (например, «Указ о частных школах», 1908 г.).

Современный корейский ученый Чо Хёнсоль изучал первые учебники по истории, выпущенные в Корее в то время. В семнадцати учебниках, которые были выбраны им для исследования, присутствовал параграф, озаглавленный «Период Тангуна» (단군기) либо «Чосон Тангуна» (단군조선기). Кроме того в учебнике по родному языку «Чходынсохак» (초등소학) в главе, посвященной древней истории Кореи, упоминается об истории Тангуна²⁰⁶. Однако описания Тангуна в разных учебниках не одинаковы. В одних учебниках рассказывается, что Тангун, будучи божеством, спустился с небес на гору Тхэбек под дерево тан, в других – Тангун, будучи человеком, родился на горе Тхэбек под деревом тан. Проанализировав учебники, в которых есть упоминания о Тангуне, Чо Хёнсоль разделил их на две группы - *синин кеёль* (신인 계열) и *ин кеёль* (인 계열), т.е. на те, в которых герой является божеством, и на те в которых он - человек. Первых учебников количественно было намного меньше, к тому же такая характеристика Тангуна была распространена до 1906 г. Описание же Тангуна как человека было довольно широко распространено после 1905 г. Чо Хёнсоль видит в этом безусловное

²⁰⁶ Чо Хёнсоль. Кындэ кемонги тангун синхва-ый тхальсинхвахва-ва чэсинхвахва (Демифологизация и ремифологизация мифа о Тангуне в период просветительского движения). Минджок мунхакса ёнгу 32, 2006. С. 13.

влияние просветительского движения, которое базировалось на двух основных идеях: независимость (независимость от Китая и Японии) и цивилизация (как важное условие для независимости)²⁰⁷.

Таким образом, 1905 – 1906 гг. становятся поворотными в понимании интерпретации Тангуна. В это время Тангун демифологизируется, и божественные элементы в его образе исчезают, он становится основателем Древнего Чосона, имеет вполне рациональный имидж, «снова рождается историческим персонажем»²⁰⁸.

Необходимо еще раз указать на взаимосвязь конкретной исторической ситуации и того значения, которое приписывалось Тангуну. Если до начала XX в. он выступал как символ древнего корейского государства, то уже в начале XX в. его образ тесно переплетается с патриотическим движением, движением за национальную независимость, т.е. Тангун становится героем, который может оказывать влияние и на сегодняшнюю ситуацию. Хон Сунэ отмечает, что на пороге Нового времени было сформировано новое самосознание, самосознание независимого государства, которое основывалось на осознании своей древней истории и культурной традиции, начиная с Тангуна и Киджа. Однако уже после 1905 г. происходят значительные изменения – Тангун и Киджа уже не стоят на одном уровне²⁰⁹. Истоки государственности, и себя, как народа, корейцы связывают в большей степени со «своим» предком – Тангуном.

Тангун и период Древнего Чосона становятся предметом изучения не только отдельных исследователей, но все чаще о нем появляются упоминания в печатных изданиях (авторами которых были те же самые исследователи), что позволяло этим идеям быстро распространяться и закрепляться в сознании простых людей.

Кроме того, в это время происходит формирование понятия «нация» (민족, *минджок*), в определении которого в качестве важного элемента выступает «общий предок» (조상, *чосан*). В «Тэхан мэиль синбо» Тангун назван «предком

²⁰⁷ Чо Хёнсоль. Указ. соч. С. 17–18.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Хон Сунэ. Указ. соч. С. 203.

всей страны» (전국의 조상 단군)²¹⁰. Син Чхэхо также использует понятие «предок страны» (國祖, 국조, *кукчо*). По мнению Хон Сунэ, обращение к таким понятиям как «нация», «страна», сделало возможным толкование образа Тангуна с политической точки зрения²¹¹.

По оценкам современных южнокорейских исследователей, именно Пак Ынсик (1859 – 1925), Син Чхэхо (1880 – 1936) и Чан Джиён (1887 – 1976) заложили основы новой идентичности: отказались от описания исторических событий в рамках сложившейся традиции преклонения перед сильным государством – Китаем, и заложили принцип независимого описания истории Кореи. В рамках такого подхода Тангун получает новое рождение. Этих ученых относят к так называемым «реформаторам конфуцизма» (개신유학자, 改新儒學者, *кэсин юхакча*), они особую роль отводили изучению национальной истории и считали ее важной и неотъемлемой частью национального движения. Для Пак Ынсика национальная история была важной частью национального духа, сохранение которого давало возможность освобождения нации.

Вопрос о мировоззренческих позициях вышеназванных ученых и деятелей уже поднимался в отечественных исследованиях. Он подробно изучается корейскими исследователями. В рамках данной работы мы лишь остановимся на некоторых их взглядах в понимании Тангуна и Древнего Чосона. Необходимо также отметить, что эти взгляды не оставались неизменными. Поэтому для полного представления об этой проблеме нужно подробное изучение их работ, сопоставление их выводов с историческими событиями времени написания исследований и особенностями личной биографией авторов.

Особо необходимо выделить работы Пак Ынсика. Однако «это не значит, что в работах Син Чхэхо и Чан Джиёна Тангун не обнаруживается, но он, как отмечает Хон Сунэ, – не является «движущей силой» повествования»²¹².

²¹⁰ Хон Сунэ. Указ. соч. С. 205.

²¹¹ Там же. С. 207.

²¹² Там же. С. 208.

Например, Г. Д. Тягай и В. П. Пак приводят цитату одного их обращений Чан Джиёна к народу, в котором он через подчеркивание длительности корейской истории призывает к его патриотизму: «Наш корейский народ существует около четырех тысячелетий со времен Тангуна и Киджа и теперь унижен. О, горе!»²¹³.

Среди работ Пак Ынсика особо необходимо отметить исследование «Тэдон кодэсарон» (大東古代史論, 대동고대사론, «Древняя история Кореи»), составленное в 1911 г. Целью написания «Тэдон кодэсарон» было определение границ древнего государства, исследование происхождения корейского народа и национальной религии, т.е. по сути, поиск национальной идентичности и пробуждение духа независимости²¹⁴.

Именно в этой работе потомки Тангуна представлены как самобытный народ (주체족, чучхеджок), а потомки Киджа – как пришлый (객족, кэкчок). Согласно Пак Ынсику обе составляющие на протяжении нескольких тысяч лет ассимилировались, однако Тангун жил раньше Киджа, и именно потомки Тангуна ассимилировали потомков Киджа. Соответственно, Пак Ынсик всех корейцев рассматривал как потомков Тангуна²¹⁵.

Линия преемственности корейской истории, выстроенная Пак Ынсиком, выглядела следующим образом: Тангун – Когурё – Пархэ. У Син Чхэхо в «Токса силлон» («Новая дискуссия об изучении Кореи», 1908 г.) исторические этапы Кореи обозначены несколько иначе: Тангун - Северное Пуё – Когурё – Пархэ, т.е. он особо подчеркивал роль Пуё как потомков Тангуна и передачу легитимности от Пуё к Когурё²¹⁶.

Еще среди работ Пак Ынсика можно отметить труд «Чхонгэсомунджон» (천개소문), где представлена биография Ён Гэсомуна. Хон Сунэ на основе анализа произведения делает вывод, что из него можно понять: способности и достоинства героя не столько заслуга его одного, сколько то, что он является

²¹³ Тягай Г. Д., Пак В. П. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М., 1996. С. 88.

²¹⁴ Хангук минджокмунхва тэбэкквасаджон (Энциклопедия корейской национальной культуры) [Электронный ресурс]. URL: http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Index?contents_id=E0076070 (дата обращения: 01.05.2016).

²¹⁵ Пак Чунхён. Указ. соч. С. 14.

²¹⁶ Там же. С. 16.

потомком Тангуна (в произведении он назван *Тэхванджо* 대황조)²¹⁷. В «Мённим таппуджон» (명림답부전), историческом рассказе о прославленном полководце Мённим Таппу, и «Монбэгымтхэджо» (몽배금태조), рассказе, действие которого разворачиваются во сне, а главный герой – основатель династии Цзинь, Тангун постепенно «обожещается», снова приобретает мифические черты²¹⁸. Обращение автора к религии выступает как способ преодоления кризиса, с которым столкнулась страна, в условиях, когда патриотическое движение с ним не справляется. Вопрос о взаимосвязи Пак Ынсика и *тэджонгё* требует отдельных исследований. Хотя нельзя отрицать того факта, что Пак Ысик, безусловно, был знаком как с *тэджонгё*, так и с его деятелями. Однако мы согласны с мнением Хон Сунэ, что такое обращение необходимо рассматривать в контексте борьбы за независимость.

Таким образом, в понимании Тангуна в конце первого десятилетия XX в. намечается новое изменение и, прежде всего, обращение к религиозно-мифологической составляющей его образа.

Вновь «мифологизированная форма» Тангуна находит свое выражение в религии *тэджонгё*, основанной на вере в существование «первопредка корейцев» – Тангуне. При этом в религии сохраняется идея Тангуна как национального символа. Поэтому исследователи *тэджонгё* отводят важную роль этой идее в формировании национально-освободительного движения. Ким Донхван отмечает, что эта национальная религия была создана на основе письменных источников, отражающих представление о Тангуне предыдущих периодов, и которая соединила в себе представление о Тангуне и как о небесном духе, и как о родоначальнике страны. Восстановление веры в Тангуна было своего рода «сообщением», которое в условиях краха национальной идентичности давало надежду и душевное спокойствие для многочисленных патриотов²¹⁹. Хан Ёнью считает, что участники отрядов «Армии независимости», которые были

²¹⁷ Хон Сунэ. Указ. соч. С. 210.

²¹⁸ Там же. С. 217–218.

²¹⁹ Ким Донхван. Хангукчонгёса сок-есоый тангунминджокчуй (Национализм Тангуна в истории корейских религий) // Сондо мунхва, 15. 2013. С. 155.

организованы после Первомартовского движения, были последователями религии *тэджонгё*²²⁰.

В отечественной исследовательской литературе есть только краткие упоминания об этой религии. Отмечается, что система *тэджонгё* была сформулирована На Чхольем в 1909 г. и особое распространение получила в корейской общине в Маньчжурии в 1930-е гг.²²¹.

Анализируя цели создания *тэджонгё*, исследователь Чо Хёнсоль отмечал, что задача скорее заключалась не в создании религиозной системы, а в создании «стержня», вокруг которого бы поддерживались и развивались национальные идеи. Таким образом, Тангун в *тэджонгё* – это символ корейского народа и корейского национализма. Этот образ не мог больше функционировать исключительно как культурный герой и как символ противопоставления Китаю. Он снова возвращает себе «божественную сущность», которая в учебниках по истории после 1905 г. отвергалась²²².

Современные, как южнокорейские, так и северокорейские исследователи подчеркивают, что *тэджонгё* не было исключительно религией. Они указывают на его ведущую роль в укреплении этнического самосознания корейцев, воспитании и поддержании патриотических чувств. Ким Донхван писал, что «возрождение *тэджонгё* вышло за рамки религии, это событие вызвало патриотическое направление в корейской истории»²²³. Чхве Тхэджин отмечал, что *тэджонгё* «явилась проявлением национального самосознания нашего народа, проникнутого духом борьбы против агрессии японских империалистов»²²⁴.

Религия была создана под руководством патриота На Чхолья в Сеуле в январе 1909 г. До этого На Чхоль отчаянно боролся за возвращение корейского национального суверенитета. Но, не добившись желаемого, он дал обещание возродить нацию через укрепление национального духа, возродив национальную

²²⁰ Хан Ёнью. Указ. соч. С. 480.

²²¹ Толстоулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток, 2004. С. 55.

²²² Чо Хёнсоль. Указ. соч. С. 26.

²²³ Ким Донхван. Хангукчонгёса сок-есоый тангунминджокчуй (Национализм Тангуна в истории корейских религий) // Сондо мунхва, 15. 2013. С. 156.

²²⁴ Чхве Тхэджин. Тангун-гва тэджонгё (Тангун и религия тэджонгё) // Тангун – родоначальник Кореи. Сборник научно-исследовательских статей. Пхеньян, 1994. С. 99.

религию. Вместе с На Чхолом были и Ли Ги, Ю Гын, Чон Хунмо, О Гихо, Ким Юнсик и др., но именно его они выдвинули на «пост» главного проповедника²²⁵.

Важно отметить два момента. Во-первых, образование религиозного общества в 1909 г. не называли словами *чхангё* (창교) или *кегё* (개교), т.е. не говорили о «создании» или «открытии», речь шла о *чунгван* (重光, 중광), т.е. о «возрождении». Тем самым подчеркивалось, что религия – *тэджонгё* – это не новая, а возрожденная, традиционная, национальная, существовавшая еще в древние времена²²⁶.

Во-вторых, первоначально религия была названа *тангунгё* (단군교), и только в 1910 г. она была переименована в *тэджонгё*. Ли Сукхва, исследовав *тэджонгё* в первые годы после образования, отмечает, что изменение названия произошло после подписания договора 1910 г., когда репрессии на *тангунгё* со стороны японцев усилились. Только тогда вместе с изменением названия в качестве религии был утвержден постулат *самсинильче* (삼신일체), т.е. вера в «святую троицу»: Хванин-Хванун-Тангун. Тогда же был переименован «День основания Древнего Чосона» (개국절, *кэгыкчоль*) на «Празднование рождения небесного божества и национального основания» (개천절, *кэчхонджоль*). Привносятся также изменения в религиозную обрядность. Для того, чтобы она соответствовала обрядам других религиозных организаций, отменяются поминальные таблички Тангуна, вводится воскресное богослужение. После событий 1911 г. *тэджонгё* была объявлена колониальной администрацией антияпонской организацией, борющейся за независимость. По это причине из *тэджонгё* изымается национальное содержание, и принимаются универсальные религиозные взгляды о мире во всем мире и всеобщем счастье. По мнению Ли Сукхва, это было попыткой подстроиться к сложившейся ситуации в

²²⁵ Чон Ёнхун. Тэджонгё-ва 'тангунминджокчуй' (Тэджонгё и национализм Тангуна) // Тангунхак ёнгу, 10. С. 284–285.

²²⁶ Там же. С. 285.

оккупированной Корее, взяв курс не на открытую борьбу, а стремясь расшатать режим изнутри²²⁷. Так произошла трансформация *тангунгё* в *тэджонгё*.

Относительно понимания содержания *тэджонгё* значимым является исследование Чон Ёнхуна. Источником для его анализа стала информация, размещенная на официальном сайте общества *тэджонгё*²²⁸.

Он пишет: «Теория *тэджонгё* строится на так называемой философии *самиль* (삼일철학), в которой совершенство полагается состоящим из трех элементов. Явление одно, но оно проявляется в трех вариантах. Например, *ильсин* (일신, единый дух) делиться на *самсин* (삼신, три духа): *чохва* (조화, творение), *кёхва* (교화, исправление) и *чхихва* (치화, управление народом с помощью мягкой политики). Что же касается всех предметов в мире и людей, то и здесь одно делится на три. Так, *самджин* (삼진, три истины) делится на *сон* (성, характер), *мён* (명, жизнь) и *чон* (중, чувство). *Самман* (삼망, то, чем люди обладают от рождения) – на *мом* (몸, тело), *ки* (기, дух), *син* (신, душа); *самдо* (삼도, три пути) – на *кам* (감, чувство), *сик* (식, дыхание) и *чхок* (촉, столкновение), а *самдже* (삼재, три дара) делится на *чхон* (천, небо), *чи* (지, земля) и *ин* (인, человек).

Конечную цель *тэджонгё*, как религии, часто выражают как *самджингвииль* (삼진귀일, «возвращение к основе») и добавляют *панманджыкчин* (반망즉진, возвращение *самман* в *самджин* и становление «истинным человеком»), а также достижение *сонтхонгонван* (성통공완, «достижение просветления через путь»). Для достижения просветления необходимо соблюдение трех способов самовоспитания: *чигам* (지감), *чосик* (조식) и *кымчхок* (금촉). С *чигам* соотносится тренировка души, *чосик* – тренировка духа, *кымчхок* – тренировка тела. Теория очень сложна, в «*Хвесамгён*» (회삼경, «Собрание трех священных книг») сказано, что буддийское понятие

²²⁷ Ли Сукхва. Указ. соч. С. 177–178.

²²⁸ Тэджонгё (Тэджонгё) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daejonggyo.or.kr> (дата обращения: 01.05.2016).

мёнсин (명신) соответствует способу *чигам* в *тэджонгё*, *янги* (양기) *синсондогё* – *чосик тэджонгё*, а конфуцианское *сусин* (수신) – *кымчхок тэджонгё*.

Пять правил, которые выдвинул На Чхоль, и выполнение которых требует *тэджонгё* от своих последователей: 1) *кёнбончхонсин* (경봉천신), 2) *сонсурёнсон* (성수령성), 3) *эхапчонджок* (애합종죽), 4) *чонгуибок* (정구이복), 5) *кыммусаноп* (근무산업). Первые два постулата требуют почитания небесного духа и воспитания духовности, т.е. они имеют под собой религиозное содержание. Остальные три можно назвать указаниями, связанными с реальной жизнью, или этическими нормами. Третий постулат – *эхапчонджок*, будучи принципом объединения общности, указывает на такую добродетель как любовь или гуманность. Принцип *чонгуибок* требует стараний для повышения благосостояния в этом мире, чтобы не погрязнуть в дискуссиях. Пятый постулат – *кыммусаноп* требует активных усилий для развития экономики.

Таким образом, *тэджонгё* включает в себя два аспекта. Будучи национальной религией, она, с одной стороны, в качестве объекта спасения определяет нацию, но с другой, будучи универсальной религией, озабочена спасением всего человечества. В рамках национальной религии, в качестве объекта веры выступает Тангун. Отсюда существование представления о корейской нации как о «небесных потомках», «потомках Тангуна». Поэтому Тангуна также называют *Ханбэгом* (한배검), словом, включающим в себя значение «предка». Последователи *тэджонгё* определяли цель (социальную, политическую) как возвращение *пэдаль нара*²²⁹. После того как На Чоль переместился в Манчжурию, в 1913 г. им была установлен храм Корёнса, где были представлены национальные герои. Особенностью в понимании *тэджонгё* национальной истории был тот факт, что к «кровным родственникам» относились и основатели Пархэ²³⁰, и династии Цзинь.

²²⁹ Термин *пэдаль* указывает на название первого в истории Кореи государства, а также используется для обозначения корейской нации.

²³⁰ Пархэ (Бохай) занимал территорию к северу от реки Тэдонган, северо-восточную Маньчжурию, бассейн реки Сунгари, южную часть бассейна Амура и часть территории современного Приморского края. Культура

Как в универсальной религии в *тэджонгё* объектом веры выступал *чхонсин* – *Ханоль*, его также называли *Чхон*, *Син*, *Ван*, *Че*. В священных книгах *тэджонгё*, включая «*Самильсинго*» (삼일신고, «Учение о единстве трех божеств») и «*Синсаги*» (신사기, «Записи священных деяний»), слово Тангун не употребляется, используются только те универсальные наименования бога, о которых говорилось выше. В этих священных книгах речь шла об универсальном Творце, рассматривались категории неба, духа, мира, человека, ставилась проблема поиска спасения и правды. Но в этом случае религия выходила за пределы корейской нации, и ее целью становилось спасение всего человечества. Так в «*Синсаги*» рассказывается о создании Неба и Земли, рождении человечества вообще, которое появилось в виде девяти племен от общих предков – мужчины и женщины – *Набан* и *Аман*.

Можно сказать, что в представлении На Чхоля характер *тэджонгё* как национальной, так и универсальной религии сложен. В обычных текстах присутствует национальный Тангун, в священных же книгах фигурирует космический Ханоль. Проявлением национального характера религии может быть то, что служащий религиозной организации мог быть назначен только при условии, если он поменяет свою национальность на корейскую. Но в тоже время отчетливо прослеживается значение *тэджонгё* как универсальной религии. Изменение первоначального названия *тангунгё* на *тэджонгё*, разграничение религии и политики было не только исключительно стратегическим ходом избежать преследования со стороны японцев и увеличить количество верующих, но это также отражало намерение усилить универсальную сторону религии»²³¹, придать ей общечеловеческий характер, сблизить с мировыми религиями, в том числе, с христианством.

государства имела как когурёские, так и китайские корни. В связи с этим важно, что в рамках *тэджонгё*, основатели этого государства рассматривались как носители корейской культуры.

²³¹ Чон Ёнхун. Тэджонгё-ва 'тангунминджокчуй' (Тэджонгё и национализм Тангуна) // Тангунхак ёнгу, 10. С. 286–290.

Что касается деятельности последователей *тэджонгё*, то в основном, она разворачивалась за пределами Кореи. Число верующих доходило до 200 тыс. человек²³².

Ким Донхван отмечал, что значение *тэджонгё* в антияпонским движением было не маленьким. Однако сохранившихся и свидетельствовавших бы об этом документов очень мало. В период японской оккупации было развернуто движение против *тэджонгё*, после эмиграции ее последователей в Маньчжурию деятельность ее приверженцев в самой Корее проходила крайне секретно. После того, как 1 октября 1915 г. был обнародован приказ о «Правилах распространения религий», деятельность *тэджонгё*, как религиозной организации, была запрещена. Тем не менее, такой известный исследователь, как Ким Донхван указывает на то, что, *тэджонгё* была связана с организациями, боровшимися за независимость Кореи, и, в частности, рассматривает их деятельность в провинции Кёнсан²³³.

Кроме того, о той роли, которое играло представление о Тангуне для корейского народа и укрепления его национального самосознания во время японской оккупации, косвенно может свидетельствовать текст «Декларации независимости Кореи» от 1 марта 1919 г. В нем, в частности, указано: «Мы объявляем независимость, имея 5000 лет в прошлом и объединенный 20-миллионный народ»²³⁴. Это указывает на длительность истории Кореи и отсылает к ее истокам, т.е. к периоду Тангуна. В таком важном документе присутствует и упоминание о предках корейцев. Автор «Декларации...» и подписавшие ее призывают к их помощи: «Пусть предки тысяч поколений помогут нам изнутри ... ». Это также свидетельствует о важности и сохранении культа предков. Кроме того, в самом конце документа указан год 4252 г., т.е. год по летоисчислению *танги*. Несмотря на то, что текст Декларации был подписан деятелями, принадлежащими

²³² Хан Ёнъю. Указ. соч. С. 456.

²³³ Ким Донхван. Тангун-ыль пэгён-ыро хан тоннипундонга (Борцы за независимость и вера в Тангуна для них) // Сондо мунхва, 11. С. 131–165.

²³⁴ Перевод Декларации на русский язык приведен в статье Е. В. Ершовой Религиозное общество «Чхондогё»: история, политика, идеология // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Под ред. И. А. Толстокулакова. Владивосток, 2004. С. 182–185.

к разным религиям (деятели «Чхондогё», христианские проповедники, буддисты), однако общим для них как «представителей одной – корейской – нации» оказалось все-таки связь с Тангуном.

Показательным примером осмысления корейцами своей истории и своего места в мировом историческом процессе стало появление такого религиозного феномена, как *тэджонгё*, который для корейцев представлялся в форме национальной религии, и в то же время, обладал признаками универсальной религии. На формирование религиозной стороны *тэджонгё*, безусловно, повлияло христианство. Идея «троичности» пронизала догматику *тэджонгё*, христианство усилило ее монотеизм, повлияло на обрядовую сторону. *Тэджонгё* можно рассматривать как синкретичную религию, с одной стороны, и как конфессиональную форму этнического самосознания корейцев, с другой. Совместившись с этнической принадлежностью через образ Тангуна, она и конфессионально закрепляла этническое единство населения Корейского полуострова.

Таким образом, рассмотренные примеры убеждают, что существовавшее до начала XX в. представление о Тангуне, в первой половине XX в. переживает свое новое рождение, трансформируется в условиях японского протектората и оккупации, занимает важное место в антияпонской борьбе и в новом формирующемся национальном самосознании. При этом большая роль в «возрождении» и «выдвижении» идеи Тангуна отводится отдельным представителям интеллектуальной элиты, при этом «возрождение и выдвижение» стало возможным только при условии, что оно соответствовало «запросу общества» и было ему знакомо и понятно.

3 Миф о Тангуне в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике (вторая половина XX – начало XXI вв.)

3.1 Разделение этноса: вопрос этнонима и названия страны (1945 – 1948 гг.)

История разделения Кореи началась после ее освобождения от японского колониального господства. Освобождение произошло благодаря вмешательству извне, что в итоге и предопределило дальнейшее разделение страны.

5 апреля 1945 г. был денонсирован договор о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а 8 августа 1945 г. Советский Союз объявил о вступлении в войну с Японией. 9 августа 1945 г. войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия развернули боевые действия, в результате которых Квантунская армия была разгромлена. 15 августа командование Квантунской армии объявило о прекращении боевых действий и капитуляции. 2 сентября 1945 г. Японией был подписан акт о капитуляции²³⁵.

Вооруженные силы США высадились на Корейском полуострове 9 сентября. Еще летом 1945 г. на Берлинской конференции было принято решение о разграничительной линии военных действий американских и советский войск в Корею по 38 параллели. Целью такого разделения Кореи было принятие капитуляции японских войск²³⁶.

Место колониальной администрации заняли представители союзных войск. Таким образом, фактически начался процесс формирования двух государств.

В северной части Кореи было создано Управление советской гражданской администрации во главе с генерал-майором А. А. Романенко. На Севере создавались органы местного самоуправления – народные комитеты. 8–14 сентября 1945 г. была воссоздана Коммунистическая партия Кореи, в октябре

²³⁵ История Кореи под ред. А. В. Торкунова С. 329.

²³⁶ Там же. С. 162.

было оформлено Северокорейское оргбюро Компартии Кореи. В феврале 1946 г. была создана Временный народный комитет Северной Кореи, который возглавил Ким Ирсен²³⁷. На Севере был проведен ряд законов (земельная реформа, национализация промышленности, транспорта, связи и банков). В августе 1946 г. был образован Единый демократический национальный фронт, который объединил все политические партии и общественные организации Кореи.

На юге американцами был создан аппарат Американской военной администрации. Американское командование предприняло жесткие меры против действовавших в Южной Корее левых партий и организаций²³⁸.

16–26 декабря 1945 г. в Москве прошло совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, где обсуждался, в том числе, и вопрос о Корее. На этом совещании США внесли проект, предусматривавший два периода иностранного управления, которые должна пройти Корея до получения независимости. Первый – военное управление, осуществляемое американскими и советскими войсками в Корее, второе – управление четырех держав США, СССР, Великобритании и Китая. Проект не упоминал о создании корейского национального правительства.

Советский же проект наоборот предусматривал в качестве основной задачи образование общекорейского Временного демократического правительства. Был принят советский проект²³⁹. Однако договоренность о создании Временного корейского правительства не была реализована, а США и СССР содействовали укреплению режимов-антиподов, складывавшихся на Корейском полуострове.

Совместная деятельность США и СССР по решению корейского вопроса прекратилась после того, как 14 ноября 1947 г. была создана Временная комиссия ООН по Корее. Народ Южной Кореи был против вмешательства в корейские дела комитета ООН, 7 февраля 1948 г. начались демонстрации и забастовки против посещения членами комитета Кореи. Народ южной Кореи не желал разделения страны. 3 апреля 1948 г. на острове Чеджудо вспыхнуло народное восстание,

²³⁷ История Кореи под ред. А. В. Торкунова С. 331.

²³⁸ Там же. С. 333.

²³⁹ История Кореи. Т. 2. С. 168–169.

началась «партизанская война» против политики сепаратного южнокорейского государства, она продолжалась до 1949 г.²⁴⁰.

Однако выборы на Юге состоялись, и 15 августа 1948 г. в южной части Корейского полуострова была провозглашена Республика Корея, президентом которой стал Ли Сынман.

В ответ на создание сепаратного правительства на Юге было принято решение о проведении выборов в единый законодательный орган страны – Верховное народное собрание. После того, как оно было сформировано, на первой его сессии было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики.

Таким образом, на Корейском полуострове было создано два государства, которые развиваются самостоятельно уже почти на протяжении семидесяти лет. Безусловно, такая ситуация ведет к дивергенции единой нации, которая реализуется в разделении территории, обособлении экономик, политической и социальной жизни, накапливании различий в языке, утверждение антагонистических систем идеологии и художественных культур²⁴¹. После разделения в двух странах единая «культурная основа», в том числе и представление об общем происхождении, воспринималась по-разному, отношение это не оставалось неизменным, а соотносилось со сложившейся ситуацией в каждом из государств.

После освобождения от японской оккупации 1945 г. вновь обострился вопрос о названии государства. Дискуссии возникали при каждом обсуждении Конституции в 1948 г. На третьем ее чтении Ли Сынман сказал: «Правильное название не означает реализацию независимости, точно также как и плохое название не означает, что независимость не будет реализована. И так как на проблему выбора названия тратится больше всего времени, а конституцию принять необходимо как можно быстрее, поэтому обращаюсь к вам с просьбой: было бы хорошо, когда положение дел в стране будет приведено в порядок,

²⁴⁰ Курбанов С. О. Указ. соч. С. 426.

²⁴¹ История Кореи. Под ред. А. В. Торкунова. С. 402.

выслушать мнение народа, и тогда мнение большинства будет закреплено на законодательном уровне. Еще раз обращаюсь с просьбой не ставить проблему с выбором названия государства»²⁴². В тот день было проведено голосование, на котором из присутствующих 188 человек за *Тэхан мингук* проголосовали 162, против – 2. Таким образом, под давлением Ли Сынмана было определено название новой республики. 16 января 1950 г. был принят закон «О названии страны, названии некоторых районов и цветах», в котором официальным названием страны было объявлено *Тэхан мингук*. Для удобства предлагалось использование сокращения *Тэхан* или *Хангук*. Чтобы отделиться от власти северокорейского правительства употребление *Чосон* запрещалось, а такие слова как *Чосонхэхён* (Корейский пролив), *Тончосонман* (Восточно-Корейский залив), *Сочосонман* (Западно-Корейский залив) и другие заменялись соответственно на *Тэханхэхён*, *Тонханман*, *Соханман*.

В Северной Корее в качестве именной части названия государства было определено *Чосон*. После разделения Корейского полуострова и образования в 1948 г. двух независимых государств противостояние *хан* и *чосон* было очень заметным: сама дискуссия об официальных названиях стран была под запретом. В обоих государствах не только нельзя было использовать официальное название другой страны, но также велся контроль за тем, чтобы читатели не видели эти названия в иностранных СМИ. Так, в иностранных еженедельниках, доставляемых в Южную Корею, «Time» и «Newsweek» официальное название Северной Кореи и ее флаг закрашивались черным цветом, а во время церемонии открытия Олимпийских игр, которую показывали в прямом эфире, они были скрыты за мозаикой²⁴³.

Таким образом, внешнеполитический фактор выступил не только условием разделения единого Корейского государства, но начавшиеся вследствие этого дискуссии о названии этноса и новых корейских государств на севере и юге Корейского полуострова, заложили основу для разделения единого корейского

²⁴² Ли Ванбом. Указ. соч. С. 70.

²⁴³ Там же. С. 49.

этнoса и формирования новых корейских идентичностей в рамках двух корейских государств.

3.2 Функционирование идей о Тангуне в Республике Корея

«Актуализированная традиция», связанная с образом Тангуна и занимавшая важное место в сознании корейцев в первой половине XX в., нашла свое место и во второй половине XX в. в рамках образовавшихся новых государств. Нужно отметить, что аналоги процессов трансформации, которые происходили с образом Тангуна на Корейском полуострове, можно найти во всех уголках мира. Например, они очень похожи на трансформацию культа почитания королей Хунгов во Вьетнаме.

Однако, безусловно, в каждом конкретном случае традиция имеет свою специфику. Корейский исследователь Чон Ёнхун, опираясь на положения концепции Э. Хобсбаума, исследовал феномен институционализации идей, заложенных в мифе о Тангуне. Он обращал внимание на то, что если «изобретенная традиции», о которой говорит Э. Хобсбаум, создана для укрепления власти политической элиты и ей же принадлежит руководящая роль, то в случае с корейской традицией главная роль в ее создании принадлежит не власти и государству, а «народным патриотам, преисполненным национальными чувствами». Он отмечал, что прежде, чем новая традиция была зафиксирована на государственном уровне, она прочно закрепилась в массовом сознании²⁴⁴. Такое толкование специфики корейских процессов подтверждает выдвинутый в диссертационной работе тезис, что исключительно в рамках конструктивизма эти явления не объяснимы, и для анализа важно привлечение понятия «этнoса», в рамках которого эта традиция «конструируется».

Институционализация идей, основанных на мифе о Тангуне, реализовывалась

²⁴⁴ Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хонигинган кёюк инём (Летоисчисление *танги*, государственный праздник *кэчхонджоль*, педагогическая идея *хонигинган*) // Чонсин мунхва ёнгу. 2008. Вып. 31. № 4. С. 190.

через введение летоисчисления *танги* в качестве официального, установление праздника *кэчхонджоль* в качестве национального, признания идеи *хонигинган* в качестве основного понятия «образования», а также принятия официального изображения Тангуна и принципов описания периода корейской истории, с ним связанного.

Роль представлений о Тангуне как предке всех корейцев и времени его правления как о начале корейской истории не ограничивается только поддержанием национальной идентичности, они также имеют важное значение в консолидации сил для решения таких задач, как достижение национальной независимости и единства. Осознание этого факта пришлось на последний период существования Корейской империи и время японской оккупации, когда намеренно стала разворачиваться деятельность по распространению идей, связанных с верой в Тангуна. Поскольку такие идеи соответствовали условиям времени, они были быстро восприняты народными массами, а после образования РК были зафиксированы на государственном уровне²⁴⁵.

Примером того, какое место в XX в. после образования РК занимало представление о Тангуне, может служить летоисчисление *танги* (단기, 檀紀).

Вплоть до конца XIX в. в Корее использовалось китайское летоисчисление. После воцарения в Корее в 1392 г. новой династии Ли с минским двором были установлены тесные связи в рамках, так называемой, даннической системы. Сразу после того, как Ли Сонге пришел к власти, к минскому двору был отправлен специальный посланник с просьбой пожаловать название страны. Аналогичные отношения были установлены позднее и с Цинским Китаем. Условия этих отношений были определены после неудачной для Кореи войны с маньчжурами. По мирному договору Корея должна была отправлять в Пекин даннические посольства, испрашивать инвеституру каждому новому корейскому вану и использовать китайское летоисчисление²⁴⁶. Использование китайского летоисчисления в качестве официального свидетельствовало о закреплении, так

²⁴⁵ Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль ... С. 165.

²⁴⁶ Забровская Л. В. Указ. соч. С. 15.

называемого, сознания «маленького Китая» (소중화 의식, 小中華 意識 *соджунхва ыйсик*), т.е. представления о Корее не как о самостоятельном и центральном государстве, а наоборот, как находящемся на периферии небольшом владении²⁴⁷. Провозглашение собственного летоисчисления свидетельствовало бы о равноправном с Китаем положении и получении, так же как и Китаем, мандата Неба²⁴⁸.

Конец XIX в. в Корее соотносится с большими изменениями, произошедшими во всех областях жизни общества. Ю. В. Ионова сообщает, что 26 октября 1895 г., с одной стороны, был введен с 1 января 1896 г. григорианский календарь, с другой, что наравне с ним использовалась и национальная система летоисчисления, начальной датой которого был 2333 г. до н.э. — год избрания государем древнекорейского государства Чосон Тангуна. В то время наравне с этой датой, важной вехой в истории оставался и 1121 г. до н.э. — год, когда в Чосон пришел Киджа²⁴⁹.

С конца XIX в. в Корее также начинает использоваться независимое летоисчисление: *кэзуккивон* (개국기원, 開國紀元), *конян* (건양, 建陽), *кванму* (광무, 光武), *юнхи* (융희, 隆熙). Введение независимого летоисчисления, а также провозглашение в то время страны империей, выбор нового названия для страны — все это было сделано с целью подчеркнуть свою древность, независимость, и должно было показать равное положение Кореи, как с Китаем, так и с Японией. Однако это было демонстрацией независимости на государственном уровне, но не национальном. Именно *танги* становится тем летоисчислением, которое стало отражением национальной идентичности корейцев²⁵⁰.

Танги — способ летоисчисления от года основания Тангуном государства. В зависимости от источника дата основания Тангуном государства несколько варьируется. Л. Р. Концевич, основываясь на «*Самгук юса*», приводит следующий

²⁴⁷ Ким Бёнги. Тангиёнхо-ва тэханмингук имси джонбу (Летоисчисление *танги* и временное правительство Республики Корея) // Сондо мунхва. 2012. № 12. С. 76.

²⁴⁸ Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль ... С. 165–166.

²⁴⁹ Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX — начало XX в.) М., 1982. С. 20.

²⁵⁰ Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль ... С. 166; Ким Бёнги. Указ. соч. С. 76.

перевод мифа о Тангуне: «На пятидесятом году по вступлении на престол Тан-Гао в год «кёнъин» (начальным годом вступления на престол Тан-Гао является год «муджин»; следовательно, пятидесятый год – это год «чонса», а не «кёнъин», в чем сомневаться не приходится) [Тангун] основал столицу в крепости Пхёнъянсон (ныне – Согён) и впервые назвал [страну] Чосон»²⁵¹. В письменных источниках правления династии Ли наиболее часто встречающимся годом основания выступает 25 год правления императора Яо - «муджин». Как указано в самом раннем историческом источнике периода Чосон, созданном по повелению вана, «Тонгук тхонгам» (동국통감, 東國通鑑, XV в.), время вступления на престол императора Яо, соотносится с годом «капчин» (по европейскому календарю – 2357 г. до н.э.), а 25 год «муджин» (по европейскому календарю – 2333 г. до н.э.) – год основания Тангуном государства²⁵². Такое летоисчисление начинает использоваться примерно с 1905 г., а после образования РК согласно Закону № 4 от 25 сентября 1948 г. оно было принято в качестве официального²⁵³. Через 13 лет Законом № 775 от 2 декабря 1961 г. в качестве официального летоисчисления в РК принимается европейское²⁵⁴. С 1 января 1962 г. в официальных документах исчезает *танги*. Причина изменения летоисчисления объяснялась трудностями, которое вызывало использование *танги* как на административном уровне, так и на внешнеполитическом, а также тем, что в большинстве передовых стран используется именно европейское летоисчисление. Однако Ким Бёнги характеризует отмену использования *танги*, как решение отойти от национальной идентичности²⁵⁵. Закон о летоисчислении, принятый 7 января 2014 г., повторяет закон 1961 г.

²⁵¹ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М., 1984. С. 177.

²⁵² Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль ... С. 169.

²⁵³ Ёнхо-е кванхан помнюль 1948.9.25 (Закон о летоисчислении) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=4301&ancYd=19480925&ancNo=00004&efYd=19480925&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата обращения: 10.08.2015).

²⁵⁴ Ёнхо-е кванхан помнюль 1962.1.1 (Закон о летоисчислении) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=4302&ancYd=19611202&ancNo=00775&efYd=19620101&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата обращения: 10.08.2015).

²⁵⁵ Ким Бёнги. Указ. соч. С. 80.

После отмены использования летоисчисления *танги* возникают движения, в основном сконцентрированные вокруг негосударственных организаций, за его возрождение. Подчеркивается, что возрождение *танги* не будет возвращением к национализму, а станет обращением к национальной гордости и символом возрождением национального духа²⁵⁶.

Так, например, на страницах газеты «Тона ильбо» от 4 октября 1996 г. автор статьи размышляет о возможном возвращении *танги* для возрождения у корейцев чувства национальной гордости²⁵⁷.

Интересно, что вопросы летоисчисления *танги* рассматриваются и в контексте проблемы объединения двух Корей. Ян Сынхэ показывая связь между летоисчислением, историческим сознанием и национальной идентичностью, подчеркивает, что летоисчисление, будучи символом исторического сознания, может стать действенным способом усиления национальной и государственной самобытности²⁵⁸.

Влияние мифа о Тангуне на национальную идентичность южных корейцев можно проследить на примере национального праздника *кэчхонджоль* (개천절, 開天節) – Дня образования первого корейского государства Тангуном. Таким образом, фактически он становится символом начала корейской национальной истории и культуры. Этот праздник был одним из четырех национальных, которые были официально признаны Законом № 53 от 1 октября 1949 г. и которые были установлены с целью празднования знаменательных для государства дат²⁵⁹. Законом № 7771 от 29 декабря 2005 г. этот список пополнился еще одним

²⁵⁶ Ким Бёнги. Указ. соч. С. 74.

²⁵⁷ Хан Санхо. Минджок чаджонсим хвёбок вихе танги саён чоккык комтхохаджа (Давайте еще раз задумаемся об использовании летоисчисления *танги* для возвращения национальной гордости) [Электронный ресурс]. // Тона ильбо. 04.10.1996. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1996100400209137008&editNo=45&printCount=1&publishDate=1996-10-04&officeId=00020&pageNo=37&printNo=23328&publishType=00010> (дата обращения: 05.03.2016).

²⁵⁸ Ян Сынхэ. Тангиёнхо-ва тхониль: ёнхо чеджон-гва пхеджи-ый нам-пукхан чончхиса-ва ёксаыйсик, кыриго тхонильгукка-ый чончхесон мундже (Летоисчисление *танги* и объединение: утверждение и отмена летоисчисления в политической истории и историческом сознании Северной и Южной Корей, вопрос идентичности объединенного государства) // Хангук чончхи хакхвебо. 2007. № 41 (2). С. 26–27.

²⁵⁹ Куккёньиль-е кванхан помнюль 1949.10.1 (Закон о национальных праздниках) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=4167&ancYd=19491001&ancNo=00053&efYd=19491001&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата обращения: 10.08.2015).

праздником – 9 октября – Днем корейской письменности *хангыль*. Закон от 30 декабря 2014 г. повторяет предыдущий, и сегодня *кэчхонджоль* остается в списке национальных праздников в РК.

Возражений в 1949 г. по поводу того, чтобы 3 октября установить праздник *кэчхонджоль*, практически не возникло. Связано это было с тем, что так называемый «национализм Тангуна» как способ национального единения, уже достаточно прочно закрепился в обществе. Возникали споры только относительно проведения его по лунному или солнечному календарю, окончательное решение было принято в пользу солнечного. После этого каждый год в день празднования *кэчхонджоль* поднимаются флаги на государственных учреждениях и домах, проходят официальные праздничные мероприятия. Мероприятия, организованные центральной властью, состоят из церемонии открытия, официальной части, речи председателя Комитета по составлению истории Кореи о создании государства, поздравления премьер-министра, исполнении песни *кэчхонджоль* и троекратного «ура». До 1970 г. в районных административных органах, а также в школах отдельно проводились мероприятия, посвященные этому празднику. Сейчас они практически не проводятся. Однако проводятся разнообразные мероприятия неправительственными организациями²⁶⁰.

В последнее время высказывается мнение о том, что этот праздник не нужен, его необходимо исключить из числа национальных. Объясняется это тем, что праздников достаточно много, а также тем, что вера в Тангуна не является символом, связанным с национальной идентичностью, а находится в религиозной плоскости²⁶¹.

Еще один феномен, который непосредственно связан с мифом о Тангуне и который нашел свое воплощение в южнокорейском обществе, – это идея *хонигинган*. Упоминание об этом принципе есть только в двух источниках «*Самгук юса*» и «*Чеван унги*». В записях периода династии Ли упоминаний о ней нет, в то время господствующей идеологией, как мы уже отмечали ранее, было

²⁶⁰ Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы 'мандыроджин чонтхон'-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён (*Кэчхонджоль, основы этой «созданной традиции», изменения и контекст*) // Ко Чосон Тангунхак. 2010. № 23. С. 422.

²⁶¹ Там же. С. 424.

конфуцианство, и из рассказа о создании Тангуном государства повествование о Хванине и Хвануне было изъято²⁶². В переводе, сделанном Л. Р. Концевичем по «*Самгук юса*», говорится следующее: «Давным-давно жил Хванин (так именовался Чесок). [Его] побочный сын Хванун часто думал о поднебесье и страстно жаждал [попасть] в мир людей. Отец, узнав о помыслах сына, высмотрел внизу [среди] трех отрогов [гору] Тхэбэк [и решил, что именно здесь тот] сможет доставить много пользы людям. И тогда [Хванин] вручил [сыну] три мандата неба и послал его управлять людьми»²⁶³. В той части, которая переведена как «доставить много пользы людям» говорится как раз о принципе *хонигинган* (홍익인간, 弘益人間). В переводе она означает «приносить много пользы людям» или «много помогать людям». *Хонигинган* – выражение гуманистической идеи, в которой главной ценностью является человеческое достоинство и счастье. Однако к этой идее обращаются только в XX в., в то время, когда возникла острая необходимость в национальной идее, которая могла бы снять как идеологическое, так и классовое противостояние²⁶⁴.

После образования РК эта идея была закреплена, как основной принцип «образования», в первом пункте Закона об образовании от 31 декабря 1949 г. В законе говорилось, что «целью образования является воспитание личности, приобретение умения жить независимо и качеств граждан, служение развитию демократического государства и вклад в реализацию идеи человеческого процветания в соответствии с идеей *хонигинган*»²⁶⁵. Эта идея до сих пор остается основным понятием образования. В Законе об образовании № 13003 от 20 января 2015 г. во втором пункте, где объясняется цель образования, по-прежнему ключевую роль играет принцип *хонигинган*²⁶⁶.

В последнее время указывается также на важность идеи *хонигинган* в

²⁶² Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль ... С. 178.

²⁶³ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М., 1984. С. 175.

²⁶⁴ Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль ... С. 180.

²⁶⁵ Там же. С. 182.

²⁶⁶ Кёюк кибонбоп 2015.1.20 (Закон об образовании) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=167362&ancYd=20150120&ancNo=13003&efYd=20150120&nwJoYnInfo=Y&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата обращения: 10.08.2015).

решении задач, связанных с поиском национальной идентичности и задач перед которыми стоит корейское общество XXI в.: объединение Юга и Севера и создание единой корейской национальной общности, нравственное очищение и объединение общества, чтобы успешно пройти эпоху глобализации²⁶⁷.

Кроме рассмотренных выше примеров, когда идеи, связанные с мифом о Тангуне, нашли сначала свое отражение в корейской идентичности, а позднее были зафиксированы на государственном уровне, о большом интересе к образу Тангуна в XX в. свидетельствуют развернувшиеся вокруг этого образа дискуссии²⁶⁸.

После образования РК в 1949 г. копия с изображения Тангуна, сделанная Чи Сончхэ с сохраненного Кану изображения, получив одобрение Национального собрания, была признана примером для изображения предка в Южной Корее. В 1976 г. правительством было принято решение, что признается только религиозное (*тэджонгё*) изображение. Но уже в 1977 г. правительство поручило обществу «Хёнджонхве» (общество, которое было создано в 1968 г. с целью утверждения национальной независимости на основе идей, связанных с мифом о Тангуне) создать изображение Тангуна, и 28 августа 1978 г. изображение, сделанное художником Хон Сокчханом, было принято в качестве образцового. Таким образом, возникла путаница. Правительство пояснило, что изображение общества «Хёнджонхве» – объект уважения, а то изображение, которое связано с религией *тэджонгё* – объект веры²⁶⁹.

В середине 80-х гг. XX в. активно обсуждался вопрос о строительстве храма Тангуна в Сеуле. В феврале 1985 г. с целью поднятия национального духа у подрастающего поколения было принято решение о строительстве такого храма. Но этот проект получил резкое сопротивление со стороны христианских

²⁶⁷ Чон Ёнхун. Хангугин-ый чончхесон-гва хонигинган инём (Идентичность корейцев и идея хонигинган) // Ко Чонсон Тангунхак. 2002. № 6. С. 147.

²⁶⁸ Носкова Н. Г. Идеи, основанные на мифе о Тангуне, в контексте проблемы национальной идентичности в Республике Корея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 10. С. 154.

²⁶⁹ Лим Чхэу. Хэбан ху тангун инсик-ый пёнхва-ва мундже (Изменение представлений о Тангуне после Освобождения Кореи) // Сондо мунхва. 2012. № 12. С. 53–55.

организаций²⁷⁰.

В 1987 г. был также поднят вопрос об отношении к Тангуну в учебниках по истории. В это время Комитетом по составлению истории были подготовлены комментарии к составлению истории, в которых говорилось, что «миф о Тангуне будет рассматриваться с той точки зрения, что в нем отражены исторические факты». Однако протестантская церковь выступила против подобной трактовки мифа о Тангуне в учебниках истории и развернула целое движение против этого²⁷¹. Этот конфликт попытался разрешить профессор Ли Манёль. Он отвергал точку зрения, что миф о Тангуне – это только миф, так как считал, что такое мнение – отражение колониального взгляда на историю, но также отвергал и то, что этот миф – исторический факт, видя в таком мнении отражение религии *тэджонгё*. Ли Манёль отмечал, что сюжет о Тангуне передает языком мифа исторические факты, что Тангун – титул правителя, а брак Хвануна и медведицы есть объединение двух племен. Такая точка зрения отражена и в современных учебниках²⁷².

Кроме того, необходимо отметить большое количество мероприятий и организаций, распространенных в РК и связанных с верой в Тангуна, которые могут свидетельствовать о значении идеи Тангуна в сознании современных корейцев. В восприятии Тангуна выделяют три основных направления. Согласно первому, Тангун – божество, такого взгляда придерживаются различные религиозные организации: *тэджонгё* (национальная религия), *тангунгё*, *кэчхонгё*, *кэчхонминджокхва* и т.д. Согласно второму, Тангун – исторический герой, предок нации, который, объединив племена, создал государство Древний Чосон и управлял им в соответствии с идеей *хонигинган* (общество «Хёнджонхве», Федерация общественных организаций страны «Чонгук сахветанчхе чхонёнханхве»). Третье направление считает, что Тангун – персонаж фестивалей, которые проводятся в основном местными органами самоуправления. Их целью является поддержание национального духа (ежегодный фестиваль, проводимый на

²⁷⁰ Лим Чхэу. Указ. соч. С. 60.

²⁷¹ Там же. С. 61.

²⁷² Пак Мёнсу. Тангунсан, чонгё усанинга ёксаджок чохёнмурина (Скульптура Тангуна, это религиозная или историческая скульптура) [Электронный ресурс] // Кхырисычхон тхудеи. 08.12.2008. URL: <http://www.christiantoday.co.kr/view.htm?id=205654> (дата обращения: 10.08.2015).

горе Марисан острова Канхвадо, ежегодно проводимые ритуалы в честь Неба и Тангуна на горе Тхэбэксан и др.)²⁷³.

Таким образом, приведенные выше примеры убеждают в том, что идеи заложенные в мифе, находят свое новое выражение, становятся, по сути, «актуализированной» и «трансформированной традицией» и частью политики идентичности, активно используются при решении задач, связанных с поддержанием национальной идентичности, а также позволяют судить о роли традиционной культуры в сохранении и поддержании национальной идентичности.

Актуальность и значимость мифа о Тангуне в южно-корейском обществе подтверждается и различными социологическими исследованиями.

7 августа 1985 г. в газете «*Кёнхян синмун*» была опубликована статья под названием «54% корейцев считают, что Тангун был реально существовавшей личностью»²⁷⁴. В этой статье были обнародованы результаты социологического опроса «Мнение граждан относительно Тангуна и строительства храма в его честь», проведенного Корейским институтом по изучению общественного мнения по всей стране среди корейцев старше 20 лет. Всего в опросе приняло участие 1031 человек. Полученные результаты указывают на значимую роль, которую играет Тангун в сознании корейцев. Так, более половины (54,4%) опрошенных считают Тангуна реально существовавшей личностью. Можно отметить, что среди тех, кто так ответил, в пропорциональном соотношении было больше людей в возрасте, а также людей с низким уровнем образования. Однако, абсолютное большинство опрошенных (75,4%), считающих, что нужно почитать Тангуна в качестве предка корейцев, не дает возможности усомниться в том, что идеи, связанные с Тангуном, были живы и активно функционировали в корейском обществе 80-х гг. XX в. Кроме того, респондентам был задан вопрос о

²⁷³ Ким Ыйсук. Тангунсинан-ый хёнсон-гва чонгэ (Формирование и развитие веры в Тангуна) // Канвонминсокхак. 2007. № 21. С. 505–506.

²⁷⁴ Хангугин 54% Тангун-ын сильджон инмуль («54% корейцев считают, что "Тангун был реально существовавшей личностью"») [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 07.08.1985 г. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&editNo=2&printCount=1&publishDate=1985-08-07&officeId=00032&pageNo=7&printNo=12265&publishType=00020> (дата обращения: 05.03.2016).

строительстве храма Тангуна. 67,3% опрошенных согласились с его строительством.

Интересно, что 78,5% опрошенных буддистов, 68,5% нерелигиозных людей, 54,4% католиков, 45,9% протестантов также дали положительный ответ на этот вопрос. Среди причин ответа «за строительство» 77% назвали именно то, что Тангун является «предком корейского народа». Подобные результаты, несмотря на споры, которые разгорелись в то время с протестантами и католиками относительно веры в Тангуна (они считали веру в него идолопоклонничеством), свидетельствуют все же о том, что в корейском обществе того времени вера в Тангуна, как предка корейского народа находилась вне религиозной плоскости. Об этом же говорит и то, что среди тех, кто почитает Тангуна и кто согласен со строительством храма Тангуна, сами бывали в храме, только 5,3%. Т.е. можно предположить, что вера в Тангуна скорее находится на уровне ментальности корейского народа и не является изобретением XX в.

22 апреля 1991 г. в газете «Тона ильбо» были опубликованы результаты опроса тридцати трех специалистов-гуманитариев. Опрос проводился с целью поиска «будущего символа». Важными традиционными национальными символами были признаны корейский флаг (31,8%), конфуцианские идеи (13,6%), миф о Тангуне (9,1%). Современными (т.е. соотносящимися с началом 90-х гг.) символами – корейская письменность *хангыль*, а также блюда корейской кухни *кимчхи* и *твенджан*, корейский флаг. Что касается ценностей, которые отмечались важными для будущего тогда XXI в., то были названы национальное согласие и единение, а символами, которые это смогут выразить – корейский флаг и песня *ариран*.

В 1997 г. ежемесячный журнал «Конгандан» провел опрос «О Тангуне» среди 944 жителей Сеула²⁷⁵. На вопрос «Кем Вы считаете Тангуна» 56% ответили, что «думают, что он – родоначальник нации». На вопрос, «был ли он реальной

²⁷⁵ «Тангиёнхо саён» чольбан номке хыйман (Более половины опрошенных хотят 'использовать летоисчисление *танги*') [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 02.10.1997. <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997100200329101014&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-10-> (дата обращения: 05.03.2016).

личность или нет», 43,3% ответили, что он был «реальной исторической личностью», 48,8% назвали его «героем мифа». Также у респондентов поинтересовались о их отношении к летоисчислению. 54,5% ответили, что хотели бы использовать одновременно и *танги*, и европейское летоисчисление (грегорианский календарь), только 23,4% хотели бы продолжать использовать только европейское летоисчисление. Также 73% респондентов считают «новое обращение к Тангуну будет полезным в формировании стержня нации» и только 9,7% считают это «не нужно», поскольку это противоречит тенденциям глобализации.

Несмотря на то, что опросы 1985 г. и 1997 г. проходили в разных условиях (один проходил по всей стране, другой – только в Сеуле; участвовало разное количество людей и вопросы тоже отличались), тем не менее, по нашему мнению, полученные результаты явно свидетельствуют о том, что Тангун занимал важное место в сознании корейцев 80–90-х гг. XX в., а также о том, что большинство корейцев РК считало его важным элементом в формировании, поддержании этнического самосознания.

В связи с этим большой интерес представляют исследования, посвященные изучению современной корейской идентичности. В зависимости от того, что является основанием для идентификации, можно выделить различные уровни идентичности: локальная, региональная, гражданская, этническая, конфессиональная, профессиональная и т.д. Важно, что индивид одновременно соотносится с несколькими группами и общностями, т.е. имеет множественную идентичность, при этом они не являются равноценными для него.

Институт Азиатских проблем при университете Корё, ежедневная газета «Чунан Ильбо» (중앙일보) и Институт восточноазиатских исследований в 2005, 2010 и 2015 гг. совместно провели опрос общественного мнения южных корейцев под общим названием «Идентичность корейцев». Респондентам было задано достаточно большое количество вопросов, связанных с различными уровнями идентичности.

Проведение опроса 2005 г. было приурочено к празднованию 60-летия освобождения от японского колониального господства. Несмотря на то, что за эти годы РК удалось добиться больших успехов в различных областях, есть и такие «темные стороны», как разделение на север и юг, а также внутреннее разделение по регионам, поколениям и взглядам. Безусловно данная ситуация отразилась и на определении своей идентичности корейцами²⁷⁶. По этой причине встал вопрос о том, будет ли кризис идентичности, который испытывают корейцы, положительным толчком к объединению в рамках новой идентичности, или же он повлечет за собой разделение и разрушение гражданской идентичности. В таких условиях и был проведен первый опрос, который строился вокруг вопросов, связанных с границами корейской нации, с выяснением условий осознания того, что значит быть корейцем, оценкой корейской истории, отношением к объединению.

В 2010 г. также отмечалась противоречивость ситуации, в которой находилась РК: с одной стороны, ее растущая международная роль, с другой же, напряженная обстановка на Корейском полуострове, стремительный рост Китая, а также нарастание недоверия и разногласий внутри самой страны. Поэтому в такой ситуации важным было выяснить «где мы и куда должны идти»²⁷⁷.

Кроме того, в опрос 2010 г. были добавлены вопросы, касающиеся отношения к «мультикультурной политике» и иммигрантам, а также отношения к странам, оказывающим влияние на РК.

Проведение опроса 2015 г. перед собой имело общую цель – «исследование идентичности», а также анализ его результатов давал возможность понять, как изменилась идентичность южных корейцев за последние десять лет.

Таким образом, целью проведенных социологических опросов было выяснение вопросов, кто же такие корейцы, и какое влияние на них оказывают постоянно меняющиеся условия, как внутри страны, так и в мире. Важно, что

²⁷⁶ 2005 Хангугин-ый чончхэсон чоса (Исследование идентичности корейцев 2005 г.) [Электронный ресурс] URL: http://www.eai.or.kr/type_k/p2.asp?catcode=1117100000&subcatcode=1117101100 (дата обращения: 05.03.2016).

²⁷⁷ 2010 Хангугин-ый чончхэсон чоса (Исследование идентичности корейцев 2010 г.) [Электронный ресурс] URL: http://www.eai.or.kr/type_k/p2.asp?catcode=1117100000&subcatcode=1117101000 (дата обращения: 05.03.2016).

исследователями был осознан тот факт, что идентичность корейцев не является решенным раз и навсегда вопросом. Она, во-первых, постоянно трансформируется, во-вторых, принимает разные формы в зависимости от возраста, мировоззрения, социального положения и т.д. Поэтому при опросе, этот факт тоже учитывался, и опубликованные результаты дают возможность проследить эти отличия.

В опросах приняли участие корейцы: мужчины и женщины в возрасте от 20 лет и старше, проживающие во всех регионах РК. В 2005 г. - 1038 человек, в 2010 г. – 1019, в 2015 г. – 1006. Опросы осуществлялись 31 августа – 16 сентября 2005 г., 22 октября – 8 ноября 2010 г. и 19 июня – 8 июля 2015 г.

По результатам исследований 2005, 2010, 2015 гг. было опубликовано несколько статей. По результатам опроса 2005, 2010 гг. была опубликована в 2011 г. книга «Корейцы, мы кто? Корейская идентичность на основе анализа социологических опросов». В книге отмечается, что идентичность корейцев носит очень сложный характер, который, во-первых, связан с разделением на север и юг, и соответственно, формированием независимой южнокорейской идентичности, во-вторых, процессами глобализации, активным участием РК на международной арене и формированием так называемой «глобальной идентичности»²⁷⁸.

Для того, чтобы выяснить какой вид идентичности южных корейцев является наиболее существенным, какова роль этнической идентичности, какие этноинтегрирующие и этнодифференцирующие маркеры функционируют, и какие тенденции можно наблюдать в изменении идентичности южных корейцев, нами был выбран ряд вопросов и проанализированы ответы, данные респондентами.

С целью выяснить, «какой уровень идентичности является наиболее важным в сознании корейцев», были проанализированы ответы респондентов на вопрос «Насколько близко Вы чувствуете свою принадлежность к следующим группам?». Среди групп были выделены 1) жители уездного

²⁷⁸ Хангугин, ури нугуинга? Ёронджоса-рыль тхонхэ пон хангугин-ый чончхэсон (Корейцы, кто мы? Корейская идентичность на основе анализа социологических опросов) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eai.or.kr/type_k/panelView.asp?bytag=p&catcode=1117101000&code=kor_book&idx=10446 (дата обращения: 05.03.2016).

города/волости/городского района, 2) жители города/уезда/муниципального округа, 3) жители города прямого подчинения/провинции, 4) граждане РК, 5) корейская нация, 6) азиаты, 7) «люди мира». Варианты предложенных ответов были следующими: «очень близко», «близко», «не очень близко», «совсем не близко», «нет ответа». Ниже в Таблице 1 представлены результаты, из которых видно, что на первом месте в иерархии идентичностей (учитывалась позитивная идентификация, т.е. сумма ответов «очень близко» и «близко») у респондентов оказалась «гражданская», т.е. отождествление себя именно с гражданами РК. Спустя пять лет такая позиция стала еще более выраженной (возросла с 76,8% до 83,8%). Иерархия идентичностей в 2005 г. в целом выглядит следующим образом: гражданин РК, представитель корейской нации, житель уездного города/волости/городского района, житель города/уезда/муниципального округа, азиат, житель города прямого подчинения/провинции, «человек мира».

В 2010 г. результаты опроса выглядели так: гражданин РК, жители города/уезда/муниципального округа, житель уездного города/волости/городского района, представитель корейской нации, житель города прямого подчинения/провинции, азиат, «человек мира». Можно увидеть, что достаточно сильно увеличилась роль локальной и региональной идентичности, положительная идентификация возросла на 15,4%, 21,3%, 22,2% соответственно, и в 2010 г. она несколько превысила этническую идентичность. Также наблюдается увеличение числа респондентов, отождествляющих себя с такой общностью как «азиаты» или «люди мира», что может являться следствием укрепления положения РК на мировой арене и вовлечения ее в процессы глобализации.

Таблица 1 – Ответы на вопрос «Насколько близко Вы чувствуете свою принадлежность к следующим группам?»²⁷⁹

		Очень близко	Близко	Очень близко + близко	Не очень близко	Совсем не близко	Не очень близко + совсем не близко	Нет ответа
Жители уездного города/волости/ городского района	2005	12,8%	40,4%	53,2%	32%	12,2%	44,2%	2,6%
	2010	24,5%	44,1%	68,6%	25,2%	5,9%	31,1%	0,3%
Жители города/ уезда/ муниципального округа	2005	8,6%	42,8%	51,4%	33,9%	11,9%	45,8%	2,7%
	2010	27,1%	45,6%	72,7%	22,3%	4,9%	27,2%	0,1%
Жители города прямого подчинения/провинции	2005	7%	30,6%	37,6%	40,9%	16,9%	57,8%	4,6%
	2010	20,6%	39,2%	59,8%	29,9%	9,8%	39,7%	0,5%
Граждане РК	2005	27,2%	49,7%	76,8%	17,2%	3,3%	20,5%	2,7%
	2010	41,1%	42,7%	83,8%	12,6%	3,4%	16%	0,2%
Корейская нация	2005	20,1%	43,8%	63,9%	25,7%	5,7%	31,5%	4,6%
	2010	22,3%	45,3%	67,6%	23%	9,3%	32,2%	0,2%
Азиаты	2005	11%	32,9%	44%	36%	14%	50%	6,1%
	2010	15,4%	36,3%	51,7%	34,6%	13,3%	47,9%	0,4%
«Люди мира»	2005	6,3%	20,8%	27,1%	44,1%	20,8%	64,9%	8%
	2010	8,1%	24,9%	33%	41,9%	24,7%	66,6%	0,4%

Ответы на вопрос «Насколько сильно Вы чувствуете близость с корейцами, живущими за границей» с одной стороны, в некоторой степени могут указывать на важность этнической идентичности в иерархии идентичностей корейцев, с другой – рассматривая отношения к соотечественникам по странам проживания, можно определить роль политического фактора в функционировании идентичности. Из приведенной ниже таблицы (Таблица 2) видно, что наблюдается усиление отрицательной идентификации в случае с соотечественниками, проживающими в Северной Корее, России и Китае, в случае же с США и Японией, наоборот, усилилась положительная идентификация. Можно предположить, что такая тенденция связана с политическим фактором, т.е. сложившимися политическими и экономическими отношениями РК с представленными странами. Важно отметить, что если в 2005 г. 73,5%

²⁷⁹ Данная и последующие таблицы составлены по результатам социологических опросов, результаты которых размещены на сайте Института азиатских проблем при университете Корё [Электронный ресурс]. URL: http://www.asiaticresearch.org/front/content/view.do?content_seq=29 (дата обращения: 05.03.2016).

респондентов отмечали близость с северными корейцами, и это был самый высокий показатель по странам, то уже в 2010 г. этот показатель упал на 18,3%, а наибольшую близость южные корейцы стали испытывать к соотечественникам из США и Японии.

Таблица 2 – Ответы на вопрос «Насколько сильно Вы чувствуете близость с корейцами, живущими за границей?»

		Чужие	Ближе к чужим	Отрицательная идентификация	Близко к РК	РК	Положительная идентификация	Нет
США	2005	4,9%	22,7%	27,%	39,0%	29,2%	68,2%	4,1%
	2010	2,5%	23,4%	25,9%	48,5%	25,2%	73,7%	0,4%
Япония	2005	4,4%	22,7%	27,1%	37,3%	31%	68,3%	4,7%
	2010	3%	23,2%	26,2%	50%	23,3%	73,2%	0,6%
Китай	2005	2,7%	22,6%	25,3%	41,9%	28,3%	70,1%	4,6%
	2010	5,1%	33,9%	38,9%	41,9%	18,7%	60,6%	0,5
Россия	2005	4,2%	26,4%	30,6%	38,3%	24,0%	62,3%	7,2%
	2010	7,3%	42,4%	49,7%	34,6%	14,5%	49,2%	1,1%
Северная Корея	2005	2,6%	19,1%	21,7%	39,9%	33,6%	73,5%	4,8%
	2010	8,1%	36%	44,1%	38,5%	16,7%	55,2%	0,7%

Анализ следующего ряда вопросов показывает, что южные корейцы включают в понятие «корейская нация», что ассоциируется с ним, и что является важным условием для того, чтобы быть «настоящим корейцем».

В 2005 г. на вопрос «Кого Вы относите к корейской нации» (были предложены варианты ответов) 79,7% респондентов ответили, что относят к корейской нации «жителей Северной Кореи», 71,1% – «соотечественников в первом поколении, живущих за границей», 34,2% – «соотечественников во 2 и 3 поколениях, живущих за границей», 57,9% – «усыновленных (удочеренных) за границу», 9,1% – «тех, кто оставил гражданство РК», 5,5% – не соотносят никого из названных с корейской нацией. В 2010 г. результаты в целом остались на прежнем уровне и составили соответственно 79,1%, 69,1%, 38,3%, 54,8%, 14%, 5,2%. Также 32,1% респондентов относят к корейской нации иностранцев, получивших гражданство РК, а 10,6% респондентов – владельцев двойного

гражданства. Можно обратить внимание на то, что такой фактор как гражданство приобретает все более важное значение в определении идентичности.

На вопрос «Что первое приходит Вам в голову, когда Вы слышите «корейская нация» (были предложены несколько вариантов ответов) в 2005 г. респонденты ответили следующим образом: корейский флаг (26,8%), «нация в белых одеждах» (26,5%), «единая нация» (17,4%), «Тангун» (11,8%), «хангыль» (10,4%), «гимн» (4,1%), «нет ответа» (1,7%), «национальный цветок гибискус» (1,1%), «другое» (0,4%). В 2010 г. «позиция корейского флага» значительно понизилась и составила всего 17,2%, вперед вышли «нация в белых одеждах» (27,2%) и «единая нация» (20,1%). Число респондентов ответивших «Тангун» также возросло и составило 16,5%. Из таких ответов можно сделать вывод, что по сравнению с 2005 г. в определении «корейской нации» стали превалировать маркеры, связанные с особенностями культуры корейского народа, а не с его политической составляющей, а также то, что роль мифологической составляющей в идентичности корейцев остается значимой и даже наблюдается ее усиление.

Ответы на вопрос «Насколько важными Вы считаете следующие положения, чтобы быть корейцем» указывают на маркеры, которые являются наиболее важными при определении корейцев. Из приведенной ниже таблице (Таблица 3) видно, что, несмотря на то, что такие этнодифференцирующие маркеры как владение языком, культурой по-прежнему занимают важное место, а их значение по сравнению с 2005 г. даже несколько увеличивается, маркеры, определяющие именно гражданскую идентичность и связь именно с общностью РК, занимают лидирующие позиции.

Таблица 3 – Ответы на вопрос «Насколько важными Вы считаете следующие положения, чтобы быть корейцем?»

		Очень важно	Достаточно важно	Очень важно + достаточно важно	Не очень важно	Совсем не важно	Не очень важно + совсем не важно	Нет ответа
Рождение в РК	2005	39,4%	42,5%	81,9%	16%	1,7%	17,7%	0,4%
	2010	39,4%	48,3%	87,7%	10,9%	1,3	12,2%	0,1%
Иметь гражданство РК	2005	47,4%	40,8%	88,2%	9,9%	1,2%	11,1%	0,7%
	2010	47,1%	42,3%	89,4%	10,1%	0,4%	10,5%	0,1%
Прожить большую часть жизни в РК	2005	25,4%	39,3%	64,6%	30,3%	4,4%	34,7%	0,7%
	2010	31,5%	46,8%	78,2%	20%	1,5%	21,5%	0,3%
Использование корейского языка	2005	42,9%	44,1%	87%	11,8%	0,8%	12,6%	0,4%
	2010	42,2%	45,5%	87,8%	11,3%	0,9%	12,2%	
Следовать закону и политической системе РК	2005	27,3%	50,2%	77,5%	17,1%	3,6%	20,6%	1,9%
	2010	30,9%	56,3%	87,3%	12%	0,5%	12,4%	0,3%
Сохранение кровного родства	2005	36,7%	44,2%	80,9%	16%	2,3%	18,3%	0,8%
	2010	33,3%	50,8%	84,1%	14,8%	0,5%	15,4%	0,5%
Понимание корейской истории и следование корейским традициям и обычаям	2005	34,4%	47,7%	82,1%	14,4%	2,5%	16,9%	1%
	2010	30,7%	55,1%	85,9%	12,9%	1,1%	14%	0,1%

Изменения во взглядах на территорию РК, произошедшие за пять лет, также свидетельствуют о тенденции, направленной на укрепление «южнокорейской идентичности». В 2005 г. 47,1% респондентов на вопрос «Что Вы считаете территорией РК?» ответили, что территорию Корейского полуострова, 25,8% – территорию Южной Кореи, 25,2% – Корейский полуостров и район Маньчжурии. В 2010 г. только 34,1% к территории РК отнесли территорию Корейского полуострова, 13,8% – территорию Корейского полуострова и район Маньчжурии. А количество людей, считающих территорией РК только район современной

Южной Кореи, возросло на 20% и составило 45,3%. В 2015 г. 61,5% респондентов в возрасте 20–29 лет считает территорией РК только территорию Южной Кореи²⁸⁰

Формулировка самого вопроса (8 вопрос в опросе 2005 г., 19 вопрос в опросе 2010 г.) вызывает интерес. Он звучит так: «Какое государство из пятитысячелетней корейской истории вызывает наибольшую гордость» (необходимо было выбрать из приведенных вариантов). Следовательно, утверждение, что корейская история насчитывает пятитысячелетнюю историю не вызывает сомнений, и прочно укрепилось в сознании корейцев. Результаты оказались несколько удивительными, поскольку считается, что в КНДР и РК истоки национальной культуры определяются по-разному. В Северной Корее акцент, якобы, сделан на культурных традициях Когурё, а в Южной – на Корё, сложившихся на силласких традициях²⁸¹.

Однако большинство опрошенных южных корейцев (33,7%) ответили, что именно Когурё вызывает у них наибольшую гордость. Далее результаты были следующими: РК (24,6%), Чосон (династия Ли) (9,1%), нет ответа (8,5%), Объединенная Силла (8,2%), Силла (6,4%), Корё (3,9%), Древний Чосон (3%), Пэкче (2,6%). В 2010 г. ответы распределились следующим образом: Когурё (30,4%), РК (29,2%), Объединенная Силла (9,8%), Чосон (9%), Силла (6,7%), Древний Чосон (5,9%), Корё (4,4%), Пэкче (2,9%), нет ответа (1,7%). Значение Древнего Чосона несколько укрепилось, что может свидетельствовать о важности мифологической составляющей в сознании корейцев. Кроме того, на вопрос «Кого среди исторических личностей (корейцев) Вы лично уважаете» (на этот вопрос нужно было ответить самостоятельно) в 2005 г. 0,3% респондентов вспомнили о Тангуне.

Отношение к северным корейцам и объединению также могут служить важным показателем того, какой уровень идентичности является для южных корейцев наиболее значимым. Итак, на вопрос «Что Вы думаете относительно

²⁸⁰ 2030 сэде Змён чун 1мён-ын «тэханмигук кунмин-ыро сальги сильтха» (1 из 3 человек в 2030 г. «не хочет быть гражданином РК») [Электронный ресурс] // Чунан ильбо 08.09.2015 <http://news.join.com/article/18620351> (дата обращения: 05.03.2016).

²⁸¹ Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002. С. 139.

объединения» в 2005 г. 17,4% ответили, что «нужно быстрее объединяться», 54,6% – «нужно регулировать скорость в зависимости от условий», 19,6% – «нет необходимости спешить», 7,9% – «нет необходимости объединяться». В 2010 г. количество ответивших, что нет необходимости спешить возросло до 23,5%, а тех, кто считает, что в объединении нет необходимости – до 19,3%. В 2015 г. с одной стороны, по сравнению с 2010 г. увеличилось количество тех, кто считает, что нужно скорее объединяться (16,3%, в 2010 г. это показатель равнялся 10,4%, однако уровня 2005 г. он так и не достиг), с другой стороны, количество тех, кто считает, что нет необходимости спешить также возросло (с 23,5% в 2010 г. до 31,9% в 2015 г.).

Также отмечается, что в 2015 г. больше половины опрошенных корейцев в возрасте 20–29 лет (56%) считают, что нет необходимости спешить с объединением или нет необходимости в объединении, а 60% респондентов в возрасте 50–69 лет, наоборот, считают объединение необходимым. Таким образом, можно проследить тенденцию к формированию «южнокорейской идентичности» и закреплению ее среди населения РК, особенно среди более молодого населения. Это подтверждается и тем, что в 2005 г. 91,2% опрошенных корейцев, подтвердили утверждение, что разница между образом мыслей северных и южных корейцев большая, а также изменившемся отношением к северным корейцам. В 2005 г. 45,5% опрошенных южных корейцев соотнесли северных корейцев и Северную Корею с собой (т.е. определили как «мы»), 52,1% – с «братьями», 48,7% – «с соседями», 18,4% – «с другими», 15,3% – «с врагами», 4,5% – «безразличны», 0,8% – «не знают или не дали ответа». В 2010 г. отношение к северным корейцам заметно ухудшилось: только 33,6% ответили – «мы», 44,5% – «братья», 35,4% – «соседи», 31,9% – «другие», 31,9% – «враги», 5,6% – «не проявляют интереса», 16% – «не знают или не ответили на этот вопрос». В 2015 г. тенденция 2010 г. в целом сохранилась: 35,6% – «мы», 43,8% – «братья», 43,2% – «соседи», 30,1% – «другие», 29,8% – «враги».

Результаты исследований дают возможность отметить такую тенденцию как усиление роли именно «южнокорейской идентичности», по сравнению с

этнической, общекорейской идентичностью, а также выход на первый план именно гражданской идентичности, постепенное увеличение значимости политической общности – «южнокорейской нации», по сравнению с этнической. Однако это не означает отказ от общекорейской этнической идентичности для южных корейцев. Она присутствует в полной мере, основным маркером ее как раз является общая история и культура.

Использование рассказа о Тангуне в различных учебных пособиях, предназначенных как для самих корейцев, так и для иностранцев, изучающих корейский язык, также может свидетельствовать о том месте, которое идеи с ним связанные, занимают в сознании современных южных корейцев.

Так, например, миф о Тангуне мы обнаруживаем в сборнике «Наша культура 100», где присутствует 100 небольших статей, посвященных корейской истории и культуре. Это то, что обязательно должен знать южнокорейский ребенок. Интересно, что рассказ о Тангуне расположен в разделе «Люди» и начинается со слов: «Тангун – это родоначальник нашей нации и правитель, основавший первое в нашей стране государство под названием Древний Чосон»²⁸². Внимание к Тангуну привлекается и при рассказах о Корее иностранцам. Так, в «Чтения о корейской культуре для иностранцев» Тангун рассматривается в разделе, посвященном корейским религиям, название параграфа – «Миф о Тангуне и шаманизм»²⁸³. Включая миф о Тангуне в такого рода книгу, составитель, таким образом, подчеркивает его роль для понимания специфики корейской культуры.

Современные исследователи также говорят о важности понимания мифа о Тангуне для формирования идентичности этнических корейцев, проживающих за ее пределами. Так, Ли Хану обращается к вопросу воспитания идентичности у корейцев, проживающих на территории Центральной Азии²⁸⁴. Он отмечает, что наблюдается недостаток интереса к проблеме идентичности, что долгое время

²⁸² Ури мунхва 100 (Наша культура 100). Сеул, 2007. С. 86.

²⁸³ Ким Хэок. Вегугин-ыль вихан хангук мунхва илькки (Чтения о корейской культуре для иностранцев). Сеул, 2010. С. 184.

²⁸⁴ Ли Хану. Тангунсинхва-рыль тхонхан корёин чончхесон кёюк (Воспитание идентичности *корёин* через миф о Тангуне) // Хангуксан-гва мунхва, 2010. Вып. 55. С. 459–482.

основное внимание было сосредоточено на достижении взаимопонимания с корейцами (т.е. акцент был сделан на изучении корейского языка), то теперь же необходимо сосредоточиться на преподавании и понимании культуры. Для того, чтобы у корейцев Центральной Азии появилась гордость быть корейцем необходимо соответствующее воспитание, в котором отправной точкой может послужить миф о Тангуне, поскольку именно он содержит в себе значительный пласт корейской культуры.

3.3 Функционирование идей о Тангуне в Корейской Народно-Демократической Республике

Трансформация образа Тангуна в Северной Корее тесно связана с изменениями, которые происходили в исторической науке этого государства, и которые, в свою очередь, были обусловлены идеологическими установками. Идеология, безусловно, отражалась как на развитии исторической науки в целом, так и изучении Тангуна и Древнего Чосона, в частности. И даже если выводы северокорейских историков вызывают сомнения, то отрицать тот факт, что они являются отражением того исторического сознания, которое стремятся укоренить в обществе, нельзя. Южнокорейский исследователь Но Тхэдон, отмечая в последнее время упадок интереса в РК к результатам исследования в северокорейской науке, напротив, особо подчеркивает необходимость проведения таких исследований. Оставляя в стороне вопросы, связанные с уместностью научных успехов северокорейских ученых и возможностью их использования, необходимо учитывать тот факт, что они оказывают и будут продолжать оказывать влияние на формирование исторического сознания населения²⁸⁵. Следует добавить, что последнее является одним из важнейших факторов определяющих этническое самосознание, а также его неперенным элементом.

²⁸⁵ Но Тхэдон Пукхан хакке-ый кочосонса ёнгу тонхян (Тенденции в исследовании истории Древнего Чосона в северокорейской науке) // Тангун-гва Ко Чосонса. Сеул, 2000. С. 240.

1993 г. стал поворотным в понимании значимости образа Тангуна в КНДР. В целом, если рассматривать общую тенденцию отношения к нему за весь период с образования КНДР и по начало 90-х гг. XXв., то в Северной Корее наблюдалось отрицательное отношение к так называемому «национализму Тангуна», а представление о нем, как об общенациональном предке, не было распространено. Сам миф анализировался с точки зрения классовой борьбы. Государство Чосон Тангуна трактовалось как рабовладельческое, а сам Тангун как тот, кто «с помощью силы осуществлял свою власть над народом». Также отрицательным было и отношение к поклонению Тангуну, поскольку оно представляло собой один из вариантов поклонения предкам, которое трактовалось в Северной Корее как идеологическое средство рационализации политики правящего класса в отношении класса эксплуатируемого²⁸⁶. Официальное признание культа предков в КНДР относится к середине 1990-х гг., когда стала проводиться общегосударственная церемония жертвоприношения духу Тангуна²⁸⁷.

Но Тхэдон, рассматривая тенденции в изучении Древнего Чосона в КНДР, выделяет четыре периода. В первый, который приходился на 1945-1956 гг., одной из задач стоявшей перед историками была критика исторического взгляда, навязанного японской колониальной политикой. В это время еще не проявились особенности северокорейской исторической науки, формировались только тенденции, которые отразились в следующем периоде. Описание Древнего Чосона, представленное в вышедшей в 1956 г. «Истории Кореи», почти не отличалось от описания в «Экономической истории корейского общества», написанной в 1933 г. Пэк Намуном. Там Древний Чосон – ранняя ступень первобытного общества, т.е. союз племен, а его правитель «ван» - вождь союза племен²⁸⁸.

²⁸⁶ Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква тангунсунан (Понимание Тангуна и вера в Тангуна на Юге и Севере) // Ко Чосон Тангунхак (Изучение Древнего Чосона и Тангуна). 2005. Вып. 12. С. 207.

²⁸⁷ Толстокулаков И. А. Положение религии в КНДР: история и современность. // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30-31 марта 2010 г.) М., 2010. С. 178.

²⁸⁸ Но Тхэдон. Указ. соч. С. 244–245.

В следующий период (1957 – 1966 гг.) дискуссии вокруг Древнего Чосона развиваются активно, в основном, они были связаны с определением местоположения Древнего Чосона и выяснением характера общества того времени.

Относительно местоположения тогда выдвигалось две точки зрения – район провинции Ляонин и район Пхеньяна. Дискуссии активно велись, пока в 1963 г. господствующей не становится, так называемая, «теория Ляонина». С того времени и вплоть до 1993 г. теория о центре Древнего Чосона в районе Пхеньяна исчезает из северокорейской науки²⁸⁹.

Что касается характера общества, то оно характеризовалось как рабовладельческое. Такой подход отражен в «Истории Кореи», изданной в 1962 г. Диффузионизм и теория заимствования были отвергнуты, было задано направление работы на подтверждение тезиса независимого внутреннего развития Кореи²⁹⁰.

Что касается взгляда на самого Тангуна, то Чон Ёнхун приводит цитату из «Истории Кореи», опубликованной в 1962 г. в Пхеньяне, которая демонстрирует явно отрицательное отношение к нему. Считалось, что миф о Тангуне отражает особенности исторического периода, характерные при переходе от первобытного общества к рабовладельческому. В «Истории Кореи» сообщалось, что «в Южной Корее, которая служит американским империалистам, этот миф принимают за исторический факт, пытаясь таким образом парализовать научное мышление народа. Они называют Тангуна «родоначальником нации» и даже утвердили так называемое летоисчисление *танги*. Цель их заключается в том, чтобы посредством мистификации основы корейской нации парализовать классовое сознание корейцев, а также поддерживая националистические идеи, использовать их в качестве средства борьбы с коммунизмом»²⁹¹.

Третий период в исследования Древнего Чосона приходится на 1967 – 1992 гг., Но Тхэдон связывает его с распространением идей *чучхе* и застоём в

²⁸⁹ Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква ... С. 204.

²⁹⁰ Но Тхэдон. Указ. соч. С. 253.

²⁹¹ Цит. по Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква ... С. 205.

науке. Тенденции в исторической науке, которые наметились в предыдущем периоде, стали активно проявляться в это период. Это можно проследить на примере эволюции теорий автохтонного этногенеза корейцев. На основе результатов, проведенных археологических раскопок в 1970-е гг. была выдвинута теория «единого происхождения». Позднее она послужила основой для формирования теории происхождения корейцев от коренных жителей, а последняя в свою очередь в 1990-е гг. была развита в рамках теории о «центральном положении Пхеньяна» в этногенезе корейцев, и позволила говорить о существовании «тэдонганской археологической культуры»²⁹² и создании Тангуном первого древнего корейского государства в бассейне реки Тэдонган²⁹³.

С распространением идей *чучхе* и уменьшением роли марксизма, тем не менее, в представлениях о Тангуне в этот период кардинальных изменений не происходило. В учебнике 1972 г. сказано, что миф о Тангуне не есть исторических факт, а был создан как средство, «парализующее классовое сознание народа». И даже Кан Инсук, известный своими исследованиями Тангуна и Древнего Чосона, до начала 1990-х гг. несмотря на то, что отмечал отражение исторических фактов в этом мифе, четко высказывал мнение о том, что нельзя рассматривать Тангуна и Чосон Тангуна как начало национальной истории²⁹⁴. Такая же точка зрения отражена и в «Истории Кореи» 1987 г., где миф о Тангуне назван «приукрашенным мифом» об основании государства для укрепления собственной власти через сакрализацию основателя²⁹⁵.

О скорее отрицательном отношении к Тангуну в это время также пишет Ли Джонсок. Он отмечает, что, несмотря на то, что в Северной Корее до обнародования результатов раскопок, миф о Тангуне приводили в качестве

²⁹² Акуленко В. С. Эволюция автохтонных теорий этногенеза корейцев в КНДР // Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29-30 марта 2012 г. М., 2013. С. 255–264.

²⁹³ Тэдонганская культура. Пхеньян, 2001. С. 92.

²⁹⁴ Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква ... С. 206.

²⁹⁵ Чон Миён Пукхансахве-ый чонхонмунхва инсик (Понимание традиционной культуры в северокорейском обществе) // Хангук минджок мунхва 27. 2006. № 4. С. 395.

доказательства древности корейской нации, его реальность отвергали, называя «искажением и преувеличением феодальных и буржуазных историков»²⁹⁶.

Такое понимание роли Тангуна в обозначенный период несколько отличается от того, что описано в работах отечественных исследователей. Так, М. Н. Пострелова (2001), И. А. Толстокулаков (2010) отмечают, что уже с 1963 г. Тангун в северокорейской исторической науке выступает, как историческая личность и его реальное существование не подвергалось сомнению. Однако, И. А. Толстокулаков, с другой стороны, также подчеркивает, что, несмотря на это, «Тангун оказался не востребовавшимся северокорейскими идеологами и до поры до времени не превращался в определенную историческую установку»²⁹⁷.

Важно отметить, что почва для изменения в восприятии Тангуна, как части традиционной культуры, готовилась в Северной Корее заранее: постепенно изменялось отношение к традиционной культуре, изменялись ключевые условия в определении «нации».

В Северной Корее национальная культура не притеснялась, но редко акцентировалось на ней внимание. Обращение к национальной культуре связывают с 1986 г., когда была сформулирована идея *минджок чешльджуи* («превосходство корейской нации»). Она объяснялась в рамках идей *чучхе*: основной задачей стало укрепление национального достоинства и чести. Таким образом, получается, что обращение к национальной культуре было требованием идеологии *чучхе*²⁹⁸.

До 1960-х гг. в Северной Корее «нация» определялась как устойчивая группа людей, образованная в результате долгой истории и на основе общности языка, территории, экономической жизни и психического состояния. Начиная с 1970-х гг. это понятие корректируется, особо подчеркивается национальная независимость и в качестве важного элемента, определяющего нацию, вводится

²⁹⁶ Ли Джонсок Тангунваннын пальгуль-гва пукхан-ый минджокчуй (Раскопки гробницы Тангуна и северокорейский национализм) // Тхониль хангук. 1994. № 4. С. 68.

²⁹⁷ Толстокулаков И. А. Положение религии в КНДР: история и современность. // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30-31 марта 2010 г.). М., 2010. С. 177.

²⁹⁸ Ли Джонсок. Указ. соч. С. 69.

кровное родство. Именно этот элемент, «кровное родство», был внесен в понятие «нации», когда оно только формировалось в самом начале XX в. И именно такое его определение позволило обратиться к идее «Тангун – первопредок корейской нации».

В 1980 г. из понятия «нация» исключается общность экономической жизни и акцентируется внимание на кровном родстве²⁹⁹.

Подобные изменения во взглядах на содержание категории «нация» в Северной Корее к концу 1980-х гг. давали возможность обратиться к традиционной культуре и даже представить вариант объединения Корей, несмотря на их классовые и идеологические противоречия.

2 октября 1993 г. было обнародован доклад Академии общественных наук КНДР о раскопках гробницы короля Тангуна, в котором сообщалось, что «Тангун – родоначальник корейской нации, пять тысяч лет назад он создал первое на Востоке государство Чосон, основав столицу в Пхеньяне». Таким образом, подтверждалось и официально признавалось реальное, а не мифическое существование Тангуна, а также то, что Пхеньян является одним из мест «возникновения человечества», «очаг корейской нации», «место возникновения первого государства». Корейцы в этом докладе названы «потомками Тангуна»³⁰⁰.

Возникает вопрос, с чем было связано такое резкое изменение в политической идеологии Северной Кореи в восприятии Тангуна, какие цели преследовало обращение к Тангуну и определение его в качестве «предка корейцев».

Южнокорейские исследователи отмечают, что раскопки гробницы Тангуна и признание Пхеньяна столицей Древнего Чосона, а, следовательно, и центром истории и культуры корейского народа должны рассматриваться не только и не сколько в контексте истории, сколько в контексте политики. Обращение к ценности национальной культуры, в том числе и к гробнице Тангуна, проходило в условиях системного кризиса, вызванного распадом социалистического лагеря и

²⁹⁹ Ли Джонсок. Указ. соч. С. 70–71.

³⁰⁰ Тангун-гва кочосон-е кванхан ёнгуронмунджи (Сборник статей по изучению Тангуна и Древнего Чосона). Пхеньян, 1994. С. 4–12.

застоем в экономике в КНДР. Значит, обращение к Тангуну, во-первых, было своего рода средством преодоления сложившегося кризиса. Актуализация национальной культуры, по сути, содержало в себе обращение ко всем корейцам полуострова, несмотря на разность политических систем и государственное разделение. Утверждалось, что все они имеют «одни корни», единую культуру. Ли Джонсок назвал это «поиском пути примирения с южнокорейским национализмом для сохранения северокорейской системы»³⁰¹.

Во-вторых, обращение к Тангуну связывают с попыткой насадить культ Ким Ирсена. По замыслу северокорейских идеологов, через особое отношение к Тангуну гражданам навязывался культ покойного Ким Ирсена. Как отмечает И. А. Толстокулаков, сегодня «Великий Вождь» и «Великий Руководитель» освящены «тангунской мифологией». Ким Ирсен наделялся способностями героического предка – основателя социалистической Кореи³⁰².

В-третьих, нам кажется важным отметить роль Тангуна в объединении Кореи. В самом докладе о раскопках гробницы Тангуна подчеркивается его особая роль: «Соотечественники Севера, Юга и заграницы, беспокоящиеся о судьбе нации, будут ставить превыше всего кровную однородность потомков Тангуна, независимо от политических убеждений, вероисповедания и имущественного положения, и вносить достойный вклад в преодолении трагедии раскола, которую переживает наша нация по вине внешних сил»³⁰³. Южнокорейские исследователи также видят в этом сохранение и возрождение общего как для Севера, так и для Юга культурного пласта, что дает возможный путь к объединению.

После того, как в КНДР была принята новая точка зрения относительно восприятия Тангуна, начинается ее активная пропаганда. В 1994 г. был опубликован на корейском, английском, русском языках сборник научных статей,

³⁰¹ Ли Джонсок. Указ. соч. С. 69.

³⁰² Толстокулаков И. А. Положение религии в КНДР: история и современность. // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30-31 марта 2010 г.). М., 2010. С. 178.

³⁰³ Тангун-гва кочосон-е кванхан ёнгуронмунджи (Сборник статей по изучению Тангуна и Древнего Чосона). Пхеньян, 1994. С. 4–12.

посвященных изучению Тангуна. В статьях с разных точек зрения постулируется тезис о том, что «корейская нация – единая нация с древней историей, а родоначальником нации является Тангун». История о Тангуне активно привлекается в качестве материала для различных учебных пособий³⁰⁴.

Что касается современного отношения к Тангуну в Северной Корее, то можно предположить, что в Энциклопедии (2007 г.), которая была нам доступна для изучения, отражена официально принятая точка зрения. Миф о Тангуне представлен в ней как рассказ об основании государства. Мифическая история Древнего Чосона трактуется как реальная. Также там сообщается о том, что на 82 г. *чучхе* (1993 г.) недалеко от Пхеньяна в гробнице Тангуна были обнаружены кости Тангуна, и, таким образом, было доказано, что он является не мифическим персонажем, а «реальным лицом», а история корейской нации насчитывает «пять тысяч лет»³⁰⁵.

3 октября был установлен в качестве праздника *кэчхонджоль*³⁰⁶. С 1995 г. в гробнице Тангуна проводятся мероприятия, посвященные празднованию *кэчхонджоль*. Кроме того, в южнокорейской прессе сообщается, что в 2002, 2003, 2005 гг. проходили северо- и южнокорейские совместные мероприятия, а 2014 г. представители южнокорейской стороны прибыли в Пхеньян и приняли участие в общенациональных мероприятиях, проходивших в гробнице Тангуна. В 2015 г. в связи с празднованием в Северной Корее 70-летия Трудовой партии Кореи проведение совместных мероприятий было невозможным, поэтому в этот раз мероприятия проходили отдельно, в Сеуле на площади Кванхвамун и Пхеньяне у гробницы Тангуна. В обращении Комитета по подготовке совместного празднования *кэчхонджоль* и Совета по мирному объединению нации Тангуна со стороны юга и такого же совета со стороны севера говорилось, что вражда среди единого народа приносит больше вреда, чем пользы, и что нужно вступить в борьбу, которая бы положила конец этому противостоянию³⁰⁷.

³⁰⁴ Чон Ёнхун. Нам-гва пуг-ый тангунинсик-ква ... С. 211.

³⁰⁵ Кванмёнпэкквасаджон 1. Чосон-ый рёкса (Энциклопедия. История Кореи). Пхеньян, 2007. С. 36–37.

³⁰⁶ На юге этот праздник был установлен в качестве официального в 1949 г.

³⁰⁷ Намбук, кэчхонджоль маджа кондонхосомун ... «тонджоктэгэль пэкхэмуик» (Общее северо- и южнокорейское заявление, приуроченное к празднованию кэчхонджоль ... «от разделения единого народа больше

Об официальном отношении к Тангуну может также свидетельствовать информация, размещенная на северокорейских сайтах. Так, на государственном портале КНДР «Нэнара»³⁰⁸ в разделе «Обзор истории» имеется статья «Первое государство корейской нации», где рассказывается о Древнем Чосоне и упоминается о том, что это государство также называют Чосон Тангуна (по имени родоначальника). Сообщается, что Тангун вслед за своим отцом Хвануном стал вождем племенного союза, переформировал старый аппарат управления, основал Чосон. Важно подчеркнуть, что мифическая часть рассказа отсутствует, и она объясняется тем, что «верившее в небесного бога племя пакдар, слившись с почитавшими животных племенами, образовало единый союз».

Формулировка «5-тысячелетняя история» не раз встречается в статьях этого сайта. В разделе «Национальная культура» мы находим цикл статей «По памятникам старины в Пхеньяне», и первая из них посвящена гробнице Тангуна (статья была размещена на сайте в ноябре 2015 г.). Заканчивается статья следующей фразой: «Реконструированная гробница Тангуна отражает дух Тангунской Кореи – могучей державы на Востоке. Подтверждая единокровность и долгое существование нашей нации, она вызывает у всех корейцев большую национальную гордость»³⁰⁹.

Интерес также вызывает статья «Прославляя седую историю и культуру нации», где говорится о важности сохранения национальной культуры, «национальность – это свойственные одной нации черты, но они сохраняются и передаются потомками не сами собой», и здесь указывается на роль Ким Ирсена и Ким Ченира в этом процессе. Нам представляется, что в этом случае очень хорошо прослеживаются элементы конструктивизма этой традиции. В статье также сообщается, что Ким Ченир, посетив реконструированную гробницу, отметил, что «великий вождь вернул корейцам родоначальника нации – Тангуна,

вреда, чем пользы») [Электронный ресурс] // Ёнхап нюсы от 03.10.2015. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2015/10/03/0200000000AKR20151003033351014.HTML?input=1195m> (дата обращения: 05.03.2016).

³⁰⁸ Нэнара. Чосон минджуджуй инмин конхвагук (Нэнара. Корейская Народно-Демократическая Республика) [Электронный ресурс]. Пхеньян, 2004-2016. URL: <http://naenara.com.kp/ko/> (дата обращения: 01.05.2016).

³⁰⁹ Там же.

считавшегося в тысячелетиях тревожных времен истории мифической личностью, и принял мера для великолепного обустройства его гробницы подобно могиле родоначальника корейской нации, чтобы корейцы передавали из поколения в поколение и гордились седой историей Кореи и мудростью своей нации»³¹⁰.

В трудах Ким Ченына также находим упоминания о Тангуне. В труде «Охрана национального наследия – патриотическое дело, нацеленное на прославление истории и традиций нашей нации» он пишет о важности сохранения национального наследия, считая его проявлением патриотизма. Он подчеркивает, что культура «дает возможность воспитать у людей глубокое чувство национальной гордости и достоинства». Особо автором отмечается важность воспитательной работы, чтобы молодые люди и дети знали свою историю, культуру. И в конце он обращается со следующими словами: «Все соотечественники на Севере, Юге и за рубежом – потомки Тангуна, в чьих жилах течет одна кровь. Пусть все соотечественники, находясь на позиции приоритета своей нации, имеют общее понимание вопроса истории, ведут широкий научный обмен по вопросам национального культурного наследия и тем самым содействуют прославлению истории Тангунской Чосон»³¹¹

Рассматривая вопрос о функционировании идей, связанные с Тангуном, в северокорейском обществе, можно привести примеры, когда теоретики *сонгун* для подтверждения особой роли оружия обращаются к корейской истории, к легендарному правителю древности – Тангуну, который в делах «построения сильного государства основывался на понимании того, что именно сила оружия дает необходимую власть»³¹². Также в контексте все той же идеи *сонгун* фигурирует гора Пэкту. «В рамках идей *сонгун* затрагивается очень важный и интересный аспект – связь традиции вооруженных сил с горой Пэкту, с которой отдельные ученые ассоциируют гору Тхэбэк, на которую спустился повелитель

³¹⁰ Нэнара. Чосон минджуджуый инмин конхвагук (Нэнара. Корейская Народно-Демократическая Республика) [Электронный ресурс]. Пхеньян, 2004-2016. URL: <http://naenara.com.kp/ko/> (дата обращения: 01.05.2016).

³¹¹ Ким Чен Ын. Охрана национального наследия – патриотическое дело, нацеленное на прославление истории и традиций нашей нации. Беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 24 октября 103 года чучхе (2014). 14 с.

³¹² Курбанов С. О. Основные положения северокорейских «идей приоритета армии» - сонгун // Восточная коллекция. Осень 2001. № 4. С. 58–65.

небес Хванун, родивший Тангуна». С горой Пэкту связано и большое количество историй из жизни и деятельности Ким Ирсена, а Ким Ченир, считается рожденным в горах Пэкту³¹³.

Таким образом, на основе изучения исследовательских работ ученых Северной и Южной Кореи, а также привлечения различных источников можно утверждать, что на сегодняшний день в Северной Корее идеи, связанные с Тангуном, также активно функционируют. Они принимают иную форму, чем в Южной Корее, однако их присутствие отрицать нельзя.

Миф о Тангуне вызывал и продолжает вызывать огромный интерес среди исследователей: в нем ищут отражение фактов истории и культуры. В последнее время в южнокорейской научной литературе стали активно рассматривать этот миф и идеи, с ним связанные, в контексте идеологии и политики, раскрывать особенности бытования мифа в разные исторические периоды, выявлять этапы трансформации образа самого Тангуна, выяснять причины, повлиявшие на новое обращение к нему и корректировку его содержания. Исследователи отмечают, что всплески интереса к Тангуну проявлялись в условиях, когда страна оказывалась перед опасностью потерять независимость и должна была противостоять внешней агрессии, когда нужна была основа для консолидации всего народа. Всплеск интереса к идеям Тангуна в настоящее время нам представляется возможным рассматривать также и в контексте проблемы разделения некогда единого этноса.

На сегодняшний день в обеих Кореех идеи, связанные с мифом о Тангуне, по-своему активно используются для решения тех проблем, перед которыми оказалось корейское общество, как южнокорейское, так и северокорейское. Выполнение этим мифом так называемой «идеологической функции» не было изобретением XX в. и тем более XXI в. Важно отметить, что возможность использования этих идей в такой функции было обусловлено долгой историей бытования этого мифа и закреплением его в качестве важного элемента корейского самосознания. Тангун имеет непосредственное отношение к

³¹³ Курбанов С. О. Основные положения северокорейских ... С. 58–65.

«представлению о корнях», которое связано с национальным самосознанием, культурным единством и традиционным пониманием основы и конца³¹⁴.

Что касается «единого корейского этноса», то на сегодняшний день одновременно на него воздействуют разнообразные процессы. С одной стороны, в двух Кореях, наблюдается тенденция к восстановлению «общего», например, образа Тангуна, «как прародителя всех корейцев и основателя Кореи», даже, несмотря на то, что в каждом государстве он приобретает свои специфические черты. С другой стороны, наблюдается усиление противопоставления «свой – чужой», проявление которого можно увидеть в различном отношении к одним и тем же событиям истории, явлениям культуры, попытке «поделить» общую культуру. В условиях разделения нации такие процессы представляются логичными, ведь важно акцентировать внимание именно на отличиях. Так, например, произошло с *кимчхи*. В 2013 г. южнокорейский *кимджан*, процесс изготовления *кимчхи*, был занесен в список нематериального наследия ЮНЕСКО. В 2015 г. северокорейский вариант *кимчхи* также был внесен в список. Наследие Когурё делят не только два корейских государства, но и КНР. В 2004 г. гробницы Когурё были включены в список ЮНЕСКО дважды как северокорейский и китайский памятник³¹⁵. Однако этого не происходит в отношении восприятия Тангуна. Ни одна из сторон не отказывается от него, и для той, и для другой он выступает как «первопредок, основатель первого корейского государства».

Какие тенденции будут оказывать большее влияние, и о каких этнических процессах можно будет говорить в будущем, на это в большей степени сегодня оказывают влияние политика и экономика. В случае, если тенденции к консолидации окажутся сильнее, то возможно «восстановление-формирование» общего корейского самосознания, выражением которого должно стать и появление или возрождение общего этнонима. Оставляя в стороне вопросы политического и экономического объединения, важно подчеркнуть, что объединение народа невозможно без объединяющей культурной основы. Многие

³¹⁴ Мин Ёнхён. «Тангунхак» кэнём-ый чхольхакчок кочхаль-гва кы чопкын (Философское исследование понятия «Тангунхак» и соответствующий подход к изучению) // Тангунхак ёнгу 9. С. 194.

³¹⁵ Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М., 2012. С. 241.

исследователи указывают именно на потенциал идеи Тангуна, называют его «драгоценным средством в объединении нации и сохранении единства Севера и Юга, разделенных уже более пятидесяти лет»³¹⁶.

Выделяются разные уровни идентичности. И объединение на политическом уровне не может гарантировать объединения «этнического». Однако пока корейский народ сохраняет, а политика обоих государств поддерживает в той или иной мере сохранение той базы, которая могла бы лечь в основу «культурного объединения», представляется возможным перспектива объединения.

3.4 Современные корейцы – два государства, две нации

В настоящее время на Корейском полуострове существует два государства. Южные корейцы называют свою страну *Тэхан мингук* (대한민국, Республика Корея), где «Корея» передается с помощью слова *Тэхан*. Официальное название Северной Кореи - *Чосон Минджуджуи Инмин Конхвагук* (조선민주주의인민공화국, Корейская Народно-Демократическая Республика), где «корейская» передается с помощью слова *чосон*. *Чосон* и *хан* восходят к древним этнонимам, которые впоследствии были перенесены на названия государств.

Название страны, безусловно, является важной составляющей этнического самосознания. Внешним проявлением этнического самосознания является самоназвание (этноним). Несмотря на постоянно происходящие изменения в структуре этнического самосознания, сам этноним достаточно устойчив и его замена – нечастый случай. Этноним часто совпадает с названием соответствующего языка, в некоторых случаях, он становится политонимом – названием государства, что подтверждается примером ситуации на Корейском полуострове.

³¹⁶ Тангун-ын чаджу, тхонхап-ый санджин ... нампуктхониль вихан часан (Тангун - символ независимости и единства ... Основа для объединения Севера и Юга) [Электронный ресурс] // Сэге ильбо 02.10.2013 URL: <http://www.segye.com/content/html/2013/10/02/20131002005427.html?OutUrl=naver> (дата обращения: 01.05.2016).

Название государства, с одной стороны, можно рассматривать как формальный конструкт, с другой же, закрепление этого конструкта в обществе невозможно без наличия определенной базы, способствовавшей этому. Многочисленные дискуссии, которые разворачивались каждый раз, когда ставилась задача определения названия для Корейского государства, свидетельствуют о не совсем формальной его роли. Ведь название страны должно восприниматься как политический символ, символ единства, для этого оно должно основываться на четкой теоретической базе и быть широко воспринято населением³¹⁷.

В начале XXI в. вопрос о названии страны также продолжает оставаться актуальным для корейского общества. Особый интерес он вызывает в свете возможного объединения Севера и Юга. Еще в 1993 г. стали обсуждаться варианты названия для единой страны. Своё мнения по этому поводу тогда высказали поэт Ко Ын и профессора Пак Хёнчхэ и Хан Ёну. Ко Ын в качестве вариантов рассматривал *Чосон*, *Корё* и *Хангук*, а также предлагал обсудить *Ариран*. Пак Хёнчхэ отстаивал вариант *Корё*, Хан Ёну – *Кхория* (Korea 코리아). Вариант *Кхория* в 2010 г. поддержал и профессор Чо Донголь³¹⁸. Профессор Чон Губок, отмечая какие вопросы могут возникнуть в случае принятия названия *Корё ёнбандже* (고려연방제, Федерация Корё) – варианта, предложенного Севером, и *Кхория*, предложенного Югом, остановился на названиях *Чохан* или *Ханджо*, т.е. на вариантах, образованных из сочетания слогов от *Тэхан мингук* и *Чосон*. Особенно он выделил *Чохан*, где *чо* соответствует *Чосон Тангуна* и *хан* – *Самхан*³¹⁹.

Южно-корейское общество также не остается в стороне от обсуждения вопросов, связанных с названием страны, что свидетельствует о важности этого вопроса. 4 июля 2002 г. в «OhmyNews» была опубликована статья «우리나라

³¹⁷ Хо Ёль. Конгук квадзон-есое кукхо нонджэн-е тэхан пунсок (Анализ дискуссий, связанных с выбором названия, развернувшихся в период образования государства) // Хангук минджок мунхва, 2004. Вып. 24. С. 350.

³¹⁸ Чон Губок. Ури нара кукхого – ханбандо тхониль иху кукхо чеджон-ыль вихан кичхо ёнгу (Исследование названий государств в Корее – Базовое исследование для определения названия страны после объединения государств Корейского полуострова) // Чансогак, 2013. Вып. 29. С. 310.

³¹⁹ Там же. С. 326–327.

국호는 '코리아'가 아니다» («Название нашей страны – не «Кхория»»)³²⁰. В ней отмечалось, что «Кхория» - это название Кореи, которое используется в англоговорящих странах, настоящее же название страны – *Тэхан мингук* (*Хангук* или *Тэхан*), что закреплено на государственном уровне. Поэтому автор статьи призывал граждан называть свою страну правильно.

О чем может свидетельствовать использование корейцами на сегодняшний день в качестве основы для названия своей страны разных этнонимов? О коренных изменениях этнического самосознания, о происходящих процессах этнической парциации, которая ведет к разделению некогда единого этноса на два? В пользу этого говорят результаты опроса «Самосознание корейцев», проведенного в 2005-2015 гг., которые показали, что главным элементом корейского самосознания в его южнокорейском варианте становится принадлежность именно к политической общности, «нации Республики Корея», а не к «корейскому этносу» или «населению Корейского полуострова».

С другой стороны, если учитывать тот факт, что каждая из стран другую называет в соответствии со своим названием: в Южной Корее Северную называют *Пукхан* (북한 Северная Хан), а в Северной Южную – *Намджосон* (남조선 Южный Чосон), т.е. каждая сторона как бы отождествляет себя с другой стороной и, тем самым, подчеркивает свое единство, то с вышеуказанным предположением согласиться сложно. Нельзя отбрасывать и тот факт, что этнические процессы не происходят изолированно, на них оказывают огромное влияние политические и социально-экономические факторы, поэтому от результатов внутрикорейского политического диалога во многом зависит сохранение общекорейского самосознания, а значит, возможно, и будущее название единого корейского государства.

³²⁰ Ким Ёнджин. Ури нара кукхо-нын «Кхория»-га анида (Название нашей страны – не «Кхория») // OhmyNews. 4 июля 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://entertain.naver.com/read?oid=047&aid=0000005680> (дата обращения: 05.02.2016).

Заключение

В диссертационной работе был проанализирован механизм актуализации представления об общем происхождении, выраженный в идеи о прародителе всех корейцев Тангуне, как одного из важнейшего фактора формирования и функционирования этнического самосознания корейцев.

На основании проведенного исследования было показано, что на протяжении всей второй половины XIX в. предпринимались «попытки», как со стороны власти, так и со стороны ее оппозиции, и простого народа предотвратить политический и социально-экономический кризис, который назревал все сильнее и сильнее. Предпринимались попытки создания разных вариантов его решения. Однако реформы, проводимые правительством, скорее были направлены на сохранение своей собственной власти. Они были одномоментным ответом на взрыв недовольства населения, а не последовательно проводимой в жизнь программой. Оппозиция не была сильной, убедительной. Она так и не представила реальной альтернативы правительственным реформам. Народ, что естественно, был озабочен решением своего сложившего и все время ухудшавшегося тяжелого положения. Поэтому восстания, поднимаемые им, и выдвигаемые лозунги также были направлены на облегчение своего положения, т.е. на решение текущих проблем. Во всех слоях корейского общества в меньшей степени было выражено общее этническое самосознание, на первое место выходили клановая, региональная идентичности. Результатом усиливавшегося влияния иностранных государств в Корею, их вмешательства в экономическую и политическую жизнь страны, а также более тесного знакомства с «другими» стал кризис традиционного этнического самосознания, который одновременно послужил импульсом к консолидации народа вокруг идеи противостояния иностранному засилью.

На основе этого в диссертационном сочинении делается вывод о том, что кризис в социально-политическом и экономическом положении Кореи и ее изменившееся внешнеполитическое положение в конце XIX – первой половине

XX вв. оказались важными факторами, активизировавшими мифолого-религиозное наследие корейцев и обусловившими формирование нового типа самосознания, в котором это наследие заняло ключевую роль.

Однако, несмотря на значимость деятельности отдельных личностей в актуализации историко-мифологических идей в начале XX в. возрождение их и широкое распространение не было бы возможным без длительной истории их функционирования в сознании людей на протяжении всей корейской истории, а также того факта, что они явились выражением традиционного для корейцев культа предков. Для подтверждения этого в работе были проанализированы этапы формирования и трансформации этнического самосознания и роль в нем представления об общем происхождении. Частным выражением представления об общем происхождении является представление о Тангуне как прародителе корейского народа, которое в тоже время, что очень важно, коррелируется с традиционным для Кореи культом предка, поскольку последний является основой корейской традиции, которая сохраняется на протяжении всего существования корейского этноса, и является одним из факторов его поддержания.

«Отход» от отношений с Китаем в рамках «сюзерен – вассал» в конце XIX в. позволил отказаться от представления о Киджа, которое занимало важное место в сознании корейцев в предыдущие периоды. Этому также способствовала и политика, проводимая японцами, направленная на «отрыв» Кореи от Китая, на ликвидацию представление о ней, как о «маленьком Китае». В результате «всплыл» образ его «антагониста» Тангуна. Существовавшее ранее представление о Тангуне в первой половине XX в. переживает свое новое рождение, трансформируется в условиях японской протектората и оккупации, занимает важное место в антияпонской борьбе и в новом формирующемся национальном самосознании корейцев. Важную роль в «возрождении» и «выдвижении» идеи Тангуна в общественно-политической жизни Кореи сыграли отдельные представители интеллектуальной элиты, при этом «возрождение и выдвижение» стало возможным только при условии, что оно соответствовало «запросу общества» и было ему знакомо и понятно. В первой половине XX в. идеи Тангуна

находят свое отражение в исторических сочинениях идеологов *кэмон ундон*, в «возрождении» религии *тэджонгё*.

После освобождения Кореи от японской оккупации внешнеполитический фактор выступил условием разделения единого Корейского государства. Начавшиеся вследствие этого дискуссии о названии «новых» этносов и новых корейских государств на севере и юге Корейского полуострова заложили основу для разделения единого корейского этноса и формирования новых корейских идентичностей в рамках двух корейских государств.

Анализ функционирования идей о Тангуне в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике показал, что эти идеи во второй половине XX – начале XXI вв. прошли свои этапы развития в каждой стране.

С образованием Республики Корея идеи, берущие свое начало в мифе о Тангуне, были институционализированы. Подтверждением этого являлось использование на государственном уровне летоисчисления *танги*, введение государственного праздника *кэчхонджоль*, а также применению в образовании идеи *хонигинган*. Ряд социологических опросов, проведенных в РК в разные годы, показал, что важность идеи Тангуна как основы существования единой корейской нации признается большинством южных корейцев. Между тем, согласно данным социологических опросов, в последние годы наметилась тенденция, отражающая усиление значимости в южно-корейском обществе именно «южнокорейской идентичности», по сравнению с этнической, «общекорейской идентичностью». Более того, на первый план по значимости выходит именно гражданская идентичность, как следствие укрепления в сознание южных корейцев значения политической общности – «южнокорейской нации», по сравнению с этнической. Однако, это не означает отказа южных корейцев от общекорейской этнической идентичности. Она присутствует в полной мере. Основным ее маркером как раз является общая история и культура всех корейцев, базирующаяся на мифе о Древнем Чосоне и Тангуне, как «основателе государства и прародителя всех корейцев».

В Северной Корее сразу после образования государства идеи о Тангуне не

получили широкого распространения. Однако с начала 1990-х гг. можно было наблюдать новый всплеск интереса к этим идеям, что было, в том числе, обусловлено и идеологическими причинами.

На сегодняшний день в корейском этносе, если рассматривать его как единый, одновременно действуют противоположные, по сути, процессы. С одной стороны, в двух Кореях, наблюдается тенденция к восстановлению «общего культурного наследия», например, происходит актуализация образа Тангуна, «как прародителя всех корейцев и основателя Кореи». С другой стороны, наблюдается усиление противопоставления «свой – чужой», проявление которого можно увидеть в различном отношении к одним и тем же событиям истории, явлениям культуры, попытке «поделить» общую культуру.

Какие тенденции будут оказывать большее влияние, а значит, какие этнические процессы будут превалировать в будущем, в значительной степени зависит от влияния политических и экономических факторов в обеих Кореях, а также от воздействия внешнеполитической ситуации. В случае, если тенденции к консолидации окажутся сильнее, то возможно «восстановление – формирование» общего корейского самосознания, выражением которого должно стать и появление или возрождение общего этнонима. Оставляя в стороне вопросы политического и экономического объединения, важно подчеркнуть, что объединение народа невозможно без объединяющей культурной основы. И тот факт, что в двух странах сохраняется и даже возрождается общее, как для Севера, так и для Юга, а также важное при определении этноса, представление об общности происхождения, укрепляет культурную (историко-мифологическую) основу для возможного объединения.

Список использованных источников и литературы

Письменные источники на русском языке

Исторические и литературные произведения:

1. Корейские предания и легенды из средневековых книг. Пер. с ханмуна. / Сост. и коммент. Л. Концевич; Вступит. статья Б. Рифтина; Стихи в пер. Е. Витковского; Худож. А. Костин. – М. : Худож. лит., 1980. – 286 с.
2. Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи трех государств) : в 3 кн./ Бусик Ким; изд. текста, пер., вступит. статья и комм. М. Н. Пака. – М. : Востлит РАН, 2001. Кн. 1: Летописи Силла. – 384 с. VI, 202, VIII с.
3. Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи трех государств) : в 3 кн./ Бусик Ким; изд. текста, пер., вступит. статья и комм. М. Н. Пака. – М. : Востлит РАН, 1995. Кн. 2: Летописи Когурё, Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. – 405 с., VIII, 344, VII с.

Заявления официальных лиц:

4. Ким Чен Ын. Охрана национального наследия – патриотическое дело, нацеленное на прославление истории и традиций нашей нации. Беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 24 октября 103 года чучхе (2014). – 14 с.

Письменные источники на корейском языке

Мифы и легенды:

5. Со Дэсок. Хангук-ый синхва (Корейский мифы) / Дэсок Со. – Пхаджу: Чиммундан, 2004. – 345 с.
6. Хангук минджун-ый мунхак (Корейский фольклор). – Сеул: Пакиджон, 1999. – 298 с.

Законодательные акты:

7. Ёнхо-е кванхан помнюль 1948.9.25 (Закон о летоисчислении) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). – URL:

<http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=4301&ancYd=19480925&ancNo=00004&efYd=19480925&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата

обращения: 10.08.2015).

8. Ёнхо-е кванхан помнюль 1962.1.1 (Закон о летоисчислении) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). – URL:

<http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=4302&ancYd=19611202&ancNo=00775&efYd=19620101&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата

обращения: 10.08.2015).

9. Кёюк кибонбоп 2015.1.20 (Закон об образовании) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). – URL:

<http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=167362&ancYd=20150120&ancNo=13003&efYd=20150120&nwJoYnInfo=Y&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата

обращения: 10.08.2015).

10. Куккёниль-е кванхан помнюль 1949.10.1 (Закон о национальных праздниках) [Электронный ресурс] // Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству). – URL:

<http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=4167&ancYd=19491001&ancNo=00053&efYd=19491001&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202#0000> (дата

обращения: 10.08.2015).

Периодические издания:

11. 2030 сэде 3мён чун 1мён-ын «тэханмигук кунмин-ыро сальги сильтха» (1 из 3 человек в 2030 г. «не хочет быть гражданином РК») [Электронный ресурс]

// Чунан ильбо 08.09.2015. – URL: <http://news.join.com/article/18620351> (дата обращения: 05.03.2016).

12. Ким Ёнджин. Ури нара кукхо-нын «Кхория»-га анида (Название нашей страны – не «Кхория») [Электронный ресурс] // OhmyNews. 4 июля 2002 г. – URL: <http://entertain.naver.com/read?oid=047&aid=0000005680> (дата обращения: 05.02.2016).

13. Ким Тхэсик. Тангун Ко Чосонхакхве тхонхап (Объединение научных обществ по изучению Тангуна и Древнего Чосона) [Электронный ресурс] // Ёнхап нюсы (Информационное агентство «Ёнхап») 18 февраля 2011 г. – URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=103&oid=001&aid=0004919055> (дата обращения: 01.10.2014).

14. Намбук, кэчхонджоль маджа кондонхосомун ... «тонджоктэгёль пэкхэмуик» (Общее северо- и южнокорейское заявление, приуроченное к празднованию кэчхонджоль ... «от разделения единого народа больше вреда, чем пользы») [Электронный ресурс] // Ёнхап нюсы 03.10.2015. – URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2015/10/03/0200000000AKR20151003033351014.HTML?input=1195m> (дата обращения: 05.03.2016).

15. Пак Мёнсу. Тангунсан, чонгё усанинга ёксаджок чохёнмуринга (Скульптура Тангуна, это религиозная или историческая скульптура) [Электронный ресурс] // Кхырысычхон тхудеи. 08.12.2008. – URL: <http://www.christiantoday.co.kr/view.htm?id=205654> (дата обращения: 10.08.2015).

16. «Тангиёнхо саён» чольбан номке хыйман (Более половины опрошенных хотят 'использовать летоисчисление *танги*') [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 02.10.1997. – URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997100200329101014&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-10-> (дата обращения: 05.03.2016).

17. Тангун-ын чаджу, тхонхап-ый санджин ... нампуктхониль вихан часан (Тангун - символ независимости и единства ... Основа для объединения Севера и Юга) [Электронный ресурс] // Сэге ильбо 02.10.2013 – URL:

<http://www.segye.com/content/html/2013/10/02/20131002005427.html?OutUrl=naver>

(дата обращения: 01.05.2016).

18. Хангугин 54% Тангун-ын сильджон инмуль («54% корейцев считают, что "Тангун был реально существовавшей личностью"») [Электронный ресурс] //

Кёнхьян синмун от 07.08.1985 г. – URL:

[http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&edit](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&editNo=2&printCount=1&publishDate=1985-08-)
[No=2&printCount=1&publishDate=1985-08-](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&editNo=2&printCount=1&publishDate=1985-08-)

[07&officeId=00032&pageNo=7&printNo=12265&publishType=00020](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&editNo=2&printCount=1&publishDate=1985-08-07&officeId=00032&pageNo=7&printNo=12265&publishType=00020) (дата

обращения: 05.03.2016).

19. Хан Санхо. Минджок чаджонсим хвёбок вихе танги саён чоккык комтхохаджа (Давайте еще раз задумаемся об использовании летоисчисления танги для возвращения национальной гордости) [Электронный ресурс] // Тона

ильбо. 04.10.1996. – URL:

[http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1996100400209137008&edit](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1996100400209137008&editNo=45&printCount=1&publishDate=1996-10-)
[No=45&printCount=1&publishDate=1996-10-](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1996100400209137008&editNo=45&printCount=1&publishDate=1996-10-)

[04&officeId=00020&pageNo=37&printNo=23328&publishType=00010](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1996100400209137008&editNo=45&printCount=1&publishDate=1996-10-04&officeId=00020&pageNo=37&printNo=23328&publishType=00010) (дата

обращения: 05.03.2016).

20. Чо Унчхан, «Тангунхакхве» чханниптвенда (Организация «Тангунхакхве») [Электронный ресурс] // Кёнхьян синмун (газета «Кёнхьян синмун») 10.12.1997 г. –

URL:[http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-)
[&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-)

[10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010](http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997121000329119001&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-12-10&officeId=00032&pageNo=19&printNo=16297&publishType=00010) (дата

обращения: 01.10.2014).

Данные социологических опросов:

21. Хангугин-ый чончхесон часа (Исследование идентичности корейцев) [Электронный ресурс] // Корё тэхаккё асеа мундже ёнгусо (Института азиатских

проблем при университете Корё). – URL:

http://www.asiaticresearch.org/front/content/view.do?content_seq=29

(дата

обращения: 05.03.2016).

22. 2005 Хангугин-ый чончхэсон часа (Исследование идентичности корейцев 2005 г.). [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.eai.or.kr/type_k/p2.asp?catcode=1117100000&subcatcode=1117101100

(дата обращения: 05.03.2016).

23. 2010 Хангугин-ый чончхэсон часа (Исследование идентичности корейцев 2010 г.) [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.eai.or.kr/type_k/p2.asp?catcode=1117100000&subcatcode=1117101000

(дата обращения: 05.03.2016).

Справочная литература:

24. Кванмёнпэкквасаджон 1. Чосон-ый рёкса (Энциклопедия. История Кореи). Пхеньян, 2007.

25. Хангук минджокмунхва тэбэкквасаджон (Энциклопедия корейской национальной культуры) [Электронный ресурс]. – URL:

http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Index?contents_id=E0076070 (дата обращения:

01.05.2016).

Учебная литература:

26. Ким Хэок. Вегугин-ыль вихан хангук мунхва илькки (Чтения о корейской культуре для иностранцев) / Хэок Ким. – Сеул, 2010. – 452 с.

27. Ури мунхва 100 (Наша культура 100). – Сеул, 2007. – 296 с.

Текущие материалы:

28. Нэнара. Чосон минджуджуый инмин конхвагук (Нэнара. Корейская Народно-Демократическая Республика) [Электронный ресурс]. Пхеньян, 2004–2016. URL: <http://naenara.com.kp/ko/> дата обращения: 01.05.2016).

29. Тэджонгё (Тэджонгё). [Электронный ресурс]. Сеул, 2016. URL: <http://www.daejonggyo.or.kr/> (дата обращения: 01.05.2016).

Исследовательская литература на русском языке:

30. Акуленко В. С. Эволюция автохтонных теорий этногенеза корейцев в КНДР / В. С. Акуленко // Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29-30 марта 2012 г. – М. : ИДВ РАН, 2012. – С. 255–264.
31. Бичурин Н. Я. Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М. Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. – Кн. 2. – 333 с.
32. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Либком, 2012. – 436 с.
33. Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк) / Ю. М. Бутин. – Новосибирск : Наука, 1982. – 330 с.
34. Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904 – 1910 гг.) / И. И. Василевская. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. – 118 с.
35. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
36. Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир / М. В. Воробьев. – СПб. : Центр «Петербургского Востоковедения», 1997. – 432 с.
37. Ворожищева О. М. Корейская диаспора в странах Дальнего Востока: этно-историческая характеристика (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... кандидата ист. наук / О. М. Ворожищева. – Томск, 2013. – 157 с.
38. Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев) / Р. Ш. Джарылгасинова. – М. : Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1972. – 202 с.
39. Джарылгасинова Р. Ш. Российское (советское) этнографическое корееведение (40–90-е годы XX в.) / Р. Ш. Джарылгасинова // Российское корееведение. Альманах. – Москва, 1999. – Вып. I. – С. 46–64.

40. Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху : автореф. дис. ... докт. ист. наук / Р. Ш. Джарылгасинова. – М., 1986. – 33 с.
41. Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («стела Квангэтхо-вана») / Р. Ш. Джарылгасинова. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. – 182 с.
42. Забровская Л. В. Политика цинской империи в Корее 1876 – 1910 гг. / Л. В. Забровская. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. – 133 с.
43. Ионова Ю. В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев / Ю. В. Ионова. // Страны и народы Востока. – М., 1968. – Вып. VI. – С. 154–157.
44. Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.) / Ю. В. Ионова. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – 232 с.
45. Ионова Ю. В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев / Ю. В. Ионова // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. – М., 1970. – С. 147–174.
46. Ионова Ю. В. Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) / Ю. В. Ионова // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. – М., 1980. – С. 4–35.
47. История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А. В. Торкунова. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 430 с., ил.
48. История Кореи (С древнейших времен до наших дней): в 2 т. / ред. т. Ю. В. Ванин. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. – Т. 1. – 470 с.
49. История Кореи (С древнейших времен до наших дней): в 2 т. / ред. т. В. Д. Тихомиров. – М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1974. – Т. 2. – 480 с.

50. Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса / В. И. Козлов // Советская этнография. – М. : Издательство «Наука», 1974. – № 2. – С. 79–92.
51. Конрад Н. И. Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX – XX веков / Н. И. Конрад // Неопубликованные работы. Письма. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – 544 с.
52. Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон / Л. Р. Концевич // Этническая ономастика. – М., 1984. – С. 173–192.
53. Концевич Л. Р. Исторические названия Кореи / Л. Р. Концевич // Этнонимы. – М., 1970. – С. 61–77.
54. Концевич Л. Р. Корееведение. Избранные работы / Л. Р. Концевич. – М. : Муравей-Гайд, 2001. – 640 с.
55. Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза / М. В. Крюков // Расы и народы. – М. : Издательство «Наука», 1976. – № 6. – С. 42–63.
56. Крюков М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. – 311 с.
57. Курбанов С. О. Основные положения северокорейских «идей приоритета армии» - сонгун / С. О. Курбанов // Восточная коллекция. Осень 2001. № 4. – С. 58–65.
58. Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. / С. О. Курбанов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 626 с.
59. Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры / С. О. Курбанов // Вестник ЦКЯиК. – СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 102–111.
60. Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее / С. О. Курбанов // Вестник ЦКЯиК. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 160–173.

61. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы / П. И. Кушнер. М. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 277 с.
62. Кюннер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосон / Н. В. Кюннер. – Владивосток : издание и печать Восточного института, 1912. – 656 с.
63. Носкова Н. Г. Идеи, основанные на мифе о Тангуне, в контексте проблемы национальной идентичности в Республике Корея / Н. Г. Носкова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, № 10. – С. 150–158.
64. Носкова Н. Г. Миф о Тангуне в южнокорейской историографии / Н. Г. Носкова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 2 (34). – С. 88–94.
65. Носкова Н. Г. Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности / Н. Г. Носкова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 398. – С. 122–126.
66. Пострелова М. Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды / М. Н. Пострелова // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. – СПб. : СПбГУ, 2001. – С. 137–158.
67. Роль религиозного фактора в жизни корейского общества / Под ред. И. А. Толстокулакова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 468 с.
68. Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи / Т. М. Симбирцева. – М. : РГГУ, 2012. – 646 с.
69. Тихонов В. М. Культ предков в современной Республике Корея / В. М. Тихонов // Проблемы истории, философии, культуры. – М.-Магнитогорск, 1995. – Вып. 2. – С. 396–401.
70. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. / В. М. Тихонов, Мангиль Кан. – М. : Наталис, 2011. – Т.1 : С древнейших времен до 1876 года. – 533 с.

71. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. / В. М. Тихонов, Мангиль Кан. – М.: Наталис, 2011. – Т. 2 : Двадцатый век. – 498 с.
72. Толстокулаков И. А. Положение религии в КНДР: история и современность / И. А. Толстокулаков // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30-31 марта 2010 г.) – М. : ИДВ РАН, 2010. – С. 169–180.
73. Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры / И. А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 233 с.
74. Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.) / А. Ф. Троцевич. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 323 с.
75. Троцевич А. Ф. Несколько слов о «Самгук юса» - историческом труде буддийского наставника Ирёна / А. Ф. Троцевич // Вестник Центра корейского языка и культуры. – СПб., 2003. – Вып.5-6. – С. 151–162.
76. Тэдонганская культура. Пхеньян : Издательство литературы на иностранных языках, 2001. – 198 с.
77. Тягай Г. Д. Крестьянское восстание 1893-1895 гг. / Г. Д. Тягай. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 207 с.
78. Тягай Г. Д. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. / Г. Д. Тягай, В. П. Пак. – М. : «Восточная литература» РАН, 1996. – 231с.
79. Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. / Г. Д. Тягай. – М. : Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 239 с.
80. Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее / Г. Д. Тягай. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. – 248 с.
81. Хан Ёнью. История Кореи. Новый взгляд / Ёнью Хан. М. : Вост. лит., 2010. – 758 с.
82. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
83. Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 года в Корее / Ф. И. Шабшина. – М. : Издательство восточной литературы, 1958. – 213 с.

84. Шабшина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1918 – 1945 гг.) / Ф. И. Шабшина. – М. : Издательство восточной литературы, 1959. – 276 с.
85. Шелепов Г. В. Общность происхождения – признак этнической общности / Г. В. Шелепов // Советская этнография. – 1968. – № 4. – С. 65–74.
86. Шерстова Л. И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур / Л. И. Шерстова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 402. – С. 176–181.
87. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. М. : Либроком, 2011. – 134 с.
88. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М. : Новое издательство, 2006. – 200 с.

Исследовательская литература на корейском языке:

89. Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). – Сеул : Пхульпит, 2003. – 479 с.
90. Квон Сона. Хангук кёюкса сок-есой тангунминджокчуи (Национализм Тангуна в истории корейского образования) / Сона Квон // Кочосон Тангунхак. – 2013. – Вып. 28. – С. 1–38.
91. Ким Бёнги. Тангиёнхо-ва тэханмингук имсиджонбу (Летоисчисление танги и временное правительство Республики Корея) / Бёнги Ким // Сондо мунхва. 2012. – Вып. 12. – С. 73–93.
92. Ким Гибон. Ёкса-ый коуль-е пичхво пон хангугин чончхесон (Идентичность корейцев в зеркале истории) / Гибон Ким // Хангук сахак сахакбо. – 2010. – Вып. 21. – С. 149–170.
93. Ким Донхван. Хангук чонгёса сок-есой тангунминджокчуй (Национализм Тангуна в истории корейской религии) / Донхван Ким // Синджонгё ёнгу. – 2003. – Вып. 8. – С. 61–83.

94. Ким Самун. Кукхо-ро понын пунёль-гва тхонхаб-ый хангукса (Разделение и объединение в истории Кореи сквозь призму названий государств) / Самун Ким // Инмуль-гва сасан. – 2007. – Вып. 115. – С. 208–217.
95. Ким Тхэхи. Кындэ иджон сиги 'тонин' ыйсик-ый куджо-ва пёнчхон (Структура «тонин ыйсик» накануне Нового времени и его изменение) / Тхэхи Ким // Минджокхак ёнгу. – 2009. – Вып. 8. – С. 119–143.
96. Ким Ыйсук. Тангунсинан-ый хёнсон-гва чонгэ (Формирование и развитие веры в Тангуна) / Ыйсук Ким // Канвонминсокхак. – 2007. – Вып. 21. – С. 493–524.
97. Ли Ванбом. Кукхо «Тэхан мингук»-ый мёнмён (Название страны «Тэхан мингук») / Ванбом Ли // Хванхэ мунхва. – 2008. – Вып. 60. – С. 48–75.
98. Ли Джон. Ханбандо ёкса-е тхуэнтвен самхан кэнём-ый пёнхва-е тэхан кочхаль (Об изменении понятия *самхан* в истории Корейского полуострова) / Джон Ли // Хангук чиек чири хакхве хаксуль тэхве. – 2012. – Вып. 2. – С. 56–60.
99. Ли Джонсок. Тангунваннын пальгуль-гва пукхан-ый минджокчуый (Раскопки гробницы Тангуна и северокорейский национализм) / Джонсок Ли // Тхониль хангук. – 1994. – № 4. – С. 68–71.
100. Ли Икчу. Корёхуги тангунсинхва киров-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне в последний период Корё) / Икчу Ли // Мунмёнёнджи. – 2003. – Вып. 4, № 2. – С. 47–57.
101. Ли Сукхва. Тэджонгё соллип чхоги ильдже-ый тханап-ква тэын янсан (Притеснения со стороны японских империалистов в первые годы после образования тэджонгё и реакция на них) / Сукхва Ли // Сондо мунхва. – 2014. – Вып. 18. – С. 141–184.
102. Ли Хану. Тангунсинхва-рыль тхонхан корёин чончхесон кёюк (Воспитание идентичности *корёин* через миф о Тангуне) / Хану Ли // Хангук сасан-гва мунхва. – 2010. – Вып. 55. – С. 459–482.
103. Лим Джэхэ. Тангунсинхва-е кальмурутвен мунхваджок вонхён-гва минджок мунхва-ый чончхесон (Культурный архетип, основанный на мифе о

Тангуне, и национальная культурная идентичность) / Джэхэ Лим // Тангунхак ёнгу. – 2007. – Вып. 16. – С. 273–348.

104. Лим Чхэу. Хэбан ху тангун инсик-ый пёнхва-ва мундже (Изменение представлений о Тангуне после Освобождения Кореи) / Чхэу Лим // Сондо мунхва. – 2012. – № 12. – С. 47–71.

105. Лим Чхэук. Пукхан мунхва-ый ихэ (Понимание северокорейской культуры) / Чхэук Лим. – Инчхон, 2004. – 407 с.

106. Мин Ёнхён. «Тангунхак» кэнём-ый чхольхакчок кочхаль-гва кы чопкын (Философское исследование понятия «Тангунхак» и соответствующий подход к изучению) / Ёнхён Мин // Ко Чосон Тангунхак ёнгу. – 2003. – 9. – С. 189–220.

107. Мин Ёнхён. Ханмиджок-ый мунхва вонхён-гва тангун (Корейский национальный культурный архетип и Тангун) / Ёнхён Мин // Тангунхакёнгу. – 2007. – Вып. 17. – С. 221–253.

108. Но Тхэдон. Пукхан хакке-ый кочосонса ёнгу тонхян (Тенденции в исследовании истории Древнего Чосона в северокорейской науке) / Тхэдон Но // Тангун-гва Ко Чосонса. – Сеул, 2000. – С. 240–264.

109. Пак Кванъён. Тангунсинан-ый одже-ва оныль (Вера в Тангуна вчера и сегодня) / Кванъён Пак // Хангукса Симинканджва. – 2000. – Вып. 27. – С. 59–79.

110. Пак Чунхён. Пэгам Пак Ынсик-ый ко ыосон инсик – Син Чхэхо-ва пигё-рыль чунсим-ыро (Понимание Древнего Чосона у Пак Ынсика – в сравнении с Син Чхэхо) / Чунхён Пак // Хангук сахакбо. – 2014. – Вып. 54. – С. 7–31.

111. Син Ёнха. Хангук «вонминджок» хёнсон-гва «чонгындэминджок» хёнсон (Становление корейской «протонации» и «нации, предшествовавшей Новому времени») / Ёнха Син // Сахве-ва ёкса. – 2010. – Вып. 88. – С. 151–194.

112. Со Ёндэ. Чонтхонсидэ-ый тангун инсик (Представление о Тангуне в традиционном обществе) / Ёндэ Со // Тангун-гва Кочосонса. – Сеул, 2000. – С. 159–183.

113. Тангун-гва кочосон-е кванхан ёнгуронмунджип (Сборник статей по изучению Тангуна и Древнего Чосона). – Пхеньян, 1994. – 147 с.

114. Ха Юнсоп. Чосон хуги тангун-е тэхан киок-ый пёнхва-ва кы соин (Изменения памяти о Тангуне в период Поздний Чосон и их причины) / Юнсоп Ха // Ури мунхак ёнгу. – 2013. – Вып. 38. – С. 253–286.

115. Хангугин, ури нугуинга? Ёронджоса-рыль тхонхэ пон хангугин-ый чончхэсон (Корейцы, кто мы? Корейская идентичность на основе анализа социологических опросов) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eai.or.kr/type_k/panelView.asp?bytag=p&catcode=1117101000&code=kor_book&idx=10446 (дата обращения: 05.03.2016).

116. Хо Ёль. Конгук кваджон-есой кукхо нонджэн-е тэхан пунсок (Анализ дискуссий, связанных с выбором названия, развернувшихся в период образования государства) / Ёль Хо // Хангук минджок мунхва. – 2004. – Вып. 24. – С. 349–377.

117. Хон Сунэ. Кындэ кемонги тангунсинхва тамнон-ый сосаджок чэхён – Пак Ынстик-ыль чунсим-ыро (Миф о Тангуне в период *кэмон* – на примере работ Пак Ынсика) / Сунэ Хон // Ханминджок мунхва ёнгу. – 2009. – Вып. 28. – С. 197–225.

118. Чо Хёнсоль. Кындэ кемонги тангун синхва-ый тхальсинхвахва-ва чэсинхвахва (Демифологизация и ремифологизация мифа о Тангуне в период просветительского движения) / Хёнсоль Чо // Минджок мунхакса ёнгу. – 2006. – Вып. 32. – С. 10–32.

119. Чон Губок. Ури нара кукхого – ханбандо тхониль иху кукхо чеджон-ыль вихан кичхо ёнгу (Исследование названий государств в Корее – Базовое исследование для определения названия страны после объединения государств Корейского полуострова) / Губок Чон // Чансогак. – 2013. – Вып. 29. – С. 308–329.

120. Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы 'мандыроджин чонтхон'-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён (Кэчхонджоль, основы этой «созданной традиции», изменения и контекст) / Ёнхун Чон // Ко Чосон Тангунхак. – 2010. – № 23. – С. 401–444.

121. Чон Ёнхун. Минджок тхониль ундон-гва тангунминджокчуый (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) / Ёнхун Чон // Ко Чосон Тангунхак. – 2004. – Вып. 11. – С. 271–301.

122. Чон Ёнхун. Нам-гва пук-ый тангуинисик-ква тангунсунан (Понимание Тангуна и вера в Тангуна на Юге и Севере) / Ёнхун Чон // Ко Чосон Тангунхак. – 2005. – Вып. 12. – С. 177–219.
123. Чон Ёнхун. Самильундон-гва тангунминджокчуый (Первомартовское движение и национализм Тангуна) / Ёнхун Чон // Тонъян чончхи сасанса. – 2012. – Вып. 11. № 2. – С. 63–90.
124. Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хонигинган кёюк инём (Летоисчисление *танги*, государственный праздник *кэчхонджоль*, педагогическая идея *хонигинган*) / Ёнхун Чон // Чонсин мунхва ёнгу. – 2008. – Вып. 31. № 4. – С. 163–193.
125. Чон Ёнхун. Тангунминджокчуый-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) / Ёнхун Чон // Ко Чосон Тангунхак. – 2003. – Вып. 8. – С. 145–185.
126. Чон Ёнхун. Тангунсинхва-ый чончхисасан (Политические идеи мифа о Тангуне) / Ёнхун Чон // Тонъян чончхи сасанса. – 2009. – Вып. 8. № 2. – С. 5–31.
127. Чон Ёнхун. Тангунхак ёнгу-ый хёнхван-гва квадже (Ситуация в области тангуноведения и задачи) / Ёнхун Чон // Ко Чосон Тангунхак. – 1999. – Вып. 1. – С. 1–28.
128. Чон Ёнхун. Тэджонгё-ва ‘тангунминджокчуый’ (Тэджонгё и национализм Тангуна) / Ёнхун Чон // Тангунхак ёнгу. – 2004. – Вып. 10. – С. 281–310.
129. Чон Ёнхун. Хангугин-ый чончхесон-гва хонигинган инём (Идентичность корейцев и идея хонигинган) / Ёнхун Чон // Ко Чонсон Тангунхак. – 2002. – № 6. – С. 145–169.
130. Чон Миён. Пукхансахве-ый чонтхонмунхва инсик (Понимание традиционной культуры в северокорейском обществе) / Миён Чон // Хангук минджок мунхва 27. – 2006. – № 4. – С. 379–406.
131. Юн Нэхён. Тангунхак чоннип-ыль вихан мёт каджи чондже (Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения) / Нэхён Юн // Ко Чосон Тангунхак. – 2003. – Вып. 8. – С. 187–213.

132. Ян Сынхэ. Тангиёнхо-ва тхониль: ёнхо чеджон-гва пхеджи-ый нам-пукхан чончхиса-ва ёксаыйсик, кыриго тхонильгукка-ый чончхесон мундже (Летоисчисление *танги* и объединение: утверждение и отмена летоисчисления в политической истории и историческом сознании Северной и Южной Корей, вопрос идентичности объединенного государства) / Сынхэ Ян // Хангук чончхи хакхвебо. – 2007. – № 41(2). – С. 25–46.

Исследовательская литература на английском языке:

133. Kang Etsuko H. Kita Sadakichi (1871-1939) on Korea: a Japanese Ethno-Historian and the Annexation of Korea in 1910 / H. Etsuko Kang // Asian Studies Review. – 1997. – 21. – P. 41–60.

134. Sun Weiguo. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson / Weiguo Sun // Chinese Studies in History. – 2011. – Vol. 44, No. 4. – P. 20–46.

Список таблиц

Таблица 1 – Ответы на вопрос «Насколько близко Вы чувствуете свою принадлежность к следующим группам?»	Раздел 3.2, С. 111.
Таблица 2 – Ответы на вопрос «Насколько сильно Вы чувствуете близость с корейцами, живущими за границей?»	Раздел 3.2, С. 112.
Таблица 3 – Ответы на вопрос «Насколько важными Вы считаете следующие положения, чтобы быть корейцем?»	Раздел 3.2, С. 114.